

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Анна Р. ХАН

У КАЖДОГО СВОЙ
ПУТЬ В ХАРАД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Принцы, эльфы, наемные убийцы, шпионы, волшебные существа, люди с паранормальными способностями и обычные – все они втянуты в водоворот судеб, и никто не знает, насколько велико влияние каждого из них на мировую историю в целом. Как и всегда, борьба добра со злом и стремление человека изменить мир и себя.

В центре событий Ольмар Роуи Весейжд Хальмгард-третий – один из князей Великого Озерного края. Сможет ли он переломить ход истории и так ли неизбежен бесславный закат его империи?

Анна Р. Хан

У каждого свой путь в Харад

Глава 1

Вых проснулся посреди ночи от холода.

Он попробовал втянуть ноги под покрывало. Ничего не вышло. Жена почти полностью утащила одеяло на свой край кровати, оставив Выху на разживу куцый угол.

Согреть ступни об ее теплые колени тоже не получилось. Леветина угрожающе заворчала от прикосновения и отползла еще дальше. Разумеется, вместе с одеялом.

Вых сел на кровати. Поскреб волосатый живот под рубахой и вздохнул. Хватали за пятки поднимающиеся от половиц гонцы сквозняка и оттесняли его чуткий сон все дальше.

Нет, одеяло не было в хате единственным. Их с Леветиной семья вполне даже зажиточная, не какие-нибудь там голодранцы. Не лентяи и не голь деревенская. Работают, стараются, на ветер деньги не пускают; как говорится, все в дом, все в семью. Так что второе и третье одеяла в доме имелись.

Но лежали-то они на печи в углу хаты. И под ними спали дети. Может, там одеялки и без особой надобности – печь-то теплая, да и согревают они друг друга. Как котята в лукошке. Но отбирать что-либо у родных детей Вых ни в жизнь бы не стал.

«Вот разве что перебраться к ним?» – Вых с тоской посмотрел в угол. Сам он был маленьким, квелым (не в пример дородной жене), но даже он не поместился бы с краю на свободном пяточке полатей, не рискуя свалиться во сне прямиком на пол.

– Лететь не высоко, да падать твердо, – пробормотал Вых и снова вздохнул.

Решение родилось само собой. Теплый женин тулуп висел в сенях, если класть его поперек – в самый раз Выха закроет целиком. Зевая, мужчина поплелся в сени. Уже там, путаясь в рукавах зимней одежды, ему пришла в голову мысль сходить на двор. Само собой, не просто так поглядеть на звезды, а по нужде. Все одно ж не спится. А так вроде и не зря встал.

Ночь была звездная. Вых с чувством зевал, глядя в небо. Размышлял – будет ли завтра дождь. И если будет, то на сколько зарядит. Он почти закончил свое маленькое дело, когда взгляд соскользнул с высоты на землю. На видневшуюся у подножия поросшего лесом холма деревушку.

Там, внизу, в тени, сползшей с холма под лунным светом, перемещаясь, мелькали огни. Совсем уж не к месту, если принять во внимание позднее время суток.

Вых мгновенно захлопнул рот и выпучил глаза. А снизу на него таращилась вспыхивавшими окошками хат проснувшаяся посреди ночи невесть с чего деревня.

Огоньки вырвались из деревни на большак, а оттуда свернули на дорогу, возникшую из некогда прорубленной в стене леса просеки. Конники с факелами. А дорога эта пренебреженно к избе Выха выводит. А ей-то и некуда больше...

Черета изменений на картинках, впечатывающихся в мозг Выха между взмахами век, была невероятно стремительна. Он отчаянно моргал, не в силах поверить в то, что все происходящее ему действительно не снится.

Выгода, которую получала деревня от соседства с семейством Выха, являлась гарантией сохранения его инкогнито для всего остального мира. Он был лелеемым сокровенным. Курицей, несущей золотые яйца. При появлении опасности в окошко Выховой хаты скребся посланный из деревни очередной, почти наверняка сопливый, но быстроногий гонец.

– Дядь лесовик, эй, дядь! Повставайте тама все – принесло невесть кого давеча. Лихие

люди! Про тебя пытаются! Ховайтесь!

Семья лесовика исчезала в чаще, пока селяне, разводя руками и изображая неведение, выигрывали для них время. Мужики посмеивались, оглаживая бороды: «Какие такие лесовики? Вот вы вроде образованные люди, не темные, а в сказки верите. Как маленькие, право». Бабы взвизгивали и плевались: «Какие лесовики – вона церковь недавно справили только! Наветы все это рыманских чистоплюев! Ах, так вы с Ольмхольмской стороны прибыли... Так с озерников что взять? Им везде нечисть мерещится. Их спроси, так у них в озерах рыбы через раз разговаривают на удматорском языке!»

Когда пришлый люд не вызывал подозрений, разговор шел в несколько ином русле. «Чевой вы говорите? Лесовика нет, никакого не знаем, а проводник он есть, это да. Только он в Потлове. Ага, у князя Всемира. На службе. Если не к спеху вам, так мы можем и посодействовать, конечно...» Мужики угодливо кивали, пряча за улыбкой хитрый прищур. «Посодействовать оно, конечно, завсегда можно. Только вот сколько уважаемые путники заплатить-то собираются?»

Вот так и получилось, что со времен последнего военного похода Рымана на Потлов никто посреди ночи в дом к Выху не врывался. Ни с факелом, ни без.

А ране...

Но тогда времена другие были, тогда могли и за шкурку из постели вытащить и задарма месяц туда-сюда через болота шастать заставить. В целях безопасности государства.

Вых развернулся и кинулся было бежать к дому, но, запутавшись в спущенных штанах, со всего размаху долбанулся об крыльцо. Под крыльцом, как бы извиняясь, заскулил притащенный из лесу по весне волчок. Сквозь щели досок Вых увидел прижатую к земле морду с прижатыми же ушами и влажные бусины виноватых глаз.

– Что ж ты, гад, раньше не разбудил! Они, поди, там уже не первый час куролесят! – Вых перепрыгнул через ступеньки, рывком распахнул дверь.

– Леветина! Быстро! Сбирай детей!

Женщина подскочила. Мгновенно пробудившись – беспокойные времена на генетическом уровне выработали способность просыпаться с готовностью бодро бежать в неизвестном направлении. Не до сна, чай. Леветина метнулась к печи, стаскивая одного за другим четверых сыновей.

– Просыпайтесь! Просыпайтесь!

Ни на миг не останавливая мелькание своих больших, мягких, занятых делом рук, стрельнув глазами на мужа, Леветина все же решилась спросить:

– Вых, что там?

– Да кто его знает... Сюда едут.

– Да кто?

– Не разобрал толком, только навряд ли с факелами по темени будут добрые люди шяться.

– Может, по делу?

– По делу бы сразу к нам поднялись. А то попервой всю деревню переполошили. Смекаешь? Может, и порешили там всех...

Леветина горестно всплеснула руками и сдавленно всхлипнула.

Пацаны испуганно моргали. Старший тер кулаком глаз.

– Чё случилось-то?

– Чё-чё... ничё... – Отец и мать в четыре руки обували маленькие, теплые со сна ножки

в лапоточки. – Сейчас в лесок стоняем быстренько, и все...

– И мамку возьмем, что ли? – удивился маленький, самый похожий на Выха, а потому, наверное, и самый любимый им.

– А чё нам мамку и не взять? Возьмем... – Вых подхватил его на руки, увлекая и всех остальных за собой к двери.

– Так раньше не брали же? – не отставал сынок. – Она в деревню спускалась.

– То раньше, а то сейчас. Сейчас другое дело.

– А почему другое?

У дверей Леветина тихонько завывала:

– Вых!

К добротным воротам частокола подкатился дробным перестуком шум копыт. Отблески света факелов. Многоголосная быстрая речь.

– Не успели, – свистящим шепотом выдохнула Леветина.

Муж и жена замерли, глядя друг на друга. Оба в длинных домотканых рубахах. Всклоченные. К крутым бедрам Леветины прижимались фигурки закутанных наспех близнецов. Старший сын, долгожданный первенец, стоит чуть поодаль. Смотрит исподлобья. Он дорос Выху уже до плеча. Он не напуган, как остальные. Скорее зол. Подняли посреди ночи, опять куда-то бежать...

Вывести детей из дому они так и не успели. В проем закрываемой двери Вых успел заметить, как распахивались, жалобно всхлипнув, под чьим-то натиском створы ворот.

Вых сунул младшего Леветине в руки:

– В подпол! Быстро! В подпол! Ховай их!

По двору рассыпалась дробь перестука копыт.

– Открывай!

Вых отпрыгнул от двери:

– Да что ж вы копаетесь-то!

– Я больше ни в одну лазейку без тебя не полезу, – мрачно и безапелляционно заявил старший сын. – Я выходы из них плохо чую.

– Открывай! – Дверь содрогнулась от ударов. Стучали громко и, вероятно, ногой.

Вых прикрыл глаза. Петли долго не продержатся...

Леветина отвесила старшему подзатыльник.

– Еще как полезешь! Поспорь еще! Ишь ты! – Леветина знала об используемых мужем лазейках только то, что они существуют. Однако это было намного больше, чем знали все остальные.

– Да тесная та лазейка! И выходит не пойми где! – Старший сжал от обиды кулачки и зло блеснул глазами, полными слез, на мать. – Не знаешь ты, вот и не говори!

– Вот и ладно. Не пойми где – это подалее отсюда, что и хорошо! – Леветина с невероятной быстротой наvertsела на его шею и голову кушак и подтолкнула в нужном направлении. – Лезь, я тебе сказала!

– Не полезу, – уперся ребенок. Он поднял взгляд. – Тесная она, говорю. Вы там с папкой точно не пройдете. Я еле пролезаю, в прошлый раз все колени ободрал.

Леветина крепко взяла его за плечи и встряхнула.

– А маленьких кто выведет? – Она кивнула в сторону крышки открытого погреба. Оттуда доносилось отчетливое сопение нескольких маленьких носов. Кто-то изо всех сил старался не заплакать. – Лезь, говорю!

Почти столкнув сына в подпол, она опустила крышку.

– Мам, мы не хотим без тебя уходить! – Маленькие ручки затарабанили по ней с внутренней стороны.

– Цыц! Цыц, я сказала! – Леветина шлепнула ладонью по доскам и зашипела в пол: – Сейчас спущусь, уши всем поотрываю! В лазейку – и быстро-быстро уходите!

Леветина чуть посидела, прислушиваясь к шороху под полом, потом поднялась с колен и схватилась за стоявший у стены сундук.

– Ну что ты стоишь-то как каменный? Помоги сдвинуть!

От тщедушного Выха было мало пользы. Вдобавок у него тряслись руки. Но кое-как они дотолкали неподъемный сундук до двери и подперли ее. Леветина села на сундук сверху и, раскачиваясь, затянула вполголоса, перемежая причитаниями, то ли песню, то ли молитву.

– Открывай, говорю! – Факелы маячили за досками ставней. – Открывай! А то спалю все на хрен!

Вых вместо того, чтобы испугаться, подумал, что голос очень молодой. Звонкий такой, молодой женский голос.

– Ой, как страшно, божечки мои, ой как страшно... – эхом вторил ему Леветинин полусшепот.

«Может, это мне все-таки просто снится? Передышал давеча болотных испарений, сопровождая купеческий обоз, что в Княжград путь держал, вот теперь кошмары и мучают? Хорошо, если б так и было...»

Вых не отрываясь смотрел на жену. За ее спиной сквозь щели дверных досок пробивались лучики от дрожащего света факелов.

– Поторопись, поторопись, хозяин. – Тяжелыми шагами говоривший мерял Выхову горницу из конца в конец. – Время. Время – оно-то жжет.

Леветина, кутаясь в платок, стояла, привалившись к косяку входной двери. Ее взгляд затравленно скользил по незнакомцам, пришедшим за ее мужем, а губы неслышно и безостановочно складывались в слова. Изредка прорывающиеся истерическим тихим шепотом, так что их можно было разобрать:

– Страшно-то как... куда ж на ночь глядя... что же будет... Господи, господи...

За плечом Леветины виднелась стоявшая за воротами подвода и хвостатый зад впряженной в нее лошади. Лошадь время от времени переступала задними ногами и обмахивалась хвостом. Собственно, как и положено лошади. И, пожалуй, только в этом не было ничего удивительного.

Все остальное было из ряда вон. Но самым удивительным было то, что на месте возникшего сидел местный деревенский парень. Косой Аурус из крайней у леса хаты. И подвода, и лошадь, в нее впряженная, тоже были деревенскими. Вых их сразу узнал. Жалел только, что не может прямо сейчас подойти к Аурусу этому и прицельно в его косой глаз плюнуть. Ничего, это успеется. Ему, Выху, только бы эту ночь пережить. А там он сквитается с теми, кто на него эту банду натравил. Вернее, с тем, кто его этой банде выдал.

«Это ж надо – выдать чужакам дом лесного человека! Запомнили, что ли, что проводник единственный на всю округу остался?»

Того, кто лежал на подводе, отсюда не было видно. Но по короткому отрывистому рассказу ходившего туда-сюда как маятник незнакомца Вых знал, что там лежит раненый. Он не кричал, не стонал, не шевелился. Одним словом, живым совсем не казался. И от этого вся

ситуация выглядела еще более страшной.

«Страшно-то оно, конечно, страшно, – думал Вых, заматывая вокруг лодыжек ленты от лаптей. – Но оставлять эту толпень в доме до утра еще страшней... Да и не остались бы они. Добром-то... Точно не остались...»

Прямо рассматривать пришельцев он не решался, поэтому бросал на них искоса быстрые взгляды. Словно по их внешности было возможно угадать знаки уготованной ему самому судьбы. Четверо мужчин и женщина. Двое – высоченные, здоровенные, с толстыми шеями и предплечьями. Ростом и фигурой схожи как братья, а по возрасту один другому скорее в отцы годился.

«Но не родня они, все ж не родня... Слишком разномастны...»

Тот, что постарше, безостановочно расхаживает по горнице. Курчавый, черноволосый. Вожак, что ли, их? Слушают они его... Борода блестящая, окладистая, глаза как антрацит. Второй полная противоположность ему – светлый, белесый, волосы льняные, лицо гладкое, а кожа такая белая, что казалось, светится в темноте. Осанка жесткая, горделивая, как у князя. И посматривает на него, на Выха, брезгливо, как на таракана какого. Раздавленного. Глаза холодные, как будто перевернутые. И имя странное, чужое, холодное, под стать глазам – Ольм.

Третий – смуглый, маленький, ростом, верно, лишь на полголовы выше Выха, но в плечах мощнее его – не сравнить. Молчит все время. Только глазами черными зыркает по сторонам. И постукивает время от времени по голенищу плетью. Нетерпеливо.

А последний... На него Вых смотреть боялся даже искоса. Плащ на манер монастырского был тому виной или то, что незнакомец поворачивался на каждое движение Выховой головы?

«Не поймешь – большой, ссутулив плечи, стоит или на самом деле невысокий? С макушки одна ткань... Да столько, что хватило бы всю семью обшить. Вроде монах – ряса, подпоясанная скрученным кожаным поясом, четки петель каменьев колышутся... А с другой стороны – странный больно для монаха...»

А вот бабенка с ними явно бесноватая. А и то, какая иная с мужиками бедовыми таскаться по ночи будет? Вых так решил сразу, как только ее увидел. Крикливая, с нервным, подергивающимся лицом и колтуном непонятного цвета волос на голове. Не женщина, одним словом, с виду пацан-подросток с торчащими ключицами и худыми запястьями.

Вых закончил наконец свое мудреное занятие, поднялся с лавки. Поняв, что вот именно сейчас мужу придется все-таки выйти из-под родного крова, Леветина тихонько взвыла. Она посторонилась, пропуская всех пришлых на выход. Вжалась в угол, чтобы никак даже краем одежды не испачкаться от соприкосновения с ними. И стремительно вынырнула из своего убежища, чтобы лишь на мгновение уткнуться лицом в плечо уходящего Выха. И тут же отпрянула, горько заплакав навзрыд, утираясь уголком платка.

– Да не ной, хозяйка! Чай не на войну его забираем! Рановато оплакивать-то! – Женщина-подросток ловко приладила хлыст за голенище сапога. – Хейя, Гьд, выезжаем! – Она легко вспрыгнула на лошадь позади меньшого всадника. Прижалась к его широкой спине и оказалась одного с ним роста – макушки, колени и ступни на одном уровне. – А ты, мужичок, влезай на мою кобылу. Своей, поди, разжиться не успел.

Вот этого Вых ну никак не ожидал. Домашние животные, в отличие от диких, были для него загадкой, а высоченных лошадей он и вовсе даже боялся.

– Я, это... – Он кашлянул, прочищая горло. – Мне оно, того... пешком сподручней будет.

– А нам пешком несподручней, – пробасил черноволосый бородач. – Время у нас жжет.

– Вообще-то путь неблизкий, – пробормотал Вых, все еще мысленно соизмеряя высоту лошади со своим ростом. – И так-то оно быстрее, конечно...

– Не бойсь, задохлик, – усмехнулся всадник, – поедем шагом.

Вых оглянулся. Леветина все так же стояла, тяжело привалившись к дверному косяку. Поймав взгляд мужа, женщина взвыла чуть громче. Душу Выхову царапнуло что-то нехорошее, противно-лохматое.

«Дай бог, не последний раз видимся, – подумал он, глядя на все больше утопающий в темноте силуэт жены. – Эх, жизнь! Что так, что этак, все одно помирать когда-нибудь придется. Только вот прямо сейчас не хочется. Сейчас бы выдюжить. Не пропасть. Не сгинуть. Так-то оно и выйдет – а как иначе? Не может быть такого, чтобы на роду Выхову было написано помирать так скоро! Не, шалишь, выкручусь! Ох, только б этот шестой не подох по дороге».

Тревожные предчувствия не обманули Выха. Шагом никто ехать не собирался. Уже после первых двадцати метров лошади перешли на легкую рысь. Зубы Выха клацали в такт перестука копыт, а сам он елозил по спине кобылы из стороны в сторону.

– Первый раз в седле? – бросил тот всадник, который раньше обозвал его задохликом.

Вых кивнул. И поблагодарил Бога, что ему не пришлось в голову отвечать вслух – если всего лишь кивая, он умудрился прикусить себе язык, страшно даже подумать, что бы произошло, реши он всерьез пошевелить челюстью.

Бородач неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал.

Вых судорожно вцепился в вожжи, стараясь поймать движение лошади, понять его и слиться с его ритмом. Это никак не удавалось – лошадь то и дело храпела, сбивая шаг. Явно стараясь показать, что соседство с лесным человеком ей удовольствия также доставляет мало.

Что поделаешь, лесные люди и прирученные животные не привыкли доверять друг другу. Лошадь не доверяла запаху дикого леса, возникшему неожиданно-негаданно на ее спине, а Вых доверял своим собственным ногам больше, нежели чьим бы то ни было.

Все знают об этом.

Вернее, видимо все, кроме этих пятерых. Так что Выху только и оставалось, что неумело трястись на лошадке да молиться, чтобы наезженная дорога осталась позади, а норовистая кобыла не взбрыкнула задом, скидывая его себе под ноги, чтобы втоптать в придорожную пыль.

Скоро, к своему неудовольствию, он отметил, что, если бы раненый не стонал при каждом неудачном толчке подводы, вся кавалькада уже бы летела самым быстрым аллюром.

«Ну ладно, понесло их ночью через болото – меня из сна выдернули: веди через топь прямо сейчас! Может, и правда за товарища переживают, прикипели к нему душой, боятся, что до рассвета недотянет, болезный. Все мы под Богом ходим, кто знает, кому в который час?.. Но сейчас-то зачем так бежать? Скакать так зачем? Этому на подводе лучше от этого, что ли? Не ровен час, все его раны разом откроются и истечет он кровушкой, а меня, горинушку, человека подневольного, в лесу порубят со злости душегу-у-убы! – Вых обернулся и поймал на себе взгляд деревенского возницы. И как будто глянул на свое отражение. Взгляд у того был той же волчьей тоской полон. Тоской, когда волчья лапа в капкан попадает. Видно, парня обуревали те же мысли, что и Выха. Может, и не виноват он, может, зря я на

него так подумал. Может, вынудили его дом мой указать? Может, смертью грозили? Ему или семье его? Если рассудить, так это ж не в первый раз вот так вламываются... Орут, шумят, будят. Детей пугают... Прав был брательник мой. Прав как никогда. Это когда еще Них говорил: «Перебирайтесь оттудова. Неспокойно у вас там стало. А будет еще шибче». Ему-то как можно было не поверить и тянуть кота за хвост с переездом? Сам-то Них от таких вот бродяг вдоволь настрадался. Пошел как-то раз сопровождать одну парочку до Харада, а вернулся со шрамом через всю спину и только половиной от всех обещанных денег.

И почему приходится открывать эту треклятую дверь каждому, кто громко стучит? Нет, надо, надо уходить. Поглубже в лес, подальше от людей. Опять охотой да рыбным промыслом жить... Да... Вспомнить предков обычаи...»

Вых с надеждой взглянул на возвышающийся вокруг темной стеной лес.

Он лесной человек. Лес не оставит его. В лесу много тропок. А лазеек еще больше. Места здесь такие – деревенские ведь не зазря болотную топь проклятой прозвали. Уж больно много народу в ней сгнуло безвозвратно.

Обычных людей природа лазеек и их свойства, так удачно используемые Выхом и его родственниками, пугали до невозможности. Как тут не испугаться, когда попадаешь совсем не туда, куда держал путь. И, более того, выбраться оттуда не можешь.

«Только бы, как заедут в чащу подальше, случай подходящий подвернулся. Много ума не надо: свалился с коняги в кусты в нужном месте, к лазейке поближе, и ноги в руки», – думал Вых. Бешеная чехарда мыслей постепенно приходила в норму. Его они не догонят. А назад к дому вернуться – никого не найдут. Дети погребным ходом ушли, Леветина тоже не дура – уже наверняка к своим в деревню спустилась, а те родичей прячут надежно. В этом плане круговая порука вещь весьма и весьма удобная.

«А можно так вообще из одной лазейки в другую скакнуть, а банду эту посреди прохода и бросить. Сколько они там по ней проплутают, пока выход найдут, и где выйдут... Вот как если подтянуть ноги повыше на седло и оттолкнуться ступнями и коленями...» – Вых почувствовал легкое движение позади шеи. Как будто кто-то подул в затылок. Он чуть повернул голову и тут же уперся взглядом в черную тень под капюшоном. Незнакомец в монашеском плаще догнал его и ехал совсем рядом.

– Даже не думай, – тихо сказала тень.

Волосы на макушке Выха приподнялись: «Откуда он...»

– От твоих мыслей так несет. – Всадник не отворачивал лица, вернее темноты, скрывающей его лицо в раструбе капюшона, потому что даже смутных черт лика разглядеть Вых не мог, как ни старался. И ему приходилось глазеть, словно в черный провал под кромкой плаща. Он смотрел и вспоминал, вспоминал и тут же хотел забыть.

Он вспомнил свой недавний страх.

Тот страх, который пересилил, и боязнь подпаленной крыши, и недоверие к незнакомцам. Тот страх, который все же больше похож на ужас.

«Так вот почему мы открыли дверь...»

Из памяти вынырнула картинка: Леветина, сидящая на сундуке, за ее спиной тонкие нити щелей двери. В которые бьется свет от огня факела.

– Открывай! Открывай дверь! А то спалю все на хрен! – кричит за дверью женщина.

– Нет времени, – говорит кто-то другой. – Рина, отойди.

И вдруг свет исчезает. Как будто его кем-то заслонили. Как будто кто-то прижался к

двери с наружной стороны. Леветина взвизгнула, спрыгнула с сундука, и вот тут Вых увидел, что затмило свет за ее спиной.

Чернота и холод проступали сквозь доски двери.

Дым от костра, в котором горят смоляные ветки. Клубы валят сквозь щели дверного полотна так густо, будто двери нет. Как будто она нараспашку, а костер на пороге. Да не один костер – несколько, по всем косякам, потолку. И ото всех – дым. Но он не расползается по комнате. От него нельзя отмахнуться, разгоняя плотный смог, и нельзя вдохнуть – нельзя задохнуться, угореть. Его можно только испугаться. До смерти.

Густые облака дыма стремительно проникали в дом как под порывом сильного ветра. Как если бы налетел шторм и обрушился всей силой на несговорчивую преграду. Сгибая дверь, просачиваясь тонкими жесткими струями сквозь каждую найденную щель. Но только ветра снаружи не было, а дым все равно проникал вовнутрь так, как будто дом сам решил его всосать в свое холостое нутро.

Холодный дым без запаха – он и не дым вовсе.

Пелена зависла над порогом. Вых видел, как блестят за ней на двери и стенах капли влаги. Это притягивало к похолодевшим поверхностям дыхание ночи. Капли медленно скользили вниз.

Раз – и темнота сгустилась в фигуру. Обращенное к полу лицо скрывали темные, спадающие до плеч волосы. Монах медленно поднял руки и надел капюшон. Его тень надежно спрятала лик, и только тогда он поднял голову и тихо произнес:

– Вам необходимо открыть дверь.

Сердце у Выха колотилось где-то в горле. Он не мог видеть лица монаха, но точно знал, что тот смотрит прямо в его глаза. Или даже глубже – в самую середину сердца.

– Ничего не было, забудьте все это, так ведь не бывает, – донеслось из-под капюшона. Монах отступил к стене. – К вам очень сильно стучали, и так как по-другому было нельзя, вы просто открыли дверь...

Вых судорожно сглотнул. Укутанный плащом всадник по-прежнему ехал рядом. Руки в матовых черных перчатках держали повод, колыхались черные в черной ночи складки ткани. Темнота казалась втягивающей. Выху пришлось в голову, что, если долго не отводить взгляда от этой фигуры, можно в ней погрязнуть навеки. Опрокинуться в нее всеми своими воспоминаниями и не выплыть. Ни секунды он не сомневался, что, если монах повернется вновь и придвинется ближе, принуждая взглянуть в глубину под капюшон, именно так и случится. И сгинет Вых, забыв, кто он. Потеряет себя без надежды найти вновь.

«Да кто ж они такие, господи?» – пронеслось в голове проводника.

– Тебе не стоит этого знать, – ответил монах.

А Вых подумал, что волосы теперь у него будут стоять дыбом до конца жизни.

С каждым шагом они все дальше и дальше углублялись в лес.

– Ка-а-акие со-о-осны! В жизни таких высоких не видела, – протянула из-за мужского плеча Рина. Она запрокинула голову и раскинула руки. – После муторных потловских равнин наконец снова оказаться в лесу! Это какое-то невероятное счастье. Я лечу!

Ее притороченная к плечам накидка прочертила в воздухе полукруг, когда девушка резко обернулась к монаху.

– Эй, Шелест! Смотри, я как летучая мышь, летаю только по ночам и только по лесам!

Слышь, Шелест, а наш лесовичок, часом, не попытается сбежать?

Монах пожал плечами:

– Кто может знать?

– Тьфу ты, – ругнулась женщина. – Я же по-человечески спрашиваю... Я тут подумала, может, ему руки стоило связать? Или ноги? Может, он тоже того, полетать вздумает? Лес, он вдохновляет... На разное...

– Не сбежит, – хохотнул ехавший в арьергарде черноволосый предводитель. – После разговора с Шелестом мало кто бегать может. Некоторые вообще забывают, как это ходить, не то что летать. И все вдохновение побоку... А, задохлик? Что скажешь? Проняло тебя?

Вых смолчал. У него и правда отнимались ноги.

– Не бойсь! – Тут его хлопнули по плечу, да так, что он чуть не свалился, как и мечтал, на землю. – Мы люди не злобные!

Это заявление было настолько неожиданным, что Вых даже нашел в себе силы удивиться. Он-то ни минуты не сомневался как раз таки в обратном.

– Гыд, Рина, дуйте вперед на четверть лиги, проверьте дорогу, пока Шелест перевязки поправит.

Монах, которого звали Шелестом, спешился и, подойдя к подводе, склонился над раненым.

– Леса-то здесь беспокойные. А, задохлик? Что скажешь? Неспокойно тут у вас в лесах по ночам-то? Х-х-х... – Бородач подмигнул левым глазом и ослабился. – Да не удивляйся ты! Знаю я здесь все окрест, знаю. И тебя знаю, само собой. Саммар меня зовут. Может, припомнишь?

Знать не знал Вых никакого Саммара. В жизни в глаза не видывал.

«Бандит – он бандит и есть. Тот ли, что врывается ночью, или тот, что наведывается в конце каждой осени с гербовой бумагой. Все одно – пили кровь, пьют и будут пить. – Вых сплюнул. – Хотя и мы тоже не лыком шиты. Жучкуем помаленьку.

Саммар – хоть горшком обзови... или нет, постойте... Как же, как же – Саммар! Но как давно это было. Как давно... Полноте, да тот ли это Саммар? – Вых испытующе воззрился на всадника. – Столько годков прошло, не узнать мне... Прятался в этих местах один беглый харадец, прирезавший потловского сотника, да не простого, а княжеского. Много шуму тогда наделал. Столько дружинников шастало – больше чем белок. Чуть весь лес не вытоптали. – Память унесла проводника на четверть века назад. Когда еще не было проезжей колеи – дороги, стрелой вонзившейся в лес, когда бродившие как перекасти-поле банды запросто останавливались в деревне на ночлег, а княжеский приказчик перемещался под охраной чуть ли не всей княжеской дружины. – Эх, сумрачное было времечко... Грызня... То князя друг с другом сцепятся, то банды между собой перегрызутся, а то и дружину в леса погонят... Ох и лилось кровушки... Коли тот Саммар, что мне вспомнился, – лихой человеке. Силы немереной, отчаянный. Поговаривали, что мстил он люто, резал врагов на кусочки и самому князю подбрасывал каждое утро прямо в залу. А потом он еще и бунт учинил».

Сменялись князья, вспыхивали деревни, горели княжеские светлицы...

А дом Выховых предков меж тем не разоряли, ну и самих жильцов обижали не шибко. Лесные люди нужны были всегда. И тем, и этим.

«А как же, если проклятое болото под боком? Кто банду от княжеской дружины через топь проведет, от погони укроет? Кто князя с его тельниками в лесу под самым носом у

врагов спрячет? Одних через лес туда, других обратно... А что поделывать-то? Что для простых людей проклятие, для лесных благословением оказалось. Тем и жили всегда. Даром что за ровню себе не считает никто...»

Вых подумал еще немного на эту тему, посмотрел искоса на своих спутников и со вздохом решил, что с того времени мало что изменилось и спокойней стало ненамного.

Когда наконец все успокоилось, вернее, когда все горячие головы упокоились – воевать стало некому и не с кем, тогда люди взялись за лес.

Надо сказать, что поначалу Выхов дом, как и положено дому лесного народа, стоял не на отшибе, поодаль деревни, а на солнечной полянке, где порушил вековые деревья давний бурелом.

Родители родителей Выха расчистили это место, развели огород и крольчатник. Тогда частокол было возводить ни к чему, дикого зверья им бояться причин не было, а люди в такую глушь заходили редко, и то только по делу.

Сначала Выхи (именно так: отца Выха звали Выхом, и их деда, и, называя старшего сына, Вых не отошел от традиции) наловчились торговать с деревенскими жителями кроликами, белкой и другой мелкой зверушкой.

Торговля шла бойко – битое мясо было вкусным, а шкурки шелковистыми. Маленькие торговцы были на редкость сговорчивы и почти всегда сбавляли начальную цену. К нежному и дешевому мясу в деревне пристрастились очень быстро. Но вот незадача – купленные у них на развод живые зверьки в скором времени непременно и таинственно дохли.

Потом выяснилось, что лесные люди прекрасно ладят с проклятым болотом. И Выхи стали водить по лесу людей.хлопот меньше – выгоды больше.

«Без Выха пойдешь – с дороги свернешь. На проводе копейку зажимаешь – месяцок потеряешь», – стали поговаривать в деревне. Там сразу подметили, что чем лучше оплачена дорога, тем она короче. Даже совершенно прямую дорогу, оба конца которой видны невооруженным глазом, с Выхом и без него можно было пройти за совершенно разное время. В чем была тайна, не знал никто, но за то, что она несомненно была и была весьма удобна, платить никто не отказывался. Знающие люди из близлежащего Рымана нередко заводили в деревню торговые обозы для провода их в Княжград или Потлов. Обычный торговый путь шел по реке и занимал больше двух месяцев. И то, если погода не зашалит и не вздумается ей шуткануть с путниками.

Вых, пользуясь своими знаниями, доставлял всех до требуемого пункта назначения за считанные дни. Иной раз купцы за чарочкой делились соображениями о непонятном свойстве Выховых дорог. То, что все они, какое направление ни возьми, шли через болота, это ни у кого удивления не вызывало. Тут, на левом берегу Бура, куда ни плюнь – одно сплошное болото. А вот куда пропадали непременно должны возникнуть сразу за болотами Харадские горы, было совсем непонятно.

Кто-то считал, что лесные люди располагали тайными знаниями о проходах сквозь горы, в народе сочинялись сказки о древних полуразрушенных тоннелях и видных только в определенные часы под полной луной тесных ущельях. Но слухи эти, как правило, распространяли те, кому услугами проводника пользоваться никогда не доводилось. Купцы же в споры не вступали, хитро посмеивались, лишь между собой перемолвиться могли – что гор-то Харадских на их пути как будто и не было. И даже тень от их кряжей не падала на подводы.

Иной раз проскальзывало в их речах слышанное от проводника простое и ничего не

объясняющее другим слово «лазейка». Одни склонялись к тому, что уставшие путники не могли разглядеть гор в густом тумане или запросто просыпали их появление, другие – что это древнее, известное только лесному народу колдовство.

Перейдя полностью на услуги провода, Выхи, чтобы их перестали доставать с кроликами, принесли в деревню особую травку, научили, как ее заваривать, – и падеж ушастых прекратился. Кролики стали размножаться стремительно, и уже покупать их никому в голову не приходило, впору было самим начинать торговлю.

К слову сказать, это была проверенная схема. Уже несколько веков сначала для налаживания связей с местным населением внедрялись кролики, потом – услуги провода.

И можно было бы сказать, что жизнь свою Выхи на новом месте наладили, если бы не одно «но». Под натиском начавшегося в округе строительства лес отступал. Обнажались холмы, зверье уходило в чащу. Когда вокруг лесного домика вырубili последние деревья, на семейном совете было решено перебираться к родне в Северные леса. Там для них уже была присмотрена очередная солнечная буреломная полянка.

Родители Выха, обе замужние сестры и семьи двоюродных братьев перебрались при первой же возможности. В большом теперь доме остался сам Вых и его младший брат с семьей. Жена Ниха была в бремени, и он боялся пускаться с ней в такой далекий путь. Так они и жили некоторое время, пока Ниху однажды крайне не повезло с провозом. Он ушел с путниками по дороге в Харад и пропал. Вых забил тревогу, пустившись на поиски, и просил всех лесных людей оказать помощь и найти его брата. Организованная им кампания была в самом разгаре, как вдруг Них вернулся сам.

Бледный, дохлый и отказывающийся что-либо рассказывать. Поперек спины был шрам, оставшийся от глубокой раны, сшитой чьими-то умелыми руками, а в сердце малорослика поселился страх. Перед всеми и перед всем.

Ставший неразговорчивым Них, как только пришел в себя и набрался сил, собрал все необходимые для переезда вещи и уехал вслед за отбывшими ранее родственниками. Вот так и вышло, что вся семья уехала, а Вых поперек всех – остался.

Сначала он тосковал и даже жалел, что не сорвался с места вместе со всеми. Но потом прошло время. Он по привычке. И влюбился в смешливую девушку из деревни. Да так сильно, что надумал жениться. Родственники были, конечно, против. Не следовало ему, нарушая обычаи, приводить в дом женщину другого народа. К слову сказать, Леветинина родня так вообще была в ужасе. Соседству с Выхами они были рады, но за людей их все же не признавали.

Но время шло, один за другим родились дети, и гостившая по праздникам лесная родня уже принимала Леветину за свою кровь, а деревенские перестали плевать через плечо после его ухода и за глаза называть «нежитью». Так и стал Вых для одних зятем, для других свояком, а для третьих – сородичем.

Старшие сыновья Выха получились рослыми, в мать. Вых боялся, что и век их будет столь же недолог, сколь короток он у деревенской ребятни. Хотя многое, очень многое передалось им от отца. Едва заметные тропки они читали не хуже его самого, лазейки чуяли уже больше чем на лигу вокруг и с зверьем лесным управлялись лихо, так что надежда в Выхе еще теплилась.

Надежда на то, что в его детях больше от природы, чем от людей.

Гыд и Рина ждали попутчиков на краю самой дальней лесной вырубki. Дорога

обрывалась, за этой рукотворной поляной не было уже ничего людского.

– Чисто все. – Гыд спрыгнул с ветки.

– Совсем никого, – промурлыкала девушка, – даже жалко...

Деревенский парень на подводе делано закашлялся. Он подождал, пока все обернутся, перестал кашлять и сказал:

– Извиняйте, конечно, но телега дальше не проедет. – Он скованно повел рукой в сторону зарослей и пояснил вслух, для тех, кто все еще не понял: – Лес там...

Ауриса отпустили с миром. Раненого с подводы переложили на импровизированные носилки из прочных реек и двух плащей. Закрепили их промеж двух гнедых. Перед этим монах что-то долго шептал над раненым и водил ладонями, не касаясь самого тела. В какой-то момент человек открыл глаза. Шелест приподнял его голову и смочил губы жидкостью из фляги. Остановившийся взгляд немигающих глаз прошел сквозь Выха, словно не замечая его. Раненый, несомненно, был погружен в то странное бессознательное состояние, которое все это время удавалось поддерживать монаху.

Они шли очень долго. Никто из путников не заметил, когда лес сменился болотом. Шли цепочкой. Пришлось отвязать носилки и нести их по очереди – иначе было не пройти по тонкой полосе относительно твердой почвы, которую пунктиром намечали следы идущего впереди всех проводника.

Кони храпели, оступались и проваливались в топь. Дарина недовольно ворчала себе под нос, потом примолкла, сосредоточенно помогая лошадям по примеру мужчин. Уже давно все замедлили от усталости шаг, только Вых как заведенный прыгал с кочки на кочку.

В какое-то мгновение хмураяся все больше Рина не выдержала.

– Кажется мне, что он нас заводит, – довольно громко, ни к кому конкретно не обращаясь, сказала она. Остановилась. Смахнула тыльной стороной ладони пот со лба. И крикнула: – Саммар! Ты слышишь? Он заводит нас! Ты что-нибудь видишь в этой темноте? Нет? Я тоже. Что может видеть он? То же, что и я. Ничего, значит!

Саммар, не останавливаясь, топал за проводником. В Рину врезался следующий по ее следу Ольм:

– Пойдем. Не стой долго на одном месте – это болото. Засосет топь.

– Да вы что все, не понимаете? Он нас заведет, а сам спрячется за какой куст – и все! Кто нас выведет? Я говорю – дорогу запомнил кто-нибудь?

Ольм обогнул Дарину, проваливаясь по колено в мутную жижу.

– Если тебе... что-то не нравится... можешь оставаться... или возвращаться...

Женщина посмотрела на свои медленно погружающиеся ноги. В сердцах плюнула:

– Куда можно дойти по такой грязи? А она не кончается и не кончается!

Остаток болотистого отрезка пути шествие сопровождало примешивающееся к чавканью и хлюпанью из-под ног бормотание Выха:

– Я – и заведу! – Он возмущенно отрекся, напроць отрекаясь от своих собственных недавних мыслей. – Я – лесной человек – заведу и брошу! Тьфу, пакостница какая!..

Небо на востоке светлело. Как и полагается небу в преддверии рассвета.

Путники вышли на поляну. Вых сделал пару шагов и сел на торчащие из земли, как диковинные гребни, древесные корни. Вытянул уставшие, гудящие от тяжести ночного перехода ноги. Настроение у него было преотвратительное.

– Все. Пришли.

Земля под его ладонями была холодная, влажная – уже недалеко до утренней росы. Когда земля последний раз выдохнет сбереженное от предыдущего дня тепло в стынувшие предрассветные сумерки.

– Дальше через холм пойдете, аккуратно вот так... – Он рассек воздух резким взмахом руки, указывая направление. – И прямо на избу этой бабы и выйдете.

Дарина легко спрыгнула с седла и присела на корточки рядом с проводником:

– Пришли, говоришь? А дальше сами, да?

Вых нахохлился еще больше и не счел нужным ответить. А зачем дважды повторять то, что уже сказано?

Вплотную подъехали Саммар и Шелест. Саммар смотрел в упор:

– Ну?

Фигуры возвышались над проводником мрачно и угрожающе. Пришлось подняться.

– Чего ну-то? Пришли, – повторил Вых. Он переводил взгляд с одного всадника на другого, явно не понимая, чего от него хотят.

– Пришли, – подтвердил Саммар. – Это я понял. Куда-то мы пришли, однозначно. Стоим теперь почему? Тебе передохнуть, что ли, надо?

– Да нет, – Дарина облокотилась о ствол одной рукой и подбоченилась другой, – этот милый друг решил, что дальше мы будем пробираться сами, без его помощи.

– Сами дальше? – удивился Саммар. – Ты, часом, не заболел, задохлик? Тут лес кругом, чаща! Если б я в лесных знаках разбирался, на кой ты мне нужен был бы?

– Не чаща совсем! – Вых пятился назад от шедшей на него грудью лошади Саммара, пока не уперся спиной в замшелую поверхность дерева. Лошадиная морда жарко дышала совсем близко. И как в кошмаре примерещилось Выху возможное следующее движение животного – взметнувшиеся вверх копыта, блеснув подковами, обрушиваются на его, Выха, впалую грудь.

– Не чаща? А что? Степь голая? А почему тогда деревьев вокруг полно?

– Да потому что это край леса.

– Так и веди нас за край!

– Не могу!

– Это еще интересно почему?

– Да потому что мне туда нельзя!

– То есть туда, – Рина показала рукояткой смотанного хлыста себе за спину, откуда они пришли, – тебе можно, а туда, – она перенаправила хлыст прямо в противоположную сторону, – тебе категорически воспрещается?

– Да! – радостно выдохнул Вых, впервые глянув на женщину с уважением и признательностью. Наконец-то его услышали и поняли. Какая, оказывается, хорошая женщина!

Рина прищурилась, костяшки ее пальцев, сжимающие хлыст, побелели.

– Саммар, он все-таки завел нас! Зараза! Как пить дать, где-то здесь княжеский дозор засел! – Она замахнулась на проводника и зашипела прямо ему в лицо: – За копейку хочешь сгубить наши головы?

Рука в черной перчатке перехватила ее хлыст с другой стороны, не давая нанести удар.

– Успокойся. Он правду говорит. Ему на самом деле туда нельзя.

– А какого лешего ему туда нельзя? Не иначе лучники засели и стрелять будут в темноте на звук шагов любого, кто приблизится! Оттого и нельзя! Засада там!

– Засада на краю болота? – Шелест усмехнулся. – Ты слишком хорошего мнения о

непритязательности потловской дружины.

– Это из-за их непритязательности, – Дарина захлебнулась гневом, сглотнула и снова перешла на злобное шипение, – Годэ сейчас лежит с дыркой в брюхе? Тебе прошлого раза мало, монах? Память настолько короткая? Или думаешь, за одной подставой другой случиться не может? А вдруг они перестраховаться решили и для верности еще пару сюрпризиков организовали? Кого еще из нас ты решил угробить?

И вот они снова стоят в ряд перед ним. Как в тот самый момент, когда распахнувшаяся дверь дома явила их перед его глазами впервые.

Нервная Рина с подрагивающим в прищуре уголком глаза, закушенные обветренные губы, быстрые резкие движения.

Мощный Саммар. Обрамляют широкий лоб, спадая на плечи крутыми волнами, слипшиеся вороньи пряди. Нахмурившись, он трет левой ладонью бороду, закрыв при этом огромной ладонью большую часть лица. Правая рука на потертом замшевом подфляжнике, вокруг кисти обернут повод. Пальцы танцуют в ритме его мыслей.

Темный монах – тайный шепот ночи под плащом. Скрывающиеся в складках струящейся ткани чужие страхи.

Приземистый, юркий Гыд с точеным профилем горца. Все его движения такие осторожные и в то же время точные, и сам он – словно продолжение каждого своего движения.

Молчаливый светловолосый выходец из Озерного края Ольм, еще больше побледневший после бессонной ночи. В холодных продолговатых глазах – вода северных озер. Олово разбавлено лазурью и затянута льдом. Он очень молод, но глаза уставшие, такие не у каждого старика увидишь. И кажущиеся в этом освещении седыми волосы довершают диссонанс в его облике. Они тоже намного длинней, чем привычно Выхову глазу.

Наверняка, если сдернуть стягивающую их на затылке в хвост перевязь, они рассыплются, закрывая его плечи до самых лопаток светло-пепельной волной. Ольм хмурится, пристально вглядываясь в почти детскую фигурку проводника. Его сосредоточенность тоже не сулит ничего хорошего? Или он все же пытается понять? Хотя бы он...

И в каждой фигуре Выху чудилась смерть. Он понимал, что его не слышат. Даже не пытаются услышать. Смерть была везде – прямо перед ним в тенях спешившихся всадников, на носилках в раненом со стеклянным взглядом и поднимающейся через раз от непосильных вздохов грудью, ею же пахло и со стороны края леса.

«Ну почему? Я же привел их! Им нужно было сюда – и я привел!» – Вых сильнее вжался в дерево. Пробежал пальцами по коре, узнал – молодая березка. Он развел руками.

В бессилии.

Обнимая лес.

– Вы хотели сюда – я привел. Дальше если пойду – смерть мне. Совсем.

– А если не пойдешь? – Дарина вопросительно подняла уголок брови, делая многозначительную, не требующую словесного ответа паузу. Улыбка у нее была зловещей.

Намеченные рассветом тени подползли к ступням проводника. Сейчас его накроет их пересечением. Выху захотелось вжаться в кору, и тогда тени скользнули бы над ним, не причинив вреда.

– Почему... – тихо и медленно проговорил Шелест. Интонация его голоса была изменчивой – как будто вопрос, еще не заданный, уже получал сам ответ на себя.

Вых в отчаянии переводил взгляд с одного ствола на другой.

«Нет здесь его, нет! Надо было с другой стороны подойти – да только путь через ту лазейку почти на четверть длинней. Но кто ж знал, что они так взбеленятся! И главное, с чего? Этот Саммар еще местным назвался! Какой он местный, если не доходит до него, из-за чего Вых не в силах переступить границу леса?»

Все более разбавляемая светом синева ночи уже позволяла разглядеть рисунок коры на соседних деревьях. Вых весь обратился в зрение, ища взглядом, ощупывая им каждое дерево. И он увидел.

Доказательство.

Знак.

На уровне глаз вырезанная бороздами снятых полосок коры темнела раздвоенная книзу вилка со скошенными влево рожками.

– Так вот же! – произнес он. Вышло торжественно и значимо. – Видите?

Этот знак не мог быть им незнаком. Потому что он был знаком всем.

Ольм присвистнул:

– Ого! Так вот оно почему... Откуда это здесь?

– Саммар, ты знал, куда мы идем? – Шелест тронул пяткой коня, разворачивая его назад. – С самого начала? Тогда чего вы на него взъелись? Нашему проводнику абсолютно точно границу этого знака переходить не стоит.

Саммар пожал плечами:

– И что с того?

Дарина подъехала поближе. Провела ладонью по стволу, прочертив пальцами по шраму на дереве.

– Это что? Ведьмовские письмена? Где-то я такие видела...

– Это руна. – Голос Шелеста был холоден. Холоднее глаз Ольма, холоднее лесной земли. – Она предупреждает о живущем здесь. О том, кто он. И какой обладает властью.

Ольм, сощурившись, глянул на темный капюшон и усмехнулся:

– Берегиня. Так, Саммар?

– Берегиня. – Гыд жевал хвойную иголку. – Знахарка, что ли? Что с того-то? Мы ж навроде как к ней и шли...

– Берегиня – не знахарка! – возмущенно взвизгнул Вых. – Ежели вам к знахарке требовалось, так и надо было сказать! Это вообще совсем в другую сторону! Но только знахарка вашему сотоварищу чем поможет-то? Тогда уж лучше сразу к плакальщицам его тащить надо было!

– Поговори еще мне! – снова замахнулась на него Рина.

– Берегиня – не знахарка, – повторил за проводником Ольм. Он внимательно посмотрел на Саммара. – И вот я думаю, может, зря мы сюда шли? Годэ, как ты сам понимаешь, здесь персона нон грата еще поболее, чем наш проводник.

Вых усиленно закивал, ощущая слезливый прилив благодарности к длинноглазому выходцу с севера.

– Да-да, и я это... я – персона... еще похлеще персона... – Он не совсем хорошо понимал, что именно означает только что услышанная фраза, но по его ощущениям она подтверждала, что переходить обозначенную руной границу его все-таки заставлять не станут. Повторение слов придало уверенности. И Вых ухватился за этот намек на восставшую из пепла, чуть было не утерянную им полностью надежду о его возможной скорой

безопасности. – «После этого пусть только кто-нибудь попробует мне сказать, что с переездом можно еще повременить! Все! Хватит! Как только доберусь до дома, начну сборы. Надоело!»

– Да и я далеко не самый желанный гость. Радости от встречи будет мало. Что ж, – Шелест перекинул ногу через луку седла и спрыгнул на землю, – видимо, все идут вперед, а мы ждем... – Он посмотрел на Выха. – На какой стороне поляны мы их ждем?

Вых неопределенно махнул рукой куда-то на северо-восток.

– А далеко, как я погляжу, ваш орден способен загнать того, кого счел прокаженным. – Ольм, проезжая мимо, стрельнул в спину монаха прищуренным глазом.

– Да, наши умеют стараться. С этим не поспоришь, – через плечо в ответ бросил Шелест. – Но, пожалуй, в этом конкретном случае я все же удивлен не меньше тебя.

Проводник с Шелестом побрели в ранее указанном направлении.

– И правильно! Правильно, – сказала им вслед Дарина. – Пусть остается. Должен же кто-то за ним присматривать.

– За Шелестом? – хохотнул Саммар.

– За задохликом, – совершенно серьезно ответила Дарина. – Вдруг сбежит. Ну, раз нам туда надо, а ему туда запрещено. Кто его догонит по этой грязи-то?

Покрытый лесом холм пересекли быстро. Это действительно был край леса. На другой стороне у подножия холма полоса деревьев редела, начинались поля с еще не по-осеннему непрямой травой.

Лошади шевелили ушами и фыркали, нюхая воздух. Дарина привстала на стременах, вытянувшись как стрела вслед за взметнувшейся, указывающей в сторону, противоположную восходу солнца, рукой:

– Вот смотрите!

Встающее из-за их спин солнце побежало волной рассветных бликов по волнующемуся под лаской ветра морю травы. Брызнули в разные стороны зайчики, рожденные из мириадом капель росы.

– Красиво, – согласно пробормотал Ольм, с удивлением воззрившись на внезапно открывшуюся со стороны зенита красота природы Дарину.

– Да не туда! Левее смотрите! Вон хата! Видите?

Когда до деревянного сруба оставалось не больше полусотни шагов, Гыд предостерегающе поднял ладонь:

– Послушайте – голоса... – Он перешел на шепот. – Там не спят.

Отсюда уже отчетливо были видны огоньки двух ламп в окошках домика.

– Ведьминские глаза светятся, не иначе. – Дарина сплюнула. – Может, мне отсюда повертаться стоит да к Шелесту податься? Не охотница я до таких забав, чтоб считать до петухов еще к хвостатым бабам соваться...

Спешились они почти у самого крыльца. Саммар два раза стукнул в двери.

– Наверное, тебя не слышат. – Дарина спрыгнула с седла и подошла к носилкам. Два стоявших рядом коня, гнедой Гыда и вороной как смоль жеребец Годэ, были связаны за кольца упряжи с тем, чтобы расстояние между ними сохранялось в полтора локтя.

Между лошадьми были закреплены носилки, состоявшие из двух жердей, связанных арканом, идущим от одной к другой палке, несколько раз пересекающим сам себя крест-накрест, в виде сетки. На нее были натянуты два плаща. Третий укрывал Годэлиску от подбородка до пят кованых сапог из темно-коричневой вывернутой кожи.

Рина бросила на носилки быстрый взгляд.

– Какой он мертвенно-бледный, ужас просто!

– Сплюнь! Тоже мне, нашла слово – мертвенно... Это поэтому ты ни разу к Годэ не подошла за все время? – скривился Гыд, который на протяжении всего времени вел под уздцы обеих лошадей. Он изо всех сил старался, чтобы их шаг доставлял минимум дискомфорта раненому. – Верный боевой товарищ... Не переживай, эта бледность не заразна.

Дарина фыркнула.

– Мне, по-твоему, следовало омыть слезами его раны, и у него бы все прошло? Зачем мне подходить к нему? Шелеста было довольно. А я не монах, не знахарка... – Она перевела взгляд на Саммара. – А ты стучи громче, тебя и мыши не испугаются.

– А нам как раз не надо, чтобы нас боялись. – Ольм прошел вперед. – Пусти-ка... – толкнул плечом, открывая дверь: – Добра в дом ваш! Добра и света!

Полог, отгораживающий сени от остальной части дома, был откинут. Холст домотканой материи скручен и протянут за провисшую под потолком веревку.

– Надо же, – сказала выглянувшая из-за мужского плеча Дарина, – блинчики жарят. Поутру, как мамка моя...

На углях печи стояла огромная сковорода, на которой, распластавшись в шипящем масле, поспевал блин.

Хозяйка перевернула его, подцепив за край плоской деревянной лопаткой, и только потом перевела взгляд на вошедших. Бегло осмотрев перешагнувших ее порог мужчин, она вопросительно подняла одну бровь.

Вторая женщина сидела за дощатым, врытым в землю столом. Совсем молоденькая, растрепанная со сна, с перепачканными в сметане пальцами. За щеками блин, на губах масло, а в глазах – испуг. Она инстинктивно прикрыла руками свой большой круглый живот и тихо произнесла:

– Ой, мама...

Ольм поднял перед собой две открытые ладони:

– Мы пришли с миром.

Старшая женщина хмыкнула, бросила блин на тарелку, отставила сковородку и вытерла руки о передник.

Она была достаточно высока и широка в плечах, чтобы ее фигуру можно было назвать статной. Просторная рубаха уходила в прихваченную на талии фартуком юбку до пят. Темно-русые волосы заплетены в косу, бегущую змейкой промеж лопаток до самого пояса. Голова была покрыта светлой безузорной косынкой, которую удерживал резной серебряный обруч шириной в палец. По вискам с двух сторон спускались, продетые одно в другое, три плоских кольца. Верхнее, самое большое, закрывало собой всю поверхность виска, второе, меньше его почти в половину, третье, самое маленькое, постоянно прикасалось в своем движении к скулам берегини.

Свет, попадая на кольца, преломлялся, кружа по внутренней стороне теплыми бликами.

– Добра и света... Давненько я такого обращения не слышала. И вам рассвета доброго, – сказала она. Саммар заметил, как поблескивают в свете масляных ламп ее резные височные кольца. – Ну рассказывайте, с чем пришли в такую рань.

Саммар кашлянул, прочищая горло:

– Раненый у нас. Во дворе у хаты. На носилках.

– Раненый? Поножовщина спьяну? Или нарвался на вилы, сигая с чужого сеновала? –

Женщина омыла руки в тазу и плеснула на ладони мутную жидкость из бутылки. – Хотя, в сущности, какая разница...

«Горилка, – подумал Саммар, потянув носом воздух. – Перцовая».

– Оденсе, – вдруг позвала девушка. Берегиня обернулась и проследила за ее взглядом. Та не отрывала глаз от обвешанных оружием мужчин.

– Не бойся нуждающихся в помощи твоей. – Она стряхнула с кончиков пальцев капли. Те вспыхнули, упав на угли. – Возьми лампу. – Саммар послушно выполнил просьбу. – Мне нельзя пачкать рук. Криуса, девочка, побудь в спальне. Не надо тебе видеть того, что далее произойдет. Пойдемте. Почему не занесли сразу? Хотя, к лучшему...

Ольм предупредительно распахнул и придержал перед берегиней дверь. За ее спиной он сделал быстрый знак Гыду, стоящему у носилок. Тот осторожно сдвинул край служившего покрывалом плаща, как бы невзначай почти полностью скрыв лицо раненого.

Оденсе не понадобилось тщательно осматривать раны, чтобы понять, насколько они серьезны. Она просто отодвинула рваную ткань. Обнажилась окровавленная, иссеченная плоть.

– Мать Берегиня, – прошептала Оденсе. Ее веки вздрогнули. – Это же след от Полночной Звезды. – Кончики ее пальцев пробежали по телу, ощупывая края обширной раны. – Откуда вы его везете?

– С переправы. – Ольм отвечал, стараясь не встречаться с берегиней взглядом.

– Быть этого не может. Его ранили не больше пяти – шести часов назад.

– Так и есть.

Берегиня нехорошо сощурилась.

– И как так? – спросила она, уже прозревая ответ. – До переправы две недели пути.

– У нас был проводник, – чуть помедлив с ответом, все же признался Ольм.

– Про-вод-ник? Это то, что я думаю?

Ольм с нажимом добавил:

– У нас не было выбора.

– М-да? Выбора, говорите, не было? – После этих слов Оденсе громко сказала «уфф», с сомнением покачала головой и похлопала все еще круглыми от удивления глазами. – Что ж, иногда так бывает. Совсем нет выбора. Хотя не все в это верят. – Она снова покачала головой. – И все равно, протянуть даже пять часов с такой раной – есть везение невероятное! След от Полночной Звезды – след смерти. – Она рассуждала вслух, задавала вопросы и сама на них же отвечала. Будто говорила сама с собой. – Звезда прошла достаточно высоко над ним, иначе было бы задето сердце. Вернее, его, скорее всего, вообще не было бы. Его мышцы будто камень... Нет сомнений, вы использовали что-то. Нечто аналогичное по своей сути Полночной Звезде. Не так ли? Я права?

Ольм отвел глаза, но ответил:

– Да.

На несколько минут над присутствующими повисло молчание. Оденсе переводила взгляд с одного лица на другое. Неожиданно она улыбнулась, правда, в глазах при этом не отразилось тепла, только тень набежавшей печали.

– Ну же, не томите меня. Это снова то, о чем я думаю?

– Это магия монашеского ордена. – Лицо Ольма приобрело такое выражение, как будто

у него внезапно заболел зуб.

– Просто потрясающе. – Она нервно скрестила на груди руки и почти тут же снова развела их, поднеся с двух сторон к вискам. Сжала их, будто пытаясь замедлить бьющийся в них пульс. – Просто потрясающе. И кто из вас на это решился? – Женщина переводила взгляд с одного лица на другое. – Ах вот как... Это кто-то, кого здесь нет... И где он? – спросила она и почти тут же протестующе выставила перед собой раскрытую ладонь. – Нет! Ничего не отвечайте, я не желаю больше ничего знать. И этого довольно. Магия монашеского ордена – это магия смерти. И она бродит где-то поблизости от моего дома... Вы знаете, что сделали своему другу только хуже?

– Хуже, чем это? – вмешавшись, подал голос Саммар и указал на изувеченную грудную клетку Годэлиска.

Оденсе неопределенно повела плечами и скомандовала:

– Ладно. Так, переносим его. Быстро. Его еще держит... ваше «средство». Мне надо не прозевать тот момент, когда его отпустит...

Тело осторожно внесли в дом, переложили на освобожденную поверхность стола. Ольм осторожно стянул с ног Годэлиска сапоги, а Гыд тем временем успел заменить край отброшенного плаща, скрывающего лицо, найденным в хате полотенцем. Он делал вид, что сосредоточился на тщательнейшем вытирании лба Годэ. Оденсе тем временем быстро выкладывала на застеленный белоснежным рушником табурет все, что, возможно, могло ей понадобиться.

На секунду ее рука остановилась. Встретившись взглядом с Саммаром, Оденсе произнесла, как бы продолжая прерванный ранее разговор:

– Заблуждение думать, что нет ничего хуже смерти. Не все измеряется ее порогом.

– Это для кого как, – буркнул Саммар и тут же получил локтем в бок от проходящего мимо Ольма.

В дальнейшем берегиня была немногословна. Она повелевала, остальные подчинялись.

Держали, поднимали, грели, мыли...

– Что ж, бог нам в помощь. Бог, дарующий свет, любовь и жизнь. – Она сделала ударение на последнем слове. – Молитесь, чтобы у него хватило сил. Полночная Звезда должна была выжечь их почти все безумной болью. Нет сил человеческих, чтобы вынести ее... Но жизнь все еще теплится, и вам удалось добраться сюда – значит, на это есть воля Создателя.

Эта фраза заставила Саммара с Ольмом переглянуться, а Гыда понадежнее укутать лицо раненого. Не обратив на это внимания, Оденсе продолжала:

– А ведь вы своими стараниями изменить естественный ход судьбы исчерпали остаток его жажды к жизни, должно быть, до самого дна. Чем держится до сих пор ваш друг – за пределами моего понимания.

Чем больше слабела сила, отданная Шелестом, тем явственнее становились доносящиеся из-под полотенца стоны и тем быстрее летали над телом Годэлиска руки Оденсе. Ольм наблюдал за ней. По тому, что она не нервничала, он понимал, что, скорее всего, все идет довольно-таки неплохо. И несмотря на все высказанные берегиней ранее сетования по поводу несостоятельности монашеской магии, их старания не пропали даром. Они сумели сохранить своему другу жизнь. Однако Ольм не мог не заметить, что лицо берегини с каждой минутой принимает все более озадаченное выражение, и единственное, чего он желал, чтобы догадка озарила ее как можно позднее.

Потом стоны перешли в долгий нарастающий крик. Дарину затрясло, ее изо всех сил

сдерживаемая нервная пляска рук вырвалась на свободу. Девушка взметнула ими, обхватила себя за плечи, и, всхлипнув, выскочила за дверь. Оставив за собой лишь колебание занавесей на окошках.

В следующий момент чуткие пальцы берегини замерли. И вновь удивленно распахнулись глаза.

– Так вот оно что! – Она удовлетворенно хмыкнула. Потом выпрямила спину и расправила затекшие от напряжения плечи. – Это все объясняет... Ну что ж, и это к лучшему, к лучшему... – Оденсе повернулась к Ольму и посмотрела прямо ему в глаза. – Вы на самом деле считали, что, копаясь так глубоко у него внутри, я не замечу разницы? Что прикрыв его лицо тряпицей... Уберите ее уже, кстати, сколько можно? Дайте ему хотя бы попытаться нормально вдохнуть... Вы будете в состоянии скрыть истину? Так что это – наивное отчаяние или способ всемогущего ордена дополнительно щелкнуть меня по носу?

Ольм молчал, лихорадочно подыскивая слова, которые бы, окончательно не испортив ситуации, могли заставить берегиню продолжить операцию.

– Политика, проводимая властями Озерного края в отношении...

– Политика? При чем тут политика! Если бы я знала, кто он, я бы все сделала иначе!

– Иначе – это оставить за порогом?

– Слушайте! – Сдерживая все более нарастающее раздражение от возникшей не к месту перепалки, Саммар, чтобы не зарычать, повысив голос, перешел почти на свистящий шепот. – Хватит!

Гыд отирал уже действительно выступающий на лбу раненого пот.

– Правда хватит. Ему очень больно, – вдруг прозвучали в тишине избу его слова. – Он не кричит. Он как будто замер в одном самом больном моменте. Вам оттуда не видны его зрачки. А я их вижу. И они именно такие. Я видел такое уже один раз прежде. В бою, когда насквозь пронзил одного рыманца, а потом провернул у него в животе меч.

На лице Оденсе судорожно дернулся нерв, на секунду она прикрыла глаза. Медленно выдохнула и вернулась к тому, чем занималась до того, как ее поразило обнаруженное несоответствие.

– Иначе это... Вы никогда не задумывались, почему людей и, скажем, кошек лечат по-разному?

– Но он не кошка! – возмутился Ольм.

– Не кошка, я вижу... И не человек.

Больше она не произнесла ни одного слова, полностью сосредоточившись лишь на собственных отточенных, почти во всем идеальных движениях.

Потом все закончилось.

Берегиня сидела у сдвинутых лавок, на которые перенесли измученное тело. Она возложила руки на обработанные раны. Глаза ее были закрыты. Губы не двигались, лишь по прерывистому дыханию можно было определить, что она снова и снова читает ритмичную молитву Возрождения.

Мужчины сидели в ряд на скамье напротив.

Гыд, привалившись спиной к стене, перестал сопротивляться навалившейся усталости и задремал.

Саммар скорее машинально, чем осознанно, растирал, засунув руку под ворот рубахи, старый боевой шрам на плече. Время от времени он прикрывал глаза, от души завидуя способности своего младшего товарища вот так, на раз, отключаться от реальности и

проваливаться в сон. К нему забвение так просто не приходило никогда.

Ольм просто без отрыва смотрел на некую незримую для других точку перед собой.

А в слюдяное окно уже всюю широкой рекой лилось солнце.

Берегиня убрала руки, открыла глаза.

– Он дышит по-другому. Спокойно. – Оденсе устало посмотрела на Ольма.

Тот, оторвавшись от своих мыслей, произнес то, что собиралась сказать женщина:

– Теперь все будет хорошо.

Женщина вздохнула, не ответив. Она поднялась, снова вымыла руки и принялась драить стол, ножи, иглы. Скоро все вокруг заблагоухало деревенским самогоном.

Желудок Саммара жалобно заурчал.

«Есть хочу. Когда мы последний раз ели нормально? – Припомнились короткие привалы, черствые лепешки и вяленая плотва. Почти три последние недели в седле, потом был Потлов... Но Потлов не в счет – за двухдневную передышку разговоров было намного больше, чем еды... Это значит, еще в прибрежной деревушке у озера Гри?»

Оденсе потянула на себя скрипнувшую ставнями раму. Свежий воздух, ворвавшись, всколыхнул застоявшийся запах хаты – смесь выжарившегося масла, крови, пота и чужой боли. Кадык Ольма дернулся, а берегиня достала с печи полную тарелку блинов и чугунок расплывшейся от тепла сметаны.

– Трапеза наша небогата, но и она поддержит силы...

Ольм зажал ладонью рот и выбежал во двор.

Оденсе усмехнулась.

– Мужчины! – Она поставила перед Саммаром плоску. – Или ты тоже собираешься выскочить за ним следом?

Саммар отрицательно покачал головой:

– Я есть хочу.

– Дело, – одобрительно кивнула берегиня. На столе появились хлеб, сыр и пресловутая мутная бутылка. – По чарочке не грех пропустить.

Саммар с сомнением покосился на спящего Гыда, тот ведь наверняка голоден не меньше, но решил его пока что не будить. Они выпили. Саммара обожгло. В желудок срочно были закинута теплые пористые блины, потом хлеб, сыр и все вперемешку.

О, как все было вкусно!

Берегиня наблюдала, как он ест, подперев красивой полной рукой щеку.

– Я могу собрать вам с собой немного провианта. Наверное, вы не захотите спускаться в деревню, чтобы сделать запасы. Хлеб, круг сыра, яиц пару десятков. Мяса нет у меня ни в каком виде, не держу я его.

– Это будет не очень обременительно для вас?

Оденсе повела плечами:

– Деревенские постоянно расплачиваются едой. А едоков у меня мало. Так что...

Саммар откинулся спиной на бревенчатую стену, посмотрел на женщину и довольно улыбнулся. Его живот снова урчал, но теперь по-другому – весьма и весьма довольно.

– Что ж, – улыбнулась в ответ Оденсе, – вот теперь можно и поговорить. Вопросов у меня много. Очень много. Но я не уверена, что вы именно тот, кому я могу их задавать. И уж точно понимаю, что знать ответ на каждый из них – страшно.

– Да, – согласился Саммар. У него самого в жизни было с верхом пугающих знаний, от которых он предпочел бы отказаться. – Иной раз лучше подольше оставаться в неведении.

Оденсе кивнула, а ее глаза подернулись поволокой собственных воспоминаний.

– Лучше не знать о переменах, которые не в силах изменить. А они, судя по всему, грядут в скором времени. Иначе откуда в эти края могло занести Полночные Звезды и монашеские силы?

– Одно призвало другое, – уклончиво ответил бородач.

Взгляд женщины был грустен:

– Издевка судьбы. Сначала детей Матери Берегини изгоняют из Озерного края за якобы противную Создателю способность продлевать и спасать жизни. Ибо мы своими умениями вторгались в четко выверенный замысел Создателя. И вносили свои коррективы. Четверть века старательно стирали память о нас и наших знаниях. А потом одной из берегинь приходится врачевать того, чью предсмертную агонию изо всех сил старался продлить монах... От него, наверное, бледная тень осталась за эту ночь, не так ли? – При этих словах она встревоженно нахмурилась. – Он хотя бы на достаточном отдалении от моего дома находится?

Саммар кивнул:

– Там, где на березах видно знак. Он не переступал черту. Не хотел, чтобы из-за его присутствия ему, – Саммар кивнул на Годэлиска, – было отказано в лечении.

Берегиня отмахнулась, а потом недоуменно передернула плечами:

– Что за ерунду вы сейчас сказали? Я бы в любом случае должна была помочь. Как я могла отказать в помощи погибающей жизни?

– Не знаю я... столько разговоров было про знаки, про орден, про политику. Для меня так это все вообще поперек. Ежели лошадь захромает, я ее к коновалу сведу, а уж как он там врачевать станет – с учетом политики или без – мне без разницы. Шелест... монах наш, по вашим словам – смерть ходячая, а он в живых-то Годэ удержал. И сам сюда носа не показал, потому как не хотел, чтобы взбрыкнули вы из-за неприятия его. Ну, из-за его принадлежности к ордену.

Оденсе покачала головой:

– Это правильно. То, что он не переступил черту. Это хорошо. Но не для вашего раненого друга. А для самого монаха. Для него приход сюда стал бы намного более мучительным испытанием, уж поверьте мне на слово, чем мое простое, – она подчеркнула, – *человеческое* нежелание видеть ни одного из представителей его касты.

Пришло время Саммару удивленно поднимать брови:

– То есть как – мучительным испытанием?

Оденсе взяла со стола чашку с водой и развернулась к устью печи. Резкое движение кисти, и вся вода из чашки выплеснулась на пульсирующую розу углей у самого края. Шипение и маленькое облачко пара – угли темнели, трескаясь и превращаясь в хрупкие шарики спрессованного огнем пепла. Часть воды стекла по углублению между камнями, формирующими печную кладку, на пол. Превратилась в лужу неправильной вытянутой формы.

– Он – едва тлеющий уголь. – Берегиня вновь посмотрела в глаза своему собеседнику. – Я – вода. Вода остается водой, даже испарившись, собирается в облако и изливается дождем. Вода снова становится водой. А угли рассыпаются в прах. И нет в них больше искры живительного тепла. Он ничего не говорил об опасности лично для себя?

– Подозреваю, что, скорее всего, он об этом вообще не знал. – Саммар задумчиво поскреб бороду.

– Орден так старательно стирал Мать Берегиню из памяти, что забыл, в чем было истинное противоречие. Должно быть, он очень молод, ваш... монах. Верно, я представляю для него всего лишь хрестоматийное зло... Только лишь некогда существовавшую идеологическую угрозу догмам его ордена. Сколько ему лет?

Саммар пожал плечами:

– Не думаю, что он юн. Ни разу его слова не показались мне неразумными.

Губы Оденсе тронула легкая улыбка:

– Мудрость – это не седина. Она не ко всем приходит с годами. Есть люди, чьи глаза полны ею с детства. Иным же и века не хватает...

Скрипнула дверь, бледной тенью в хату вернулся Ольм.

– Саммар, нам стоит выдвигаться, – то ли сказал, то ли спросил он уставшим голосом.

– Перекусите? – Берегиня поставила перед вошедшим чистую тарелку, но тот лишь отрицательно покачал головой.

Саммар встряхнул спящего спутника за плечо:

– Вставай давай, Гьд. Ну ты мастак спать, просыпайся!

Рука Саммара потянулась к поясу и отстегнула увесистый кошель. Оденсе заметила выбитые на нем гербовые вензеля Хальмгардской династии. Все ее догадки подтвердились. Мужчина ссыпал на ладонь часть золотых монет и шлепнул их на поверхность стола:

– Этого хватит? Чтобы оплатить все, что ты сделала?

Оденсе лишь скользнула по горке денег взглядом.

– Как далеко то место, в которое вы едете? Это Рыман?

– Нет. – Ольм надевал на себя часть снятой ранее амуниции. – Поможете нам его перенести обратно на носилки? Чтобы мы не навредили ненароком. Мы не направляемся в Рыман. А почему вы спрашиваете?

Гьд уже держал в руках носилки.

– Потому что ваш друг очень слаб. Дальней дороги он, боюсь, не вынесет. А до Рымана рукой подать. – Она усмехнулась. – Благодаря вашему проводнику конечно же. Так что, если этот город конечный пункт вашего путешествия, можно было бы и рискнуть.

– То есть мы не можем забрать его? – Дарина стояла на пороге. Она, после того как выскочила за дверь во время операции, сначала поплакала на шее у собственной лошади, а потом расстелила во дворе две попоны и, как и Гьд, использовала появившееся неожиданно-негаданно свободное время для сна.

Пробудившись от голосов внутри дома, первым делом девушка побрела к низкому срубаму колодца и попыталась привести в порядок свой внешний вид. Отражение в черной воде оставляло желать лучшего. Умывшись и стянув расчесанные волосы в гладкий хвост, она поняла, что времени для сна было слишком мало. Перед глазами металась белая мушка. «Господи, как я устала. Я прямо как пьяная. Это как быть пьяной уже не первый день».

– Вы же навроде бы колдовали-колдовали... – Дарина не смогла сдержать зевок.

– Но мы не можем остаться ни здесь, ни в Рымане, – покачал головой Ольм. – И так уже задержались.

Он посмотрел на Саммара, тот пожал плечами и сказал:

– Значит, нам придется трогаться без него. Можно будет оставить его под вашей опекой?

– Его могут искать? – вместо ответа спросила берегиня.

– Искать-то ищут, несомненно, но здесь – не станут.

– Почему?

– Эта местность находится в противоположной стороне от цели нашего пути. Мы как бы обогнули погоню и теперь находимся у нее за спиной. Звучит это, вероятнее всего, абсурдно. – Ольм немного помедлил. – Мы вернемся за ним. Заберем на обратном пути.

Плечи Оденсе устало опустились. Очень давно ей посчастливилось избавиться от необходимости участвовать в преследовании, где ей была отведена роль жертвы.

Однажды в ее судьбе уже был момент, когда все окружающее ее устройство мира рухнуло и грозило раздавить под своими обломками. Ей удалось исчезнуть, спастись. А потом пришлось бежать – все дальше и дальше. Чтобы в конце концов оказаться здесь. И теперь в этой глуши, столько лет спустя, у нее возникло ощущение, что опять все начинается сначала.

И эти всадники всего лишь первые гонцы. А вскоре за ними потянутся военные обозы. А у нее в хате беглый раненый. И это уже не оказание помощи, а укрывательство. Если гонимые знают, что она берегиня-целительница, долго ли это останется тайной для преследователей? Власть тех, кто швыряется Полночными Звездами, никогда не сочтет ее соседство дружеским.

– Когда вы вернетесь? – Своим вопросом она пыталась выяснить, сколько у нее еще есть времени. «Времени для чего? Чтобы не бояться засыпать по ночам? Для того чтобы решить, куда бежать дальше? Снова бежать... В безумный Княжград? Закрытый Латфор? Дальше, на Западные острова? Или лучше сразу на морское дно?»

– Недели через две. Максимум. – Ольм уже стоял на пороге.

– Две недели?! Если через две недели он сможет самостоятельно поворачивать голову – это уже будет хорошо! Я не смогу поставить его на ноги за такое короткое время. Я же исцеляю, а не творю чудеса. Вылечить его за две недели – да этого никто не сможет сделать! Даже учитывая то, что он чистокровный эльф!

Королева, где твой замок?
Темной ночи вскрыты двери,
Гонит стужа незнакомок
От потери до потери.
Где твой замок, королева?
Нету края – степь безбрежна,
Ветра шепот без напева,
Мысль о крове безнадежна...
Мы пришли на пепелище,
Снег скользит, разбитый камень,
Прежний замок стал кладбищем,
След предательства скрыл пламень^[1].

– Гали! Гали, ты слышишь меня? Отойди наконец от окна! – В голосе княгини Млады начали явственно проступать нетерпеливые стальные нотки. Княгиня была не в духе. Причин для этого было несколько, но более остальных ее сейчас раздражало поведение младшей дочери. Последнее время Гали летала в облаках и, судя по отстраненному выражению глаз, совсем не в тех облаках, в каких полагалось летать молоденькой особе ее ранга.

Никаких вразумительных объяснений Младе получить от девушки не удавалось, и все замысловатые разговоры с хитрыми двусмысленными вопросами заканчивались загадочными вздохами и потупленным взором. Что и говорить, благодущия это княгини-матери не прибавляло. Настроение ее было под стать погоде за окном – мрачное и промозглое.

Жаркий зев камина наилучшим образом обогревал гостевую залу, но все же это не мешало чувствовать, сколь нещадно сквозит из окон. Тепло камина из-за этого казалось прослоенным промозглостью зарядивших осенних дождей. Словно на редкость неудавшийся праздничный торт, в котором великолепный крем перемежается непропеченными липкими коржами.

Еще больше лишала гармонии окружающее пространство совершенно не осенняя копна рыжих волос княжны. Все в девушке напоминало о лете – легкая россыпь веснушек, яркие зеленые глаза и непокорные крутые кудри, словно таящие в своих изгибах солнечные переливы. И, конечно, мечты – легкие, уносящиеся в небесную высь, словно подхваченные порывом летнего ветра.

– Истинно – Златовласка, – не уставала повторять Мина, горничная, расчесывая по утрам Гали. – Если даже не останется в княжестве золота, и то мы не обеднеем, с таким богатством-то.

Гали рисовала пальцем на запотевшем стекле огромного дворцового окна чьи-то раскосые глаза. Глаза выходили плохо, и она перечеркивала рисунок быстрыми штрихами, а потом принималась рисовать их вновь, чуть поодаль.

Из окна было видно, как, перепрыгивая через лужи, неловко подхватив юбки, шлепает по двору в направлении флигеля служанка.

Рассматривая сквозь прорисованные линии, оставленные миниатюрным пальцем, непростое продвижение служанки к заданной цели, Гали нахмурилась. Интересно, что там можно убирать столько дней подряд?

Флигель не являлся жилым помещением, в нем размещали гостей, только когда многочисленных приемных покоев замка не хватало на всех вновь прибывших. Нынешние переговоры закончились с неделю назад, а она все ходит туда и ходит. Завидное постоянство в пристрастии к кропотливой работе, в чем горничная раньше никогда замечена не была. Прямо отдельно взятый феномен, который достоин изучения.

«Разве только, – Гали улыбнулась своей неожиданной догадке, – Мина приспособила флигель для своих тайных свиданий с Марком. Прямо под носом у господ, запретивших эту разрушительную страсть. Очень удобно – есть благовидный предлог для отлучек из замка. Само место уединенное, никаких тебе посторонних глаз, ушей и, как следствие, пересудов. Вот только осталось заприметить, как туда, во флигель, окольными путями пробирается конюх...»

Отношения Мины с грумом отца Гали были полны скандалов, бурных расставаний и не менее шумных же примирений. В какой-то момент сдержанный в повседневной жизни князь Всемир, стуча черенком серебряной ложки по столу, заявил, взвизгнув на последнем слого фразы:

«Мне осточертела эта кошачья возня!»

Именно после этого исторического момента встречи служанки с Марком были объявлены вне закона. Гали не очень хорошо представляла, где находится вышеозначенная область – «вне закона», но по ее собственному внутреннему убеждению, демонстрацию слугами чувств можно было теперь по тяжести преступления разместить где-то между крупной контрабандой и оскорблением институтов власти.

Мина тайком плакала, а при встрече кидала на Марка томные взгляды, от которых, казалось, мог воспламениться вокруг воздух. В такие моменты грум пытался придать своему лицу безразличное и отстраненное выражение, старательно отводил глаза, но при этом столь явственно попеременно бледнел и краснел, что и в его взаимности тоже сомневаться не приходилось.

– Пап, почему бы их не поженить?

– Что за странная фантазия, Гали? Они, еще не будучи связаны узами брака, каждый день умудряются доводить свои отношения до абсурда! Что будет, если мы разрешим им пожениться? Да они просто поубивают друг друга! А так у меня есть прекрасный конюх, а у твоей матери довольно сносная горничная. Оба они честны и не воруют, в отличие от очень многих. Я не могу позволить таким объективно хорошим людям убивать друг друга без очевидной и разумной причины.

«Абсолютно непонятно, как взрослым удастся настолько виртуозно владеть своими эмоциями. Отец часто повторяет, что сначала нужно учиться держать под контролем свои мысли и чувства, а потом уже приступать к науке управления государством. Что без внутреннего спокойствия монаршее правление невозможно. Ну хорошо, допустим, он прав. Но он – монарх! А требовать этого от других? Им-то зачем такой самоконтроль? Как можно запретить страсть?» – И скулы Гали вновь заливал предательский румянец.

В ее юном сердце не так давно первоцветом раскрыла лепестки неги, которую вскормили прочитанные романтические саги и чарующие мелодии песен менестрелей. Из-за нее она все дальше уходила в своих размышлениях от понимания прописных истин отца и

все больше познавала смысл и правду через сбивчивые, брошенные мимоходом признания Мины.

Единственное, чего она не понимала в терзаниях горничной, что ставило ее в тупик, так это вспышка иногда в глазах Мины необузданная ненависть. Стоя у окна, глядя на проводимые на площади перед замком сборы, та порой изрекала:

– Нет, только посмотрите на него, расфуфырился, словно петух в новом курятнике – в Княжград, видите ли, едет сопровождать их светлость! Знаем мы, для чего все эти поездочки используются! Если бы могла – задушила бы его собственными чулками! Чтоб ты сгинул на плоскогорье! Чтоб тебя в Буре выловили, заразу! Глаза б мои тебя больше не видели! – И Мина смачно и злобно плевалась в окно, из которого открывался вид на предмет ее воздыханий.

Эти сорвавшиеся в сердцах проклятия княжна принимала за чистую монету. От их бьющей ключом экспрессии по спине начинали бегать мерзкие холодные мурашки. Гали представить не могла, как можно пожелать столько зла тому, кто дорог сердцу.

И угораздило же ее саму влюбиться не в соседского принца... О котором можно было бы не особенно переживать – кто-то знакомый с детства, с кем все просто и ясно. Не особо заботясь о конспирации, с ним можно было бы обмениваться сонетами посредством голубиной почты, заставляя всех посвященных ахать от умиления. Добавляя флер романтичности в обыденность существования среди серых стен замка. И это были бы реальные непредосудительные отношения молодости, которые вполне могли бы перерасти во что-нибудь серьезное.

Но нет, ее сердце не искало легких путей. Гали была очарована совершенно незнакомым рыцарем.

Ей не с кем было поговорить о своей любви. Не с кем было поделиться своими переживаниями. И, что хуже всего, не у кого было расспросить о *нем*. И чем дольше темноволосый незнакомец оставался загадкой для девичьего сердца, тем большим совершенством обрастал в ее воображении его кристальный образ.

Возможно, причиной тому были обстоятельства, при которых они встретились. Все было как в новомодных романах, которые так не одобряла ее мама. Рыцарь спас даму.

Гали и таинственный незнакомец столкнулись на винтовой лестнице северного крыла, по которой княжна в очередной раз сбегала сломя голову, вопреки дворцовому этикету. Заметив возникшую из-за поворота тень поднимающейся навстречу фигуры, она попыталась изменить траекторию своего движения, но запуталась в многочисленных юбках, споткнулась об подол и почти упала. Почти – потому что рыцарь оказался на самом деле рыцарем. Галантным и предупредительным, но самое главное – очень ловким и с быстрой реакцией. Он успел подхватить даму.

Споткнувшись, девушка сильно толкнула его. Полукруг движения от этого резкого удара заставил каскад его крутых смоляных кудрей, взметнувшись, соскользнуть с мощных плеч. Удерживая девушку одной рукой от падения, мужчина отбросил их взмахом второй ладони, облаченной в длинную перчатку. Дабы они не оскорбили даму своим, пусть даже нечаянным, прикосновением к ее коже.

Через секунду мужчина очень почтительно поставил княжну на ступеньку перед собой.

Гали в замешательстве молчала. Ее прерывистое дыхание, определенно намного более экспрессивное, чем требовал этикет, заставляло декольте платья опасно обнажать то, о чем этикет, разумеется, вообще предпочитал умалчивать.

Глаза рыцаря были так близко, что княжна смогла рассмотреть в подробностях каждую ресничку, каждую точку на темно-кареих, оттенка горького шоколада, радужке. Раскосый разрез венчали расходящиеся от уголков к вискам лучики наметившихся морщинок. Взгляд был теплым, и в какое-то мгновение Гали показалось, что он падает через ее удивленно распахнутые глаза прямо в душу и обволакивает своей лаской с головы до ног. Этот обращенный к ней взгляд сделал намного мягче жесткие, будто наскоро высеченные из камня, черты лица.

Девушка едва слышно и не вполне отчетливо пробормотала:

– Извините. – И тут же гордо вздернула подбородок: все же она была княжной и не привыкла извиняться. Никогда и ни за что. Ни перед кем.

Рыцарь почтительно склонил в поклоне голову и плечи. Гали заметила улыбку, играющую в уголках его губ. Он посторонился, и девушка постаралась как можно более величественно прошествовать мимо, чтобы стереть даже малейшее воспоминание о своей неуклюжести.

Всю дальнейшую дорогу она чинно вышагивала, чувствуя невыносимый жар ярко алеющих щек. Будто бы за ней все еще следили его глаза.

Вот и все. И вся встреча. Все, что должно быть соблюдено согласно жанру новеллы, было соблюдено: мимолетность, неожиданность и чудесное спасение.

И что во всем этом могло заставить Гали потом, спрятавшись за портьеры окон, высматривать во дворе фигуру незнакомца? Подглядывать за ним в обеденной зале? Снова и снова блуждать по северному крылу, ища встречи и одновременно опасаясь ее?

Если бы это все произошло раньше, не в этот раз, у нее наверняка была бы надежда переговорить с ним на балу, во время танца. Или разузнать о нем, как бы между прочим, побольше у какой-нибудь не в меру болтливой придворной фрейлины из Княжграда.

Они там, в Княжграде, знают столько, что иногда даже складывается впечатление, что знают вообще все и обо всех.

Но нынешние переговоры были не похожи ни на один из предыдущих.

Слишком внезапно все приехали и слишком быстро все разъехались.

На этот раз деловые и политические беседы не переходили в долгоиграющие застольные посиделки с непременно дегустацией вин и коньяков различных лет выдержки. Никаких пятничных танцев и пикников с выездом в живописную предгорную область Потлова. Столичные хлыщи не привезли с собой опасно декольтированных веселых дам.

Собственно говоря, в небольшой группе серьезных дядек о прежних временах напоминала только колоритная, почти двухметровая фигура разодетого по последней моде в банты и рюши графа Борима. Да и тот, судя по скучающему выражению лица, попал сюда явно случайно.

Большую часть заседаний политической элиты граф проигнорировал. По обыкновению, их проводили в необъятном помещении библиотечной залы, коей Борим старательно избегал. Единственным его занятием стали прогулки по непривычно пустым для него коридорам потловского замка. Со вздохами часами разглядывал его светлость развешанные в галереях портреты как предков Гали, так и своих собственных, или же меланхолично листал пылящиеся в галерее фолианты с гравюрами. Он явственно тосковал по прежним временам и скрывать свою тоску не считал нужным.

Мытарства графа прекратились, когда во время своих бесцельных блужданий по замку он открыл неведомый ему ранее путь на кухню, а через нее – в славящийся разнообразием

своих запасов потловский винный погреб.

Сколько точно времени он там провел, не будучи обнаруженным, неизвестно. Да только как-то вечером кухарку Велле не на шутку встревожила ставшая громче обычной возня крыс в подполе вверенной ее заботам территории. Она сидела, грызла в задумчивости тыквенные семечки, насыпанные горкой на дощатом столе, и слушала шорох и стук под досками. Шорох в отличие от семечек не прекращался, и от этого раздражение женщины все больше возрастало. Ни одного из ватаги поварят, чтобы послать расставить мышеловки, ни своенравной полудикой рыжей кошки с черными пятнами, как назло, не было рядом, а решение проблемы, по мнению Велле, не требовало отлагательств.

Вооружившись шваброй и керосиновой лампой, кухарка ступила за порог двери, ведущей в погреб.

Свет лампы бил в глаза, ни на сантиметр не отодвигая обступивший ее подвальный мрак, но женщина отважно шла в темноту, нащупывая ногами ступеньки.

Граф Борим же, напротив, ясно видел огонек и идущую к нему миловидную женщину, которая сквозь призму винных паров конечно же показалась ему верхом совершенства и изящества. Врожденная галантность заставила его найти в себе силы и оторваться от облюбованной ранее бочки с божоле крю пятилетней выдержки. Граф потянулся на свет с беспечностью мотылька-переростка. То ли Велле, разгоняя предполагаемых ею грызунов, слишком рьяно размахивала шваброй, то ли граф был более чем пьян и потому крайне неустойчив, но закончилась их встреча грандиозным совместным падением с лестницы.

У его светлости в результате скоростного спуска сильно пострадала «основная» (по словам обследовавшего его много позже придворного лекаря) правая нога, от боли в которой граф на некоторое время потерял сознание. Велле же приземлилась непосредственно на распростертое мужское тело, а потому намного более удачно. Она вскочила с несколько примятого ее тяжестью графа и, не потеряв присутствия духа, принялась затаптывать деревянные ступеньки, занявшиеся из-за разлившегося масла разбитой лампы.

Когда огонь был потушен, пришло время Велле разбираться с добытым в результате проведения ею столь рискованной операции трофеем. На ощупь мужчина был молод и крепок, поэтому она решила не бросать его распростертого ниц, а потихоньку втащить по лестнице в кухню. Слабо сопротивляющийся, постанывающий, но постепенно трезвеющий от шока Борим, шурясь, вышел из сумрака полубившегося ему погреба. Под светом кухонных ламп оказалось, что найденыш еще и весьма красив.

Последним доводом, заставившим Велле принять решение в пользу предоставления кухни в полное распоряжение графа, стало сказанное мурлыкающим сочным баритоном:

– Мадам, мне, к глубочайшему сожалению, не выпало случая быть представленным вам ранее...

Кухаркам редко доводится выслушивать что-либо подобное, так что удивляться произведенному этой фразой эффекту не приходилось.

Гали усмехнулась, вспомнив, какой переполох устроили слуги графа, заметившие (где-то через неделю, когда уже дело шло к сборам к отъезду) отсутствие хозяина.

Были организованы запоздалые поиски с поэтапным прочесыванием окрестных таверн и дна опоясывающей город речки Петли. Поиски ничего не дали (еще бы!).

И тогда все озадаченно пожали плечами и почесали в затылках. Тут же поползли противоречивые слухи то ли о похищении графа, то ли о его тайном пострижении в духовный сан. И даже о пленении в казематах замка как вольнодумца, открыто

высказывающего свои соображения, категорически не совпадающие с официально проводимой Потловом последнее время политикой в отношении Княжграда и Латфора, из-за чего он якобы демонстративно не посетил ни одного заседания с участием их послов.

Еще через несколько дней всплыла новая деталь, после чего отдельные лица не на шутку обеспокоились. Больше всех нервничал из-за новости отец Гали, князь Всемир. Куда там слухам о политической диверсии – выяснилось, что самый последний раз пропавшего видели в непосредственной близости от погребов дворца.

Всерьез опасаясь за состояние своих легендарных запасов, Всемир тут же организовал поисковую экспедицию, которую сам же и возглавил. Обнаружение его светлости Борима, спящего в примыкающей к кухне комнате кухарки, стало шоком для дам и вызвало немалое веселье и огромное количество разномастных шуток у господ.

Раздосадованного графа вынудили покинуть территорию кухни, а Велле весь день проплакала, сидя на ставшей для нее роковой лестнице. С того дня граф заперся в своей комнате, а ужин, вопреки обыкновению, стал неизменно подгорать. Впрочем, на это, как ни странно, мало кто обратил внимание.

Такая почти фельетонная ситуация разнообразила для Гали монотонную серость бесед, которые она слышала из-за закрытых дверей и которые прерывались при ее появлении. И ненадолго отвлекла от собственных мыслей, то и дело заставляющих вспыхивать девичьи скулы будто под легким мазком кисти, предварительно погруженной в краску оттенка бордо.

– Гали, ты отойдешь от окна или нет? Почему мне приходится повторять? – Мать сидела в резном кресле-качалке. Кресло недовольно поскрипывало, словно вторя Младе.

Последние годы пошатнувшееся здоровье заставило княгиню все больше времени проводить в его удобном нутре. По-стариковски заворачивалась она в плед и подкладывала под ноющую спину подушечки, набитые овечьей шерстью.

Равномерное поскрипывание кресла уносилось под своды гостиной залы. В этих просторных комнатах с наступлением первых дождливых дней стали разжигать огромные пасти каминов. Огнем пытались разогнать сырость каменных стен замка, отпугнуть вечную жилищу – черную плесень, терпеливо выжидающую момент для своего ежегодного крупномасштабного наступления.

Соприкасаясь, постукивали спицы. Мама умело перекидывала петли с одной инкрустированной металлической мини-рапиры на другую, вывязывая очередной узор на очередном шарфе, который после отнесут в самые бедные кварталы города вместе с остальными ежегодными пожертвованиями знатного семейства.

Раньше Гали занимал вопрос, о чем думает княгиня во время этого ритуала. Тратя изо дня в день определенное количество часов на вязание, она, несомненно, погружалась в некие размышления. Не могла же она, в самом деле, думать только о петлях и накидах? Может, она представляет, как в связанный уже шарф завернут ребенка из неимущей семьи, а может, ее мысли далеки и она, подобно Гали, проигрывает в голове все странности предыдущих дней? И вязание всего лишь способ отгородиться от всех остальных?

– О чем ты думаешь, мама?

Княгиня выразительно глянула на дочь поверх сползших на кончик носа очков.

– В данный момент, как, впрочем, уже некоторое время, что уж тут скрывать, я озадачена твоим созерцательным настроением. Ты постоянно витаешь в облаках. Если бы на переговорах был хотя бы один человек младше тридцати пяти, я бы заподозрила тебя в романтической увлеченности. А так – я теряюсь в догадках.

Скулы Гали тут же покрылись розовыми пятнами, и она поспешила спрятать свое смущение, вновь отвернувшись к разрисованному стеклу окна.

– Мина опять топает к флигелю...

– Неправильно говорить «топает». Надо говорить «идет» или «спешит», а «топает» – это не приличествует молодой леди, – машинально поправила княгиня, одновременно отмечая, что дочь снова перевела тему разговора.

– Но она не идет и не спешит. Если не топает, то уж скорее прыгает, что ли...

«А к Марку на свиданье, верно, бежала бы. Или это ее замешательство для вида? Для того чтобы ее как раз и не заподозрили? Нет, притворяться и плести таинственные интриги ей не по силам...»

Княгиня недовольно покачала головой, снова углубляясь в вязание, посчитав по довольно абстрактным замечаниям Гали, что разговор окончен.

Гали была младшей дочерью князя Всемира и княгини Млады. Она появилась в семье, когда четыре ее старшие сестры уже были девушками на выданье. Поздний ребенок – до самого момента рождения ее родители надеялись, что наконец-то небо послало им мальчика. Продолжателя рода потловских князей их династии. Но, видимо, Всемиру рассчитывать передать власть потомку своей фамилии, а не отпрыску принца-консорта, мужу одной из дочерей, не приходилось.

В младенчестве и раннем детстве Гали была болезненной малышкой, что принесло немало бессонных ночей ее родным, а также кормилицам и нянькам. С ней носились как с хрупкой и безумно драгоценной вещью. Может, поэтому у окружающих вошло в привычку сверх необходимого заботиться о ней, а также позволять и прощать несколько больше, чем надо. Может, поэтому мать не одернула ее за пространное возражение и, по сути, неотвеченный вопрос.

Мина поэтапно отряхивала на ступенях под козырьком флигеля свои многочисленные юбки, прежде чем отомкнуть дверь. Топала каблучками коричневых полуботинок, сбивая с них прилипшую грязь дворовых луж.

Сразу после отъезда гостей была распущена по домам нанятая на время их приезда прислуга. Кухарка, горничная, секретарь, дворецкий, конюший да два поваренка, – прислуги более чем достаточно для малочисленной сейчас княжеской четы.

Так или иначе, но теперь все обязанности по уборке княжеских комнат легли на плечи Мины. А она, в свою очередь, уже много лет не выходила за кружевной чугун дворцовых дверей, так что в какой-то момент начала и саму себя считать важной персоной, приближенной к самой верхушке власти. А теперь ей приходилось вспоминать босоное деревенское детство и наматывать под дождем круги между замком, флигелем и пристройками. Раньше она не преминула бы спихнуть как минимум половину своих обязанностей на свою закадычную подругу Велле, а та по своему простодушию еще бы и радовалась, что ей выпала возможность помочь. Но теперь это был неподходящий момент.

Из-за той ситуации, в которую кухарка попала волею судьбы, она последние недели носа не казала за пределы кухни. То ли горюя о потерянной любви, то ли стыдясь открывшейся для посторонних глаз своей маленькой тайны.

Гали подумала, что Мина наверняка прибежит вечером жаловаться, как она замерзла, простудилась, поскользнулась...

– Ты не могла бы сходить поторопить Велле с ужином? После известных событий она стала очень нерасторопной.

– Ма... – Гали прислонилась к холодной поверхности лбом. – А почему отец уже третий день не спускается к ужину?

Спица замерла, упершись в палец. Княгиня вновь бросила поверх очков взгляд. Ее глаза в молодости были такого же изумрудного оттенка, как и у дочери, теперь их прежнюю мечтательную яркость словно усмирила пришедшая с возрастом мудрость.

– Что с тобой, детка? Отец уехал в субботу сопровождать латфорское посольство. Ты запомнила?

Гали тронула края накидки, пряча в ее тепло открытые по последней столичной моде плечи.

– Мам, – девушка развернулась всем корпусом к матери, – отец ведь вернулся в ночь с субботы на воскресенье. С ним был человек. Тот незнакомец в странном плаще. Помнишь, я еще говорила, что ни разу не видела его. Ни разу. Ни здесь, ни при дворе в столице. И выговор у него такой необычный...

– Ты ошиблась, детка.

– Мам, ну я ведь уже не маленькая, в самом деле. Как ты можешь меня убеждать в том, что отца до сих пор нет в замке, если я своими глазами видела, как он вернулся ночью того же дня?

– Ты, несомненно, ошиблась, девочка, – с нажимом повторила княгиня, рубя слова, словно ставила после каждого точку. – Или ты увидела слишком реальный сон, в который поверила.

Глаза Гали удивленно распахнулись – с ней никогда прежде не говорили в таком тоне.

– Мам?!

– Что – мам?

– Но ведь это же неправда!

С неожиданной для ее возраста прытью княгиня спрыгнула с качалки и подскочила к Гали вплотную:

– Слушай! Меня! В ту ночь вернулись конюх Марк и кто-то из нанятой в сопровождение прислуги. Это их ты видела из окон своей комнаты!

Гали медленно качала головой, не веря своим ушам.

– Даже если предположить, что я не в состоянии отличить плащ конюха от княжеского...

– Гали, остановись! Ты понимаешь, что обвиняешь меня во лжи?

Если бы в ее спину не упирался подоконник, Гали бы с удовольствием сделала пару шагов назад – столько ярости плескалось в глазах матери. Неожиданно спокойным голосом, хотя все внутри ее сжималось в непривычный подрагивающий комок, девушка произнесла:

– Я не думаю, что ты хочешь мне лгать. Скорее, ты хочешь, чтобы я поверила во что-то нужное тебе. В какую-то видимость, которую тебе сейчас нужно поддерживать. Передай тому, кого ты выдаешь за конюха, чтобы он тише шаркал, меря по ночам шагами отцовский кабинет прямо над библиотекой!

Княгиня прерывисто дышала. Если бы ее взгляд имел физическую силу, Гали замолчала бы, наверное, до конца своих дней.

– Прекрати нести бред, слышишь? И займись делом! Все твои странные мысли от безделья, не иначе. Ступай наконец вниз! А то мне скоро придется послать кого-то поторопить тебя, чтобы ты не забыла поторопить Велле...

Подгоревший уже как бы традиционно ужин был съеден в безмолвии. Гали обиженно

расковыряла пудинг, съела верхнюю часть, оставив на тарелке черную корочку низа. Княгиня, сидя напротив, через длинный церемониальный стол, ни на минуту не сводила с нее глаз.

Благословив, по обычаю, дитя перед сном, княгиня, вопреки обыкновению, весьма сухо коснулась ее лба губами.

– Спокойной ночи, маменька. – Гали присела в книксене.

– И тебе, детка, сладких снов. Храни тебя Господь, моя радость. И, Гали, – это уже княгиня добавила вслед повернувшейся к двери дочери, – я запрещаю, слышишь? За-пре-щаю тебе засиживаться в библиотеке!

Гали ничего не ответила. Лишь гордо передернула плечами, направившись к выходу.

Мать, в отличие от дочери, за вечер не съела ни крошки. Отодвинув в задумчивости нетронутую тарелку, она снова потянулась к вязанию, провела пальцами по идеально ровным рядам.

«Почему в жизни все не может быть так же просто? Так же понятно и связно? Руки людские способны создавать красоту, но вывязывать гармоничные отношения нам не дано. Связи запутаны, непрочны нити. Вот и выходит уродливо. И даже то, что мы уже имеем, умудряемся испортить вконец».

Гали, спрятавшись с головой под широкую многослойность покрывал своей кровати, ждала, когда часы на дворцовой башне пробьют двенадцать. До этого, как только за окнами начало темнеть, она демонстративно покинула библиотеку с томиком очередного романа под мышкой.

Заявив, что желает сама привести себя в порядок перед сном, княжна раньше обычного отпустила горничную. Уставшая донельзя за день Мина не стала задаваться лишними вопросами об этих странностях и просто ушла в свою смежную со спальней княжны комнату.

Убедившись по доносящемуся из комнаты служанки размеренному посапыванию, что та уснула, Гали начала свои приготовления к делу, которое задумала еще сегодня днем, во время малоприятного разговора с матерью.

Для начала она причесалась перед зеркалом, в которое из окна падал лунный свет. Надежно заколола шпильками на затылке тяжелый узел волос. Надела, распутывая унизанные прозрачными камнями нити белого золота, на голову диковинную диадему. Украшение было старинным, в нем щеголяла еще прабабка Гали, и ей самой его подарили на не так давно минувшее пятнадцатилетие.

Изогнутый обруч из нескольких причудливо вьющихся ветвей благородного металла на манер короны венчали миниатюрные зубцы. По обе стороны от них спускались полукругами цепочки, которые скрепляли в замкнутую паутину оправы сапфиров пронзительно-голубого цвета.

Диадему Гали для надежности тоже приколола к волосам шпильками, скрыв места креплений слегка вьющимися прядями волос. Все же задуманный ею путь был не из легких: и прическа могла растрепаться, и украшение с головы слететь могло в два счета.

Мочки ушей приятно оттягивали продолговатые капли серег. Из всего многообразия Гали выбрала самые, на ее взгляд, подходящие к прабабушкиной диадеме.

Из гардеробной она извлекла один из костюмов для верховой езды. Одевание темно-зеленого бархата, состоящее из высокого и довольно широкого корсета, не стесняющего

движений, и узких брюк. Струющаяся от корсета юбка позволяла сидеть в седле по-мужски и при этом скрывать ноги.

Впрочем, эта красота была сейчас Гали ни к чему. Ее ловкие пальцы быстро отстегнули несколько десятков потайных пуговиц и отделили юбку от корсета. Наряд стал теперь более походить на мужской, чем женский. Но так было намного удобнее, а сейчас это было именно то, что надо.

Надев сверху на костюм белую ночную рубашку и спрятав диадему под кружевным чепчиком, Гали нырнула в кровать.

Пробило десять часов, потом одиннадцать.

Гали считала удары. Предвкушение от творимого ею озорства надежно отгоняло сон.

Наконец – двенадцать!

Она спустила на пол ноги в плотных шерстяных чулках. Нащупала тапки.

Зная, что у горничной очень чуткий сон, Гали старалась быть максимально осторожной, когда пробиралась на носочках мимо двери ее комнаты к выходу.

«Я прямо как Золушка, – думала она, шествуя с трезубцем канделябра по темным коридорам. – Пробило двенадцать, моя карета превратилась в тыкву, а бальное платье – в нижнюю рубашку. Хотя нет, сейчас, пожалуй, я все же больше похожа на привидение. Белая с головы до ног, как в саване. Общий вид портят разве что тапочки. Навряд ли кто-то поверит в мою призрачность, узрев их на ногах. Хотя кто видел привидения? Кто может утверждать, что тапочек они по ночам не носят? По ночам полы вон какие холодные, того гляди, со сквозняком простуду подцепишь. А сопливое привидение – это как-то совсем даже не страшно. Это уже, напротив, совсем смешно».

Зажженные свечи оплывали каплями обжигающего воска, то и дело попадающего на ладони и пальцы. Отбрасываемые фигурой девушки тени были причудливы, и княжна продолжала фантазировать.

Коридор превращался в темную пещеру, по которой необходимо было пробираться очень-очень осторожно и тихо, чтобы не потревожить волшебных монстров, несомненно обитающих за заколдованными дверьми.

Как просто верить, что можно сотворить из своей жизни сказку, когда тебе всего лишь пятнадцать лет.

Глаза Гали блестели в темноте от предвкушения тайны, на пороге развенчания которой она, как она думала, находилась.

Двухъярусная библиотека с уходящими в потолок стеллажами книг.

Каждое новое поколение княжеской династии стремилось добавить как можно больше нового, пополняя и без того забитое донельзя энциклопедическое нутро. Многие из этих коллекционеров не могли похвастать, что ими была прочитана хотя бы малая толика из собранных сочинений. Они все словно рассчитывали, что когда-нибудь в будущем среди их потомков появится человек, жадный до знаний, одержимый их поглощением настолько, что пожертвует на чтение всю жизнь. Или даже несколько жизней. И вот тогда-то весь многовековой труд предков будет оценен по достоинству.

А пока зала библиотеки была лишь предметом демонстративной гордости. Приложением к замку. Чтение было не в чести ни у молодых барышень, ни у молодых господ. И если по поводу способности к собирательству книг гости князя уважительно цокали языками, то над увлеченностью литературой Гали столько подтрунивали, что она приобрела привычку читать по ночам. Когда замок погружался в сон, не было опасности, что из-за

спинки кресла возникнет кто-нибудь усмехающийся и нелестно проходящийся по поводу ее, Гали, умственных способностей.

Безмолвные переходы замка заполняются легкими шагами сквозняка. Из-за не прикрытых шторами оконных проемов льется почти осязаемый лунный свет. В полусне над очередной книгой Гали не раз казалось, что лунные лучи – это нити, из которых можно соткать какой угодно фантом. Ее мысли укутывались в ткань ночи, возрождая из безмолвного забвения когда-то увлекавшие автора повествования искры мечтаний. И Гали казалось, что библиотека дарила ей возможность почувствовать за спиной крылья, в наличии которых она, скорее всего, постыдилась бы признаться днем.

Однако этой ночью пробираться в северное крыло замка Гали заставила не мистическая притягательность библиотеки. Гали было пятнадцать лет, и ей просто хотелось обрести доказательства своей правоты.

Несколько ночей назад ее времяпровождение в библиотеке едва не было раскритиковано. Россыпь цокота копыт вспугнула ее, заставив в мгновение задуть свечи и спрятаться за тяжелую портьеру. Любопытство очень скоро победило в ней страх, и Гали осторожно выглянула в окно. Два всадника, в одном из которых она узнала отца. Едва сдержавшись, чтобы не распахнуть окно и издать приветственный крик, к слову сказать, крайне неприличествующий ее положению и возрасту, она едва слышно захлопала в ладоши и запрыгала на месте.

«Ура! Отец вернулся! А говорили, что его не будет больше месяца! Значит, мне не придется так долго ждать отложенную из-за переговоров поездку в Харад!»

За завтраком она изнывала от своего знания, ожидая, что вот-вот распахнутся двери и войдет князь Всемир. Широкими шагами он пересечет залу, улыбаясь внезапному приезду – сюрпризу, и поцелует дочку в макушку, а жену в щечку. Но он не вошел. Ни в это утро, ни на следующее. И ничто вокруг не выдавало его присутствия. В какой-то момент ей стало казаться, что все виденное в библиотеке всего лишь плод воображения.

На следующую ночь до нее донесся размеренный стук шагов, пересекающих потолок библиотеки из угла в угол. Сначала она не обратила на него внимания. Отец часто расхаживал во время своих ночных бдений, порой надиктовывая секретарю накопившиеся за день мысли, могущие обрести только в спокойствии ночи достойную форму. Секретарь зевал, скрипел карандашом, записывая каракулями наскоро сокращенные слова. Днем текст, переписанный каллиграфическим замысловатым почерком, ложился на гербовую бумагу и приобретал почетное звание указов, законов или писем дружественным сюзеренам.

И в тот раз заслышав сквозь завесу подкрадывающегося сна хождение над головой, Гали несколько не удивилась. Она улыбнулась, свернувшись поудобнее в облюбованном ею кресле, положив под голову читаемую книгу вместо подушки. Проснувшись на рассвете от холода, захватив канделябр с печальными оплывшими огарками свечей, Гали, зевая, побрела обратно в спальню. Мина не проснулась, лишь проворчала что-то недовольно сквозь потревоженный стукнувшей створкой двери сон, давая Гали возможность и в этот раз не обнаружить свое отсутствие ночью.

Княжна сидела на широченной кровати, раскладывая многочисленные подушки лишь в ей одной известной последовательности, чтобы получилось максимально удобное ложе, как вдруг ей вспомнился ночной шум. Не узнать шаги отца было невозможно – столько ночей подряд они сопровождали ее чтение. Гали тогда хлопнула в сердцах рукой по подушке – значит, ничего ей не привиделось и князь действительно в замке!

Но почему он сам не обнаруживает себя, и уж совсем непонятно, почему мать столь ревностно отстаивает версию о том, что Гали обманывает зрение?

Сегодня все должно было определиться. Девушка решительно вздернула подбородок – она сама преподнесет отцу сюрприз! Рубашку она снимет и оставит в библиотеке, и, оставшись в костюме для верховой езды, предстанет перед глазами светлейшего князя в том виде, показаться в котором уже не стыдно. Ну, если не брать во внимание полное отсутствие юбки, конечно.

В детстве, когда в замке собиралось во время семейных праздников огромное количество кузенов и кузин разной степени родства, пока взрослые развлекались балами и интригами, дети находили для себя довольно оригинальные занятия. Одним из них было лазанье на спор по узкому карнизу, опоясывающему башни и замок на нескольких уровнях. То здесь, то там стены замка были увиты плющом. Держась за толстые стебли плюща и вжимаясь в камень стен, можно было умудриться пройти от одного оконного проема до другого.

Девчонки визжали, а мальчишки залезали обратно бледные и с ободранными ладонями.

Однажды на карниз, проходящий под окнами библиотеки, была сброшена кошка, которая непонятным образом материализовалась в тот же день этажом выше в запертом кабинете князя. В то, что кошка обладала способностью к магии, не поверил никто, кроме самой маленькой участницы проделки. В тот же вечер мальчишки, несмотря на протест всей женской половины компании, сбросили многострадальную кошку на карниз еще раз. И сами спустились за ней следом. Так был найден не известный никому ранее путь из библиотеки в кабинет по внешней части стены.

Все на самом деле было просто. Два карниза шли параллельно один над другим. Они задумывались элементами декора и были поэтому очень узкими и сглаженными – архитектор замка сотворил их не для того, чтобы по ним лазили неразумные дети. Со стороны северной стены, там, где они доходили почти до самого угла здания, под воздействием времени и его вечной подруги сырости откололось несколько кусков облицовочной плитки, и выступающие под ней камни кладки образовали подобие крутой лестницы, скрытой от глаз в зелени плюща.

В библиотеке Гали поставила канделябр на пол. Повесила на спинку кресла сложенную рубашку и чепчик.

Со стороны потолка едва слышно раздавался звук размеренных шагов. Девушка улыбнулась – во времени она не ошиблась.

Гали развела в разные стороны тяжелые половины портьер. Прикрепила их к торчащим из стены по обе стороны окна захватам. Затем она бесшумно подняла задвижку и очень медленно потянула на себя раму, разбухшую от бьющих в нее осенних дождей. Створки поддавались неохотно, норовя скрипнуть при любом ее неверном движении.

Окно открылось, разошлись в разные стороны его половины – порывом ветра погасило сразу все свечи. Гали закрепила ставни по обе стороны окна и села на подоконник.

Сердце билось быстро-быстро, и от этого у девушки немного дрожали пальцы. Она несколько раз глубоко вдохнула холодный ночной воздух. На секунду прикрыла глаза, чтобы собрать вместе силы, мысли и решимость.

Придерживаясь за край подоконника одной рукой, княжна глянула за край. Внизу серой полосой светлел в темно-синей вязкости ночи каменный выступ карниза.

Сейчас, когда ей предстояло спуститься на него, парапет казался ей намного уже, чем в

воспоминаниях не такого уж далекого детства.

Еще раз глубоко вздохнув, она легла на подоконник животом и стала потихоньку спускаться наружу, держась обеими руками за край подоконника внутри комнаты. Ее тело уже почти полностью свесилось из окна, а ноги все еще не касались своими подошвами карниза. Руки дрожали от напряжения как натянутые струны, а внутри тихонько нарастала паника.

Гали вдруг ясно поняла, что если что-то пойдет не так, то обратно она забраться тем же путем не сможет. У нее просто не хватит сил и ловкости, чтобы подпрыгнуть с узкого карниза, оттолкнувшись едва согнутыми в коленях ногами, уцепиться за край оконной рамы и, подтянувшись, втащить тело на подоконник.

Гали снова зажмурилась.

«Так, я не буду об этом думать. Я просто аккуратно отпущу руки и тихонько соскользну на карниз, а потом сразу же ухватюсь за поросль плюща...»

Инстинкт самосохранения не давал ей разжать кулаки, и вместо того, чтобы «тихонько соскользнуть», хотелось изо всех сил закричать: «Помогите, мамочка, кто-нибудь!» Но тут в покрытой диадемой аккуратно зачесанной головке Гали возникла любопытная картинка. Она увидела, как на ее крик сбегается вся челядь замка, и последней входит ее мать в съехавшем чепчике, с поджатыми губами и видит, как ее, княжну, с раскорячившимися во все стороны руками и ногами втаскивают обратно в залу.

Какой позор! Этот вердикт заставил ладони Гали разжаться сами собой. Она действительно соскользнула с подоконника, и как только макушка ее головы поравнялась с краем оконной рамы, ступни плотно прижались к каменной поверхности.

Судорожно вздохнув, боясь потерять равновесие, она подтянула к груди руку и схватила в пятерню жесткие стебли плюща.

«У меня получилось! И дальше тоже все получится. Надо только не думать о том, что это карниз. О том, что высоко. Это... это просто тропинка в лесу Ну, может, не в обычном лесу, в харадском таком предгорном лесу, где тропинки выются лентами по скалам, поросшим соснами, со странными искривленными стволами...»

Так Гали думала о всякой всячине, осторожно переступая ногами по карнизу, уткнувшись носом в облетающий по осени плющ. Теперь она знала, почему у друзей ее детских забав после таких испытаний были ободраны поверхности ладоней и сломаны ногти. Что к концу пути даже нос у нее будет ободран, она почти не сомневалась.

Шаг за шагом, осторожный перехват руками за новые стебли, предварительно подергав их для верности, и снова – шаг за шагом. Когда княжна добралась до конца стены, где, как ей помнилось, должна была начинаться череда похожих на ступеньки выступов, она чувствовала каждую мышцу своего уставшего от напряжения тела.

«Никогда не думала, что тело может болеть вот так – сразу и везде. Ну хорошо, вот я и добралась до угла, теперь осторожно поднимусь наверх, потом до середины стены влево, а там снова выступы. Я доберусь по ним до окна и постучу в стекло... Хорошо, что ночь выдалась не ветреная. Меня бы, наверное, уже давным-давно отсюда сдуло. Вместе с плющом. Так, главное, не думать о том, на какой я высоте... Ох, так я же об этом как раз и подумала!..»

Подъем прошел очень быстро, и на втором карнизе Гали почувствовала себя уже намного уверенней. Как ни странно – ведь этот карниз намного выше, а она сама уже так устала.

Время от времени она приостанавливалась, чтобы перевести дыхание и, задржав голову, определить, в какой части стены она находится. Стена на этом уровне была намного сильнее испещрена следами времени, и наверх вело множество выступов. В темноте было немудрено ошибиться и начать подъем не к тому окну. Или вообще не к окну.

Гали перевела дыхание, прижавшись лбом к выщербленному камню. От стены пахло пылью, плесенью и мокрым песком. И княжна решила, что вот именно так должна пахнуть безысходность. К этому моменту она уже полностью расписалась в собственной глупости.

«Может, я взрослею? Я сейчас подумала – а ведь мама была совершенно права. На самом деле, привычка засиживаться в библиотеке не довела меня таки до добра. Более того, с высоты нескольких этажей она вообще кажется теперь фатальной ошибкой. И чтобы поумнеть, мне нужно было влезть на эту идиотскую стену? О, тогда получается, что в обычных условиях я бы не поумнела никогда... Это весьма печально».

Гали подергала плющ, проверяя его на прочность. Попробовала покрутить затекшими плечами – из этого мало что вышло, но все же немного помогло.

Вот она, ее заветная цель – сверху маячит смутный, пробивающийся сквозь толщу задернутых портьер лучик от одной из множества зажженных свечей. Несомненно, вот здесь, прямо над ней, окно отцовского кабинета.

От карниза брал начало отлогий, иногда прерывающийся пустотами от выпавших камней подъем, который заканчивался почти у самого оконного проема. Теперь Гали было понятно, как в свое время кошка залезла в окно кабинета, но ей все еще было не ясно, как животному хватило на это смелости. Хотя, с другой стороны, если подумать, оставаться снаружи стены и бездействовать куда как страшнее.

Когда оконный проем, намеченный княжной как конечная цель, был буквально в паре шагов, Гали приостановилась, чтобы перевести дыхание. Княжна постаралась придать лицу задорное выражение, чтобы спрятать за ним мордашку испуганного насмерть ребенка. Девушка постаралась представить, насколько обескураженным будет лицо у отца, когда она постучит снаружи, и улыбнуться получилось уже почти естественно.

Оставалось всего ничего, чтобы ее предприятие завершилось грандиозным успехом. Всего лишь взобраться по выступам на внешний подоконник окна и, выпрямившись в полный рост под оконной аркой, пару раз стукнуть в стекло.

И в этот момент кто-то изнутри дернул раму этого самого окна, нисколько не заботясь о производимом шуме.

От испуга Гали вжалась в стену, совершенно забыв, что только что собиралась, собственно, в него постучать.

– Сколько вы курите, князь – это просто невероятно, – услышала Гали голос с легким, непривычным уху акцентом.

– События, знаете ли, располагают.

– Не без этого, конечно, но вы должны держать себя в руках.

– Все пошло не так, как вы говорили. Совсем не так.

– Не совсем так, вернее сказать, любезный Всемир, – поправили князя. – Иногда случаются накладки. Но это, уверяю вас, исключение. Наше продвижение по фронтам Озерного края является ярким доказательством успешности проводимой политики.

– Да уж, да уж... – Князь явственно попыхивал своей трубкой с изогнутым длинным мундштуком. – Но это общие слова. Вы должны признать, что все пошло вразрез с вашими планами. Само появление принца Озерного края на переговорах – это я вам скажу... Вы

обещали не допустить этого. Что не должно было составить особого труда для ваших подручных. Особенно учитывая, – он усмехнулся, стараясь повторить интонацию оппонента, – успешность проводимой политики. В конце концов, вы меня в этом просто-напросто уверили.

Собеседник Всемира молчал некоторое время, потом осторожно начал:

– Любезный Всемир, ну что вы, в самом деле, – третью ночь об одном и том же. Из пустого в порожнее, как у вас говорят... – Голос замер. А потом человек уже с совсем другой интонацией произнес: – Князь, я явственно чувствую чье-то присутствие...

– Халкид, вы бы не переводили тему. Из пустого в порожнее, говорите? Это вы уже третью ночь вокруг да около ходите. Считаете, прямые вопросы и сопутствующие им краткие ответы противоречат самому духу интриги переговоров? Для меня это не так. Для меня в переговорах вообще никогда интрига не таилась. – Гали услышала, как отец хлопнул раскрытой ладонью по столу. – Мало того что Озерное посольство оказалось здесь, несмотря на ваши непреодолимые, как вы уверяли меня, препоны. Так оно еще и умудрилось отправиться дальше! Судя по всему, именно их планы оказались непоколебимы, в отличие от ваших. И теперь они благополучно направляются в Латфор, а я, вместе со своей маленькой страной, оказываюсь меж двух огней, так? Пожертвовать стольким, чтобы страна стала не плацдармом для военных боев, не буфером, о которые бьются две державы, а своеобразным транзитным коридором! И тут на тебе – попадаю в ту самую ситуацию, которой всячески старался избежать, путем приобретения союзничества Удматории!

– Почему меж двух? Озерный край почти раздавлен, Княжград не рискнет ввязываться в бойню на стороне проигрывающей, а пока вести дойдут до Латфора, вы, как принявшие сторону императора Удма...

– Именно так – «почти раздавлен». И именно так – мы, принявшие сторону вашего императора, очень скоро во всеуслышание будем объявлены предателями, продавшими подступы к Харадским горам. А следовательно, если принц Ольм со своей немногочисленной свитой...

– Принца Ольма вместе с его свитой, – в перебившем князя голосе сквозило нескрываемое презрение, – как вам известно, немало потрепали у переправы на Рыман. В конце концов, вы не можете отрицать, что собственными глазами видели, как самого принца сбили с седла ударом Полночной Звезды...

– В спину, – коротко, с издевкой, вставил князь.

– В спину, – подтвердил тот, кого Всемир назвал Халкидом. – А вы предпочли, чтобы его порешили прямо в вашем замке? Может, еще на дуэль его вызвать прикажете?

– Опять вы передергиваете. Я бы предпочел, чтобы они сюда вообще не доехали. Понимаете, *не доехали*. Вы заручились моей поддержкой задолго до появления представителей Княжграда. Я много работал, чтобы подготовить эту встречу так, чтобы она прошла наилучшим для нас образом. И рассчитывал, что отсутствие посольства Озерного края будет воспринято остальными как игнорирование переговоров как таковых. Их вечное чванство и вздернутый кверху нос, знаете ли... Княжградцев всегда раздражало, если чей-то нос был вздернут выше, чем их собственный. Ну и отказ от чьей бы то ни было помощи, лишь бы доказать собственную самодостаточность... Это в духе Озерного края, и при том это давало в дальнейшем возможность умыть руки и откеститься от последствий. Сказать – вы же не просили о помощи, считали ее вторжением с нашей стороны – вот и получите теперь разгром по всем фронтам. Эх... Гордыня, это, как ни крути... Она в конечном итоге должна

была сыграть мне на руку.

– Желание иметь свои руки чистыми и загребущими одновременно на практике является утопическим. – Халкид усмехнулся. – Вы не находите? Что говорить о том, чего не случилось, светлейший князь Всемир. Полученный результат никак не может быть омрачен этими незначительными неудачами. Вышло даже лучше. Демонстрация плачевного положения самой великой страны в этой части континента, в лице более чем малочисленной делегации во главе с сопливым юнцом, заставило княжградцев призадуматься.

– Опять слова, одни слова... А как, если принц Ольм доберется до Латфора, а? Честное слово, больше удивиться, чем увидев его на подъездах к собственному замку, я уже не смогу. Другими словами, появление Ольма в Латфоре в ближайшее время уже не кажется мне невероятным. Совершенно.

Халкид сдержанно рассмеялся.

– В данный момент, я думаю, принц Ольм совершает самый последний путь в его жизни. Говорят, получивших Полночную Звезду встречают на том свете с почестями, потому как они начинают светиться в темноте. А славно он вспыхнул в ночи, не находите?

– Не нахожу, – буркнул Всемир. – Да, в кого-то там ваш телохранитель засадил с дури зарядом такой мощи, что вспышка озарила местность на лигу вокруг. Я чуть не ослеп, к вашему сведению! Что я мог видеть после этого? Да, эта светящаяся хреновина пролетела над всадником, вроде бы на нем был принцев плащ. И все. Трупа-то никто не видел. А вот это было бы действительно славно. Потому что развеяло бы все мои сомнения. Хотя говорить о славном в бесславии... – Князь стучал об стол, выбивая трубку. – В вашей так называемой «засаде», которая переросла в самую настоящую стычку, защищая мою персону, пострадали мои люди. – Произнося эту тираду, князь каждый раз делал ударение на слове «мои», давая понять, что до перебитых людей Халкида ему нет никакого дела. – Я вынужден теперь прятать раненых во флигеле собственного замка. И должен сочинять сказки в ответ на расспросы княгини. Вы думаете, она всерьез верит, что я бы отпустил конюха и придворного лекаря сопровождать представителей страны, с которой у нас и в мирное время были более чем натянутые отношения?

Чем больше слушала Гали, тем страшнее ей становилось. Человек, говоривший голосом князя, теперь представлялся ей совершенно не похожим на ее отца. Неужели это ее отец говорит все эти ужасные вещи?

В голове все сказанное не укладывалось совершенно, там, как белка в клетке, металась мысль о том, что обнаруживать свое присутствие ни в коем случае нельзя. А если окажется, что нет другого пути в замок, кроме как через окно кабинета, что же ей тогда делать? Прыгнуть вниз?

– Даже если все вот-вот раскроется, поверьте, князь, это будет не так уж и важно. – Собеседник князя прошел мимо окна, и его неясная тень медленно пересекла полосу ровного света. – Я определенно чувствую чье-то присутствие.

«Надо бежать. Насколько можно быстро и насколько можно далеко». – Руки Гали быстро-быстро перебирали стебли плюща в обратном направлении, а ноги уже скользили по карнизу.

– Вы определенно надышались дымом от моей трубки. Говоря простонародно, я вас обкурил. – Князь невесело рассмеялся. – Я не всегда курю чистый табак. У меня есть одна слабость, открою вам тайну, одна харадская травка, если ею не злоупотреблять, конечно...

– Да какая, к собакам, травка! Уж простите мою простонародную речь, князь. –

Иностранец подошел к окну вплотную и распахнул его. – Я чувствую, что здесь кто-то есть!

– Полегче, Халкид! Что это вы машете порттьерами, как летучая мышь крыльями! Вы затушили добрую половину свечей, опрокинули канделябр. Война еще не подошла к Потлову близко, а вы уже пытаетесь поджечь замок! Тушите скорее скатерть, что вы стоите там, вцепившись в занавески!

Слыша обрывки приглушенных криков отца, княжна почти добралась до угла замка, еще немного, и она шагнет за край, который скроет ее фигуру.

«Как странно бы это ни звучало, но я почти молюсь о том, чтобы в кабинете действительно занялся пожар!»

Она обернулась к окну.

«Зачем, зачем я это вот сейчас сделала? Для чего мне было оборачиваться? Мне нужно было просто шагнуть за край стены!» Она увидела, как из окна по пояс высунулась мужская фигура. Ее ясно освещал лунный свет, и Гали видела, как голова разворачивается сначала в одну сторону – противоположную от нее, тщательно осматривая все доступное взгляду, и как медленно она разворачивается в ее, Гали, сторону.

«Только не это! Только не это!» Девушка перенесла одну ногу за угол, уперлась в выступ, а левой рукой попыталась нашарить надежный стебель плюща, чтобы, прицепившись к нему, еще не видимому ею на другой стороне, шагнуть за край. И тут она услышала, как ей вслед несется крик:

– Там что-то блестит!

Инстинктивно обернувшись на звук, она увидела то, чего в принципе быть никак не могло.

Легко соскочив с окна на парапет, по направлению к ней довольно быстро бежал тот самый высывавшийся ранее из окна мужчина.

Он действительно бежал, плащ за его спиной хлопал по каменной кладке, сбивая с побегов плюща жесткие треугольные листочки.

Потом, вспоминая свое невероятное бегство, Гали пыталась понять, почему она пошла по карнизу именно в ту сторону. Если бы она выбрала путь к противоположному углу замка, ведущему в южное крыло, которое, к слову сказать, к окну кабинета располагалось значительно ближе, ее бы неминуемо настиг преследователь, или бы она попросту сорвалась, разбившись о мощенную брусчаткой площадь. И в том и в другом случае история повернулась бы иначе.

Но Гали начала двигаться по стене в ту сторону, откуда пришла, и угол, за который она завернула, начинал стену заднего двора замка. Там, разумеется, не было брусчатки. Обширная земляная насыпь, на которой размещались, как и на любом другом заднем дворе, многочисленные хозяйственные постройки, включая обширное двухъярусное помещение конюшни.

Сердце, казалось, стучало где-то за пределами тела Гали, сотрясая всю ее своим биением уже извне. За движением рук и ног она уже не следила – они безостановочно и очень быстро двигались, вновь и вновь повторяя одни и те же движения.

«Наверное, вот это состояние то самое, что называют в прочитанных мною столь любимых романах состоянием паники. Я совершенно ничего не соображаю – просто до смерти напугана. Очень пусто и невыносимо страшно. Что ж, похоже, и дальше мне придется поступать в лучших традициях новелл...»

Гали находилась прямо над крышей конюшни, примыкающей одной стеной к замку,

когда из-за угла появилась фигура в развевающемся плаще. Его полы хлестнули по стене перед мужчиной – он резко остановился, и плащ обвил его ноги и плечи. На хорошо освещенном лунной лице появилось ошарашенное выражение. Шпионов, взбирающихся в любое время суток по сколь угодно высоким стенам, Халкид повидал немало. Но чтобы при этом в волосах было полным-полно драгоценных камней?

А диадема при лунном свете сверкала так, что в ее баснословной стоимости сомневаться не приходилось. Особенно человеку, выросшему среди помпезной роскоши в обществе потомственной аристократии. Родословная Халкида очень глубоко уходила своими корнями в смутные времена полузабытых мифов и легенд.

В искаженном испугом лице юной шпионки он не узнал княжны, хотя та стояла от него всего в нескольких метрах. Но колыхнувшееся смутное воспоминание вызвало секундную задержку в его стремительном движении. Он ухватился правой рукой за стебли, едва не потеряв равновесие. Подтянул все тело по направлению к девушке, внимательно вглядываясь в обращенное к нему лицо. Ногти противно царапнули по камню.

«Я где-то видел ее раньше...» – Халкид отогнал мысль, сейчас главное было удержаться от падения и добраться до нее быстрее, чем...

Гали видела, как мужчина наклоняется вперед, вытягивает руку в ее направлении. Как скользит по серым в ночи камням и листьям, заслоняя лунный свет, его тень. Толчки ее сердца отмеряли сантиметры приближения к ней черноты.

Еще несколько шагов, ее неуверенных приставных шагов, против его – почти прыжка.

Гали бросает взгляд через плечо:

«Как все же высоко...»

Рука все ближе – и Гали закрывает глаза. И прыгает спиной вперед.

Оттолкнувшись из последних сил руками и ногами от поверхности стены.

Широкая ладонь Халкида сомкнулась, хватая пустоту.

Не веря своим глазам, он следил за летящей вниз девушкой, раскинувшей руки, как раскидывает в свободном парении где-нибудь высоко в горах крылья вольная птица.

«Сейчас она разmozжит себе голову!» Халкид грязно выругался на родном языке. Прыгать следом за девицей он не собирался, а возвращаться обратно в замок и добираться до точки падения обычным путем было слишком долгим. Очень долгим для того, чтобы оставить это место без наблюдения.

«Возможно, у этой самоубийцы есть сообщники. Возможно, она неспроста уходила в эту сторону. Возможно...»

– Гаррота! – во всю глотку крикнул Халкид, проклиная себя за то, что не прибег к этому призыву раньше. – Гаррота-а-а!

Эллиноя, третья дочь князя Всемира, была старше Гали почти на четырнадцать лет.

Она не была красавицей. Ей не посчастливилось, в отличие от Гали, унаследовать дерзкую яркость матери. Глаза ее были такого же невнятного цвета, что и у отца. В зависимости от погоды они менялись, перебирая весь спектр оттенков светло-серого и голубовато-зеленого. Многочисленные карие крапинки в их глубине, то скрытые расширившимся зрачком, то снова возникающие из его глубины, окончательно ставили в тупик всякого, кто пытался определить их цвет.

Волосы падали спокойной и не особо впечатляющей волной чуть ниже плеч. Никаких тебе кудрей и затаившихся переливов солнечных бликов. Цвет, характерный для большинства

проживающих на территории Потлова, – пепельно-русый.

В отличие от двух своих старших сестер, упорхнувших из-под отчего крова в объятия мужей в юном возрасте, ее супружество несколько запоздало. На пороге своего тридцатилетия княжна Элли все еще ходила в девушках на выданье. Сколько беспокойства это доставляло ее матери, об этом и говорить не стоило. Ибо княгиня Млада была немногим старше, когда готовилась в первый раз стать бабушкой.

Эллиною же, казалось, эта проблема нисколько не волновала. Она была неизменно спокойна и улыбочиво лучезарна, чем, возможно, в конце концов, и пленила из года в год приезжающего осенью в Потлов поохотиться младшего из сыновей герцога Арьезского, владетеля Рыманского града.

С момента объявления помолвки в характере княжны Элли произошли разительные перемены. Сдержанная на людях, за закрытыми дверями в кругу семьи она превращалась в истеричную фурию.

– Ничего не понимаю, – разводила руками мать, пытаясь хоть как-то ответить на недоумение отца. – На мой взгляд, так все, скорее всего, должно было быть как раз наоборот...

– Ты невыносима! Невыносима! – кричали по очереди оба родителя, а Эллиная совершенно не по-княжески хлопала всеми попадающимися на пути к ее покоям дверьми. Однажды, проносясь по библиотеке мимо спрятавшейся в кресле Гали, она выхватила у нее из рук раскрытую книгу и швырнула томик с размаху о стену.

Пару минут Гали сидела в прежней позе, хватая от возмущения ртом воздух и пытаясь понять, что же произошло. Потом волна возмущения подняла ее на ноги, а выражение лица чем-то стало смахивать на злобную гримасу сестры. Гали вскочила и помчалась следом, с грохотом распахивая закрытые перед ее носом двери. Подбегая к покоям сестры, она уже сама была близка к припадку ярости. Распахнув последнюю дверь, Гали заорала:

– Знаешь что?..

И осеклась. Желание наговорить тысячу гадостей и перебить все стоявшие на туалетном столике безделушки мгновенно испарилось. Гали в полной растерянности наблюдала представшую перед ней картину, совершенно не находя, что сказать. Эллиная тихонько плакала, сидя в кресле в углу парадной залы. Поджав под себя ноги и свернувшись калачиком, чтобы спрятать от окружающих поток горьких слез.

– Элли... – растерянно произнесла Гали. – Ты плачешь? Почему?

Она подбежала к сестре и упала на колени рядом с креслом.

– Что с тобой, моя любимая Элли? – Гали попыталась обнять ее колени.

Эллиная сдавленно всхлипнула и прижала к лицу ладони, стараясь сдержать водопад слез, но вместо этого разрыдалась еще горше.

Гали гладила складки кружевного платья сестры, стараясь разобрать в промежутках между всхлипываниями произносимые сестрой слова.

Удавалось это плохо, но наиболее часто повторяемую фразу она все же уловила:

– Это ужасно!

– Что ужасно, Элли? Что?

Младшая из княжон ждала ответа, но до слуха ее доносились только всхлипывания. И тут ее осенило:

– Я поняла! Эллиная, но почему ты не сказала об этом раньше? Папа бы никогда не допустил...

– Не сказала о чем? – Глаза Элли покраснели от слез, и от этого она казалась старше и некрасивее, чем была на самом деле. – Не допустил бы чего?

– Ты не любишь Гира! Ты любишь другого! – озвучила свою догадку Гали.

– Что? – одними губами спросила Элли. Сказанное сестрой настолько шло вразрез с ее собственным горем, что она даже нашла в себе силы улыбнуться. – Какая ты смешная, Гали.

Эллиноя погладила ее по голове, ласково перебирая пряди. Как тогда, когда младшая сестренка была совсем малышкой.

– Все наоборот. Это Гир не любит меня.

– Что?! – Гали вскочила на ноги. – Ты с ума сошла? Конечно, он любит тебя!

Эллиноя печально покачала головой. Потом отерла тыльной стороной ладони еще не высохшие от слез щеки. Она сидела перед Гали и обмахивала обеими руками горящее лицо.

– Я сейчас успокоюсь... И попробую тебе объяснить... Вот только сейчас успокоюсь...

Она сделала паузу. Несколько раз глубоко вдохнула и отрицательно покачала головой. Ничего из этой пантомимы Гали не поняла, и поэтому сочла возможным нахмуриться.

Так они и сидели друг напротив друга некоторое время, хмурая Гали и заплаканная Эллиноя. За окнами в кронах деревьев шумел летний ветер, сбежавший в потловские низины с Харадских гор. Откуда-то из глубины сада доносился звук работающих в ловких руках садовника ножниц.

Наконец Эллиноя изрекла:

– Я скажу тебе все. В конце концов, ты уже большая девочка, думаю, ты все сможешь понять. Гали, милая, все не так, как описано в твоих дурацких романах. В жизни все совсем иначе.

– Элли, – осторожно перебила ее Гали, – откуда ты знаешь, *как* бывает на самом деле?

Элли молча смотрела на сестру. Она подбирала слова для ответа, но ничего, что могло объяснить ее убежденность, на ум не приходило. Скорее всего, потому что ответа она и в самом деле не знала.

Гали потерла лоб, потом почесала затылок и наморщила нос.

– Элли, что заставило тебя думать о том, что Гир разлюбил тебя?

– Не разлюбил. – Эллиноя спрятала глаза где-то в путанице складок кружевного узора юбки. Она перебирала шитье пальцами, идя за направлением извивающейся тесьмы. – Он никогда не любил меня.

– Элли!

– Это политический союз, выгодный обеим сторонам. Или ты думаешь, что такой, как он, мог бы захотеть жениться на мне по другим причинам?

Гали качала головой из стороны в сторону:

– Я просто не верю своим ушам!

– Ты же видела нас вместе...

– Вот именно – я видела вас вместе!

– Значит, ты не могла не заметить, сколь велик диссонанс. Он высокий, красивый и смелый. Он такой замечательный, почти идеальный, и я – никому не нужная серость. Я почти как плесень этого замка, от которой наконец нашелся-таки способ избавиться.

– Знаешь что, Элли, – узкая ладонь Гали накрыла спрятавшиеся в кружева руки сестры, – мне кажется, что ты должна кое-что увидеть.

Эллиноя вскинула на Гали удивленные глаза.

– Пойдем, пойдем, – сестренка уже тянула ее за собой, – если нам повезет, я смогу

показать тебе кое-что.

Молодая женщина следовала за подпрыгивающими впереди нее бантиками цвета лаванды, одновременно завидуя и радуясь беспечности княжны. Легкими взмахами ладоней она старалась отереть с лица столь явственные признаки только что разыгравшейся истерики.

Они прошли все северное крыло, картинную галерею и вышли в длинный коридор, из окна которого была видна пристроенная к стене замка конюшня.

Гали подвела сестру к окну, на подоконник которого лихо вспрыгнула сама.

– Смотри, – произнесла она вполголоса, одновременно поднеся палец к губам. – Только тихо.

Еще ничего не понимая, Эллиноя выглянула в окно.

– Куда смотреть?

– Вот сюда. Видишь? – Указательный пальчик Гали с отполированным аккуратным ноготком смотрел в сторону конюшни. – Да ты не туда смотришь! Прямо куда я указываю, дыру в крыше видишь?

– Да.

– Вот смотри сквозь нее! Только не начинай сразу орать, пожалуйста.

– Но это же... – Щеки старшей княжны залила краска. – Гали, как ты смеешь, бесстыжая девчонка! И давно ты подглядываешь за Миной и Марком?!

– Тсс! – сердито и отнюдь не стыдливо цыкнула младшая сестра. Она строго посмотрела в глаза Эллиноя. – Ты снова неправильно думаешь. Лучше смотри!

– Не собираюсь я смотреть на это непотребство! И матери непременно расскажу!

– Да что ж такое, – жарким шепотом зашептала Гали, сверкая глазами. – Можешь рассказать кому угодно! Только посмотри сначала сама – а то о чем будет рассказывать?

Любопытство пересилило добродетель, и, возмущенно вздернув нос, Эллиноя все же выглянула в окно.

В части крыши, примыкающей к стене, зияла внушительная дыра. Несовершенство постройки привело к тому, что материал в этом месте изнашивался намного раньше, чем в остальной части кровли. Дело в том, что конюшню построили прямо под водостоком, по которому каждую осень пролагали себе русло непрекращающиеся ливни. Со временем водосток прохудился, и большая часть бегущей по нему воды стекала по стене прямо на доски крыши. Тонны и тонны воды.

Рано или поздно сгнившие доски должны были обвалиться под собственной тяжестью. Так и случилось. Но так как дыра образовалась в конце весны, чинить ее до конца лета никто не собирался. А зачем? Лето обещало быть засушливым, так пусть подсохнет все, что может подсохнуть, и обвалится до конца все, что должно обвалиться.

На сеновале рядом друг с другом сидели горничная и конюх. Мина плела венок из длинных полевых трав, вставляя в зеленые косы маленькие кругляшки ромашек. Марк полулежал рядом с ней, покусывая за край травинки подаренный подругой колосок. Иногда он проводил им, щекоча, по Миминой щеке, внутренней поверхности ступни или затылку. Горничная смеялась, отмахивалась от своего поклонника недоплетенным венком и шутливо хлопала его по плечу.

– Что они делают? – уделив некоторое время созерцанию этой сцены, произнесла старшая сестра.

– Разговаривают, – хмыкнула младшая. – Ты что, сама не видишь?

– Ну нет, это я вижу... Почему ты хотела, чтобы я увидела их вместе? Я знала, что Марк оказывает знаки внимания Мине. Он, если уж правду говорить, с первого момента, как ее увидел, – сиял, как весеннее солнышко. Правда, я не подозревала, что и Мина к нему благосклонна...

Гали хмыкнула.

– Мина очень к нему благосклонна – она плетет ему венок. И позволяет время от времени провести травинкой по ножке. Такое предосудительное поведение – не дай бог просто... – И Гали состроила страшную физиономию, пытаясь скопировать рассерженное выражение лица отца.

– Гали, прекрати сейчас же, это неприлично. Особенно если принимать во внимание твой возраст. – Не отрывая глаз от парочки за окном, одернула ее Эллиноя.

Гали улыбнулась своим мыслям, а потом перевела взгляд на сестру и внимательно посмотрела ей в глаза:

– Скажи, Эллиноя, а как Марк на нее сейчас смотрит?

Старшая княжна едва заметно пожалала плечами:

– Да, пожалуй, так же, как и тогда, когда увидел ее в первый раз. Только с большей нежностью.

Гали спрыгнула с окна и теперь смотрела на нее снизу вверх. Эллиноя на голову выше, а Гали всегда была ниже своих сестер. Да и навряд ли вырастет еще.

– Так вот, хочу сообщить тебе, раз уж ты до сих пор не знаешь, хотя такая большая, взрослая и умная. Взгляд у Гиры, когда он смотрит на тебя, точно такой же. – И, широко улыбнувшись счастливой открытой улыбкой человека, все еще не расставшегося с детством, Гали добавила: – Только с еще большей нежностью.

Крышу конюшни починили аккуратно в конце сентября. За неделю до того, как на предстоящую в октябре свадьбу начали съезжаться многочисленные монаршие и просто благороднейшие родственники.

Но о том, что сначала следовало починить желоб водостока, тогда почему-то никто не вспомнил. Наверное, потому что лето было засушливое. И кого в засуху может волновать, исправен ли водосток, особенно когда на носу свадьба?

Жизнь самой младшей из потловских княжон Гали складывалась так, что никому и в голову не могло прийти учить ее правильно приземляться, падая с большой высоты спиной вперед.

Пока она летела, ее успели посетить мысли о том, слетит ли при ударе с ее головы диадема, на какую часть тела она приземлится и не перенесли ли сеновал в другую часть конюшни за последние три года?

Впрочем, так как к каким-либо переменам в Потлове относились с подозрением, в реальность этой последней угрозы ей верилось слабо.

В вышеупомянутый угол между замком и конюшней Гали и упала. Наспех залатанная три года назад крыша была покрыта ворохом принесенных ветром в листопады листьев, копившихся все это время. Они и проломившиеся под ее спиной доски смягчили падение, но удар все равно был страшен.

Княжна лежала некоторое время, с шумными всхлипами хватая ртом воздух – она никак не могла сделать нормальный вдох. Хватала ртом воздух, как вынутая из пруда рыба – и все. В легкие он спускаться не желал.

Испуганные грохотом ее внезапного появления лошади разом заржали, заполняя перестуком копыт все вокруг.

«Как градины по листу железа. Или как стремительное движение сломавшего лед горного ручья». – Гали осознала, что ее пальцы сами по себе скребут сено, набирая сухие травинки в ладони. Сверху долетел, как хлыстом ударил, крик:

– Гаррота!

«Мне нужно бежать. Как можно дальше и как можно скорее. Если только я смогу встать».

Она попробовала поднять руку. Рука поднялась – и сквозь раскрытые пальцы княжна могла видеть звездное небо.

– Гаррота-а-а!

«Сейчас я встану, вот-вот... сейчас...»

Гали перевернулась на бок. В голове стоял гул от нещадных ударов собственного пульса, из-за которого все остальные приходившие из мира звуки казались далекими и размазанными. Ей вспомнилась увиденная несколько лет назад в Княжграде сцена. Когда упавший с колокольни звонарь поднялся и пересек на негнущихся ногах церковный двор. Это воспоминание могло подарить надежду в данной ситуации, если бы в конце этого пути несчастный не упал замертво.

«Но ведь колокольня выше. Намного выше. А площадь перед церковью была вымощена белым камнем. И звонарь был старым. У меня все наоборот».

Не ощущая полноты ни одного своего движения – тело Гали будто погрузили в вязкую болотную жижу, – девушка поднялась и пошла вдоль ряда стойл. Конь отца оказался оседлан. Не обращая внимания на эту странность, Гали взяла его под уздцы и вывела из-под крова конюшни белоснежного жеребца с длинной шелковистой гривой.

Это был самый быстрый жеребец княжеской конюшни с громким именем Ветер. Животное косилось на княжну влажным агатом глаза. Он недовольно перебирал губами, как бы выражая свое несогласие с тем, что его потревожили в столь неподходящий для пробуждения час.

Во флигеле, с грохотом ударясь об стену, распахнулся ставень. Княжна услышала этот звук, уже вспрыгивая в седло. Налетевший порыв ветра всколыхнул кудри вокруг ее лица.

Фигура человека, заставившего ее упасть с карниза, осталась на прежнем месте. Он застыл в тени побегов плюща, как гигантская летучая мышь. Края плаща колыхались в такт ее кудряшкам. Мужчина не отрываясь смотрел на Гали.

Девушка коснулась бока коня стремянем, потянула повод, разворачивая коня к ограде. На заднем дворе она была чуть ниже человеческого роста, и, разогнавшись, можно было перемахнуть на другую сторону.

– Быстрее, быстрее! – полупшепотом молила княжна, прижимаясь к шее Ветра, сливаясь с ней в одну линию. Копыта оторвались от земли, и жеребец перенес всадницу через ограду. Всплеском разлетелись во все стороны придорожные камешки. Дорога, огибая замок, выходила в купеческие кварталы города, а через них – на пристань.

– Держи их! – донесся до нее крик Халкида.

«Ой, мамочка!» – От страха Гали пришпорила и без того несущегося во весь опор жеребца.

Они ворвались в городские кварталы, как по велению чьей-то необузданной сумасшедшей воли, почти светящийся в лунных лучах конь в ночи казался мистическим.

Призрак с развевающейся гривой и маленькая всадница с блестящими, словно звезды в волосах, камнями – будто застывшими навечно каплями росы. От их стремительной скачки раскачивались вывески над входами лавок, просыпались в испуге за слепыми ставнями окон горожане.

Безмолвие окружившей Гали темноты, где есть только она и бешеная скачка, разорвало обрушившееся на нее с неба хлопанье крыльев. Что-то большое. Что-то страшное. Девушка инстинктивно еще больше прижалась к гриве, и в первой своей атаке когти смогли только царапнуть по ее платью, даже не задев корсета, вырывая из бархата тонкие зеленые полоски. Обезумев от страха, княжна стала хлестать кнутом за своей спиной, попадая по себе, лошади и неизвестному врагу.

– Врешшшь! Не уйдешшшь! – Вторая атака с неба оказалась более удачной. Гали почувствовала, как в ее плечи, сначала протыкая ткань, потом кожу, впиваются когти.

Когти!

– А-а-а! – закричала Гали, в глазах темнело от боли, когти заставляли ее выгибаться назад. Они старались стащить ее с седла. По лицу и груди били крылья. Руки княжны намертво вцепились в намотанный на ладони повод, а ноги от напряжения свела судорога.

Гали все кричала и кричала, чувствуя, что когти входят все глубже. Словно задуманная заранее медленная пытка. Сжавшие плечи девушки лапы разводили плечи, заставляя Гали больше раскрыться. Грудью навстречу небу.

– Прекрати! Остановись! – плевал ей в лицо странным клекотом потусторонний голос. Жесткие перья царапали холодную от ветра и мокрых полос слез щеку княжны. Голос возникал у самого уха, вкатываясь в сознание на раскатистых согласных. Он словно затягивался с каждым слогом на ее шее той самой тонкой стальной удавкой, гарротой, в честь которой прозвали преследующее Гали существо.

Неожиданно левая лапа резко вырвала когти из плоти своей жертвы и пробежала узловатыми скрюченными пальцами по груди девушки. Прямо по многочисленным крючкам застежки, соединяющей строчкой две половины бархатного корсета. Мозолистая псевдоладонь легла на горло, запрокидывая назад голову Гали. С двух сторон в ямочках под ушами она чувствовала по костяному острию. Она уже не кричала – хрипела, вывернувшись в неестественной, ежеминутно грозящей падением позе. От падения под копыта собственного коня княжну теперь, как ни странно, удерживали только балансирующие, бьющие по крупу лошади крылья. Если бы не они, соскользнуть бы ей уже с седла и тащиться, запутавшись ногой в стремя, размазывая по булыжникам городской дороги кровь и мозг из разбитой головы.

– Открой глаза, дряннь!

Гали распахнула зажмуренные до этого от ужаса глаза. Не потому что хотела повиноваться голосу, а потому что в море боли повиноваться было проще.

Девушке в лицо глядело нечто. Княжна еще не привыкла, что с того момента, как решила вылезти на карниз, окружающий ее мир стал полон странностей. Но безумная боль в плечах не давала ей возможности удивляться чему-либо. Боль стирает любые чувства, кроме сознания того, что хочется выскользнуть из цепких объятий.

Имени тому, что возникло перед ее взором, княжна не знала. Это было женское птичье лицо. Глаза преследовательницы тоже удивленно округлились, когда встретились взглядом с Гали.

– Т-ты? – Когти выдернулись из раны. Лапа постаралась перехватить плечо, сжав его

сверху, но кровь, хлынувшая из ран на бархат, сделала его скользким. Плечо выскальзывало из железного захвата, и птица с женским лицом теряла равновесие, все больше заваливаясь на правую сторону и увлекая за собой княжну.

Дальнейшее не принесло ничего нового, просто события стали ускоряться, втягиваясь в стремительную воронку времени. Хлопанье крыльев. Бешеная скачка. Крик Гали. Секундное замешательство птицы. И скорее всего случайный взмах кнутом – то ли стараясь вернуться в исходное положение в седле, то ли конвульсивное движение на самой последней степени отчаяния.

Так или иначе, узкий язык хлыста прошелся по покрытой перьями спине, плечу крыла и высокой скуле странного лица. Существо вскрикнуло легким гортанным звуком, дернулось от удара. Затрещала рвущаяся ткань корсета – лоскут остался в когтистой лапе. Нечто отвалилось от тела Гали, едва не увлекая его за собой вниз, под безостановочно мелькающие смертельные копыта.

Заржал сбившийся с размеренного шага жеребец, присев на секунду на задние ноги, давя подковами копыт живую плоть. Жалобный гортанный вскрик, теперь уже со стороны земли, заставил бьющего передними ногами в воздухе жеребца сделать прыжок вперед – и снова пуститься вскачь, подгоняемого жестокими шпорами наездницы.

Гали висела почти на боку лошади. Она даже не пыталась подняться выше – едва находясь в сознании, из последних сил стараясь лишь не разжать ладони, не выпустить повод.

Избавившись от тяжести дополнительного ездока, Ветер полетел быстрее ветра. Со стороны реки на пристань выползал туман. Жеребец в два прыжка преодолел широкую набережную, влетая на дощатую поверхность пирса. Промчался, осыпая настил перестуком подковной дроби, мимо примостившегося у швартовочных столбов домика лодочного смотрителя. Конь остановился у самого конца пристани, едва не спрыгнув в холодную воду реки.

Где-то позади хлопали крылья и резал темноту ночи птичий крик.

Вот и все. Гали свалилась с седла. Правая нога осталась в стремях, конь, переступая, протянул ее за собой несколько шагов, прежде чем остановился. Он прижал уши и тихонько заржал.

Девушка лежала на влажных досках, пропитанных речными брызгами и взвесью тумана. Над нею где-то в вышине темнело небо, звезд из-за тумана было не разглядеть.

«Сейчас она подлетит ко мне и выключает мне глаза. И это будет последнее, что я увижу. Последнее. И я даже не смогу увидеть напоследок ни одну звезду».

До нее доносились крики преследовательницы. В них уже не слышалась запугивающая страсть погони или боль от раздавленной под тяжестью лошади кости. В них была раздосадованная злость.

«Какой у них странный победный клич, у этих когтистых тварей».

В сторожке лодочника зажегся свет. Заскрипели тронутые ржавчиной петли.

«Почему она не подлетает? Растягивает триумф своей победы?»

– Что за дела? Кто здесь? – Наружу из домика высунулась рука, зажавшая коптящую масляную лампу. – Отвечай! С Лырманом лучше не связывайся!

Доски пирса задрожали от тяжелых шагов. Над княжной нависла темная тень и показался тусклый огонек сбоку от нее. По странному очертанию головы Гали предположила, что на ней надета широкая рыбацкая шляпа с заломленными впереди полями.

– Глаза мои чтоб ослепли! Это же княжна! – пробормотал простуженным басом мужчина, назвавший себя ранее Лырманом и грозивший кому-то в темноту. Он опустил лампу вниз на доски. – Тихо, тихо, мой хороший... – Мужчина пытался успокоить лошадь, заставляя ее стоять неподвижно, чтобы суметь вызволить на свободу ступню Гали, обутую в милую домашнюю тапочку. – Что ж такое приключилось, деточка? Как так тебя угораздило, ваша светлость?

Лодочник был сбит с толку. Он все время бросал взгляды в сторону берега, пытаясь разглядеть сопровождающую княжну свиту. И не понимал, почему все еще не слышит звуков ее приближения. В первый момент Лырман предположил, что лошадь девушки понесла и остальные вот-вот нагонят ее.

Гали перевела взгляд с неба на мужчину, пытаясь в тени шляпы разглядеть искры его глаз.

– Мне... нужно... в Рыман... срочно. – На каждое слово уходил вздох. Она медленно подтянула руку к шее, вытащила из мочки серьгу. – Вот. Плата.

– Ох, деточка, да за такую плату мне вашу светлость в Рыман и обратно до конца жизни катать придется. Сдачи-то столько не наберется. Может, с казначеем вашим после разберемся?

– Возьмите. И как можно скорее в Рыман. – Рука задрожала, а потом, обессилев, упала на доски. Из раскрытой ладони выскользнула бриллиантовая капля.

– Да будет вам Рыман, будет. – Лодочник сунул серьгу в огромный квадратный карман своей куртки. Он осторожно поднял Гали на руки и направился к лодкам. – Плечи у вашей светлости насквозь промокли. Чай от тумана или я дождь проспал? Так остальных, что ж, ждать не будем?

Он помог девушке встать на ноги и спуститься по ступеням на причал.

– Слышите, как хлопают крылья? Это альбатрос, ваша светлость, наверное. Альбатросы прилетают к буре. Ни разу не видел их в этой глуши. С торговым судном залетел сюда, не иначе.

Гали посмотрела через мужское плечо в сторону берега, откуда доносилось хлопанье крыльев. Птица с лицом женщины металась по кромке тумана едва различимой тенью, не смея нырнуть в его толщу.

«Почему она не может долететь сюда?» – Эта странность была лишь очередным фактом в частой смене сегодняшних необычностей, поэтому Гали снова не удивилась. А может, потому, что время удивляться еще не пришло – сейчас было время бежать.

– Мне. Очень. Холодно. – Это последнее, что смогла выговорить Гали.

– Холодно? Да уж, костюмчик у вас не по погоде. – Лодочник спустился с княжной по трапу в пришвартованный на нижней пристани баркас. – Я устрою вас в каюте, там держу парочку пледов, сможете укутаться потеплее.

Лырман не торопясь отвязал швартовы, оттолкнул от причала багром судно, выводя его ближе к течению, поставил парус. Он размышлял под все еще доносящийся шум крыльев о странностях миграций альбатросов и перемещениях молодых княжон, сваливающихся по ночам с лошадей на пристань.

О том, снимет ли князь с него голову или наоборот – наградит по-барски, старался не думать. Серьга в кармане сводила эти мысли на нет. Ему не так часто везло в жизни, а бриллиант такого размера в собственном кармане – это несомненная удача, и упускать он ее не собирался.

«Коли приспичило княжне посреди ночи в Рыман – это не моего ума дело. Это может, вполне что, быть делом государственной важности. А мне про это размышлять – рылом не вышел, потому сказано ее светлостью: вези в Рыман, вот я и повез. – Лодочник положил руки на штурвал. Ладони едва не соскользнули с продолговатых ручек. – Что еще такое?»

Мужчина посмотрел на свои руки. Ладони были темными. Он нахмурился и поднес их поближе к глазам.

«Что это еще за...» – Он повел носом, принюхиваясь. От рук пахло кровью. Волосы на его голове зашевелились: княжеская кровь на руках не сулит ничего хорошего ни в прямом, ни в переносном смысле. Неужто так расшиблась об пристань?!

Установив курс и закрепив штурвал, он бросился обратно в каюту.

Девушка лежала в той же позе, в которой он опустил ее на узкое деревянное ложе. Лицо было мертвенно-бледным.

Увиденное вмиг опустошило голову лодочника от каких-либо иных мыслей. Кровь на руках и мертвое тело в баркасе. Ясной и четкой предстала перед ним картина его собственного скорого и несомненного повешения, и стаи ворон, слетающиеся на смрадный труп. Их черные силуэты на фоне неба сменила другая картина – утопления им княжны в самом глубоком месте Петли, дабы смыть с себя ее кровь и уничтожить следы от этой более чем странной встречи.

Княжна приоткрыла глаза.

– Вы... можете... перевернуть меня... на спину...

Лодочник молча выполнил ее просьбу, укутав до подбородка пледом и накинув для верности свою куртку, висевшую тут же на стене каюты у иллюминатора.

– Спасибо. – Княжна вновь закрыла глаза.

Мужчина буркнул нечто невнятное себе под нос, прикрывая за собой дверь в каюту.

«Как ее утопишь – совсем ребенок. Пусть и княжеский... Да что это я! Тем более – княжеский! Ладно, будь что будет. Рыман недалече, глядишь, и не помрет. Да с чего ей помирать-то? Подумаешь, упала с лошади да расшиблась маленько!»

Баркас, покачиваясь на волнах, в полосе тумана продолжал свой незримый путь вдоль берега, не оставляя следа. Драгоценный камень грел Лырману сквозь подкладку кармана, а из фляжки, обдирая горло и принося тепло, вовнутрь падал молочного цвета самогон, что гнала его разлюбезная подружка.

«За такой самогон на бабе стоит в конце концов и жениться», – подумал мужчина, закрывая фляжку. И мысли перенесли его в корчму к разлюбезной вдове, с которой уже не один год связывала его более чем теплая дружба. Смотритель довольно похмыкивал в свои пшеничные усы, вспоминая мягкое декольте сговорчивой хозяйки и ямочки на пухлых щечках, появлявшиеся каждый раз, когда он приносил ей неожиданные гостинцы.

«А теперь уж, о-хо-хо, с такой-то удачей в кармане, как не разгуляться? Вот уж порадую свою любушку – одарю как царицу...»

Туман редел, превращаясь в клочья неаккуратных, будто разодранных в ярости и скинутых с неба облаков.

Еще немного, и зажгутся посеребренные, предвещающие зарю звезды. За ними покажутся огни Рыманского порта.

Ни разу еще, за всю свою бытность лодочником, он не ждал их появления с таким нетерпением.

Гаррота подлетела к Халкиду почти вплотную. Она повисла на плюще, обхватив лапами толстые стебли. Развернула к мужчине лицо. Лоб, нос, высокие скулы, чистая кожа и правильно очерченные припухшие губы – но человеческим назвать его было невозможно из-за совершенно птичьего выражения. Немигающий взгляд, нервно меняющийся наклон головы.

– Ты все видел? – Она сделала паузу. Потом, чтобы уточнить, добавила: – Отсюда?

Халкид утвердительно кивнул:

– Смотрел и не верил своим глазам.

В разговоре они использовали официальный язык империи. Хотя и народ, выходящем которого являлся Халкид, и уж тем более племя Гарроты имели собственные диалекты. Звуки странная птица по-прежнему издавала раскатистые, умножая количество звонких согласных с каждым произносимым словом.

Гаррота переступила лапами, поудобней устраиваясь для разговора. Чуть приоткрыла для баланса крылья. Из левого были вырваны перья. На месте, где кожаную перепонку припечтало к земле лошадиное копыто, обнажилась окровавленная ссадина в форме подковы. Правую сторону лица пересекал розовый рубец от полученного удара хлыстом.

– Потрепала тебя мелюзга, ничего не скажешь. Как ты могла упустить ее? Мне показалось, что ты держала ее за горло. Мне показалось?

– Держала.

– Да, да! Ты – держала! Так почему не убила? Стареешь, ослабла хватка? Как она вообще могла скинуть тебя со своей спины?

– Я увидела, кто это.

Брови Халкида удивленно взлетели вверх.

– То есть ты ее узнала?

– А ты нет?

Халкид молчал, не отвечая на вопрос. Перед его глазами проносились виденные раньше картины. Вот едва заметная вспышка отблеска света на фоне темной стены, пытающаяся уйти от преследования девушка, смешная в своей неуклюжей попытке, обращенное к нему перепуганное лицо, потом летящее вниз тело с раскинутыми руками.

Мужчина нахмурился: опять появилось ощущение, что раньше где-то он эту девушку видел.

– Ты стареешь, Халкид. Ты ошибся. Тебе не стоило меня вызывать. – Гаррота не сводила с него своего немигающего взгляда. – Я ее покалечила. И ты даже чуть не заставил меня убить ее.

– Даже? Что ты несешь? У птицы-алканост появились свои соображения о гуманности убийства молодых дев?

– Халкид, ты всерьез?

«Да что она пытается сказать? Дурацкий имперский язык – ни одну птицу еще не удалось выучить на нем говорить хоть сколько-нибудь вменяемо! А эта девчонка – где я мог видеть эту бестию раньше? И с какой это стати ее нельзя убивать?»

– Или ты узнал ее? – Птица повернула набок голову, искоса глядя на покачивающиеся полы плаща.

Халкид растирал в задумчивости между пальцами иссохший листок.

– Болит крыло. Ты видишь? – Алканост раскрыла подрагивающее от боли крыло. Она переступила, цепляясь лапами за поросль плюща, поближе к собеседнику. – И ты

разыгрываешь игру? Скажи, Халкид? Но откуда мне знать ее правила? Отпусти меня.

– Не своди меня с ума, Гаррота. Объяснись наконец.

Птица затрясла головой и издала звук, интонационно подозрительно смахивающий на хлесткое ругательство. На удматорском же она изрекла невероятно длинную для себя тираду:

– Предполагать, что ты хочешь убить княжескую дочь, я должна? Когда мы здесь, как факт, в положении заложников все? Удматорские войска еще далеко.

– Что?! Ну, конечно... – Тут всплыло, как по волшебству, именно то воспоминание, которое Халкид безуспешно пытался поймать все это время.

Проходящая мимо приоткрытой двери в библиотеку девушка в компании служанки. Расшитая золотом синева ткани, оборачивающей тонкий стан в переливы волн материи. Схваченные инкрустированными гребнями волосы на затылке. Спираль выбившегося из прически золотого локона оканчивалась там, где на шею набегали ряды обрамляющих декольте кружев. Шлейф духов вползает через приоткрытую дверь. Словно стирая запах войны из переговоров и превращая их просто еще в один день пока еще мирной жизни.

Конечно же все мужчины отрываются от расстеленных на столе карт, от бумаг, от дискуссий. Все смотрят на нее. Девушка поворачивает голову, и ее взгляд скользит по сидящим за столом мужчинам, чуть задержавшись на лице сопровождавшего Озерного принца харадского наемника. Князь прикрывает дверь, отсекая это видение.

Тогда Халкид сразу узнал ее – несколько раз в день проходя по галерее, сложно не запомнить лица глядящих с картин людей. Особенно если ты шпион и твоя профессия как раз и заключается в том, чтобы узнавать и читать по лицам. Но как же так вышло, что он не узнал ее, столкнувшись нос к носу этой ночью?

– Все-таки ты не знал, – высказала свою догадку Гаррота, снова потянувшись, расправляя поврежденное крыло. – Значит, я не убила правильно? Мне больно. Видишь? Но точно не так больно, как девчонке. Долго будешь здесь висеть?

Потрясенный Халкид все еще пытался понять, почему все произошедшее имело место быть.

«Столько лет дипломатического корпуса. И все насмарку. Вся карьера, все будущее. Эта миссия – столь ответственная, несущая для меня такие перспективы – расплзается по швам. Столько лет переговоров с невыносимым, тяжелым на подъем, традиционным до мозга костей Потловом! Наконец вышли на нужный рубеж – и на тебе! Сначала явление принца, который уже как неделю должен быть мертв, потом его же побег, провальная засада, отсутствие трупа, теперь темная история с княжной, прыгающей со стен. Возникает вопрос: такой ли примитивный этот Потлов, если в состоянии создать столько проблем?»

Посчитав разговор оконченным, Гаррота отделилась от стены. Стараясь держаться в тени замка, она бесшумно проскользнула к открытому окну флигеля. Грохот падения уже повлек за собой множество других звуков. Халкид шел по карнизу, зная, что по ту сторону стены проснувшийся замок напряженно ждет новостей.

И не столько известий, сколько очередных объяснений. Да, Халкиду этой ночью никто бы завидовать не стал.

Бабочки синим крылом
Взгляд скользит с длинных ресниц.
Встретишься с ним – и узлом
Связана, брошена ниц.
Мысль короля далеко,
Дальше танцующих звезд,
Свите понять нелегко,
Что в шутку ему, что всерьез.
Падают с уст короля,
Всем непонятны, мечты,
Для свиты реальность – земля,
А жизнь для него – это сны^[2].

Ольмар Роуи Весейжд Хальмгард-третий, принц Озерного края, младший сын Доноварра IV, а именно шестой отпрыск, тот, кто по закону первородства имел меньше всех в семье прав на престол, в данный момент являлся фактически единственной официальной надеждой своей страны. И, как он не без оснований мог опасаться, единственной не только в этой части континента. А и вообще во вселенной.

Нынешнее утро завершалось так же безрезультатно, как и все предыдущие с момента его прибытия в Латфор. Принц стремительно пересекал необъятные залы Латфорского дворца, изо всех сил разжигая в себе пламя злости, которое не дало бы слезам отчаяния вырваться на свет.

Тяжелые полы темно-фиолетового плаща, отороченного мехом серебристого соболя, хлопали позади него, будто при внезапно налетевшем сильном порыве ветра. Старинная фибула, полукруг из переплетенных в схватке тел дерущихся грифонов, собравший богатую ткань плаща на плече в мягкие складки, теперь съехала на спину.

Уже столько дней прошло в ожидании у наглухо сомкнутых дверей аудиенц-зала.

Его не впускали.

Раньше владельцу Латфора в голову не могло прийти выказывать подобное неуважение принцу крови из Хальмгардской династии. Пусть даже и самому младшему. Слишком дорогими могли быть последствия – так, что и не расплатишься. И никакой национальный траур не явился бы оправданием. Владелец Латфора был бы прощен лишь в одном случае – если бы умер сам.

Правда, с другой стороны, при иных обстоятельствах ни Ольм, ни кто-либо другой из его многочисленной монаршей семьи не посчитал бы для себя возможным настаивать на аудиенции в то время, когда по всему Латфору приспущены флаги и каждый гражданин считает своим долгом носить траурную ленту на своем плече в знак скорби.

Раньше.

Не так давно все было иначе.

Придерживаясь строгого протокола, никто не упускал возможности долго и церемонно расшаркиваться, пряча простые фразы приветствий в замысловатые словесные конструкции.

И даже вассальный Потлов перетер привычные панибратские замашки в некое подобие этикета. Все старались соответствовать. Умение проявлять должным образом свое уважение было в чести. И сама честь была не пустым звуком.

Сейчас клеймо посланника агонизирующей страны заставляло и бывших друзей, и тех, кто был всего лишь обязан Хальмгардскому дому самим своим восхождением к вершинам власти, отводить глаза и предавать. Предавать и продавать, продавать и продаваться. Самому Ольму это клеймо жгло и ум, и сердце. Заставляло чувствовать себя прокаженным, пытающимся скрыть проступившую на коже обширную язву, завидя которую все бегут как от огня.

Распахнув грубым ударом руки очередную дверь в казавшемся бесконечным ряду одинаковых, задрапированных черной парчой дверей, принц остановился. На секунду прикрыл глаза, опершись рукой о косяк. Его мутило.

Предательство, оно было повсюду. Не из-за него ли медленно умирал зажатый в кольцо островной Ольмхольм? Сопротивлялась каждая провинция разрозненного архипелага, платя за каждый день свободы кровью своих детей. Им была обещана помощь; они ее ждали, потому что сами всегда приходили на выручку своим соседям. Всегда. Но помощи не было... Поверить в то, что все сложилось именно так, на самом деле было практически невозможно.

За дверью начиналась очередная приемная зала. Левую стену украшала огромная мозаика из топазов различных оттенков, размеров и форм в диковинной золотой раме. Это была карта, которая изображала все страны, входившие в Орден Чести. Изумрудные переливы потловских степей пронзали сапфировые русла рек, дымчатыми топазами вились хребты Харадских гор, отделявшие лазурит озер Ольмхольма и опаловую россыпь Княжградского плоскогорья от таинственных переливов Латфора. Широкой запятой венчал все это великолепие нависший над Харадом самый северный из союзников – терракотовый Ррьёркский Кряж.

Когда по этой стене пробегали лучи солнца, зрелище было великолепное. Восхитительное.

Ольм провел пальцами по камням, изображающим холодную глубину одного из семи озер. Лонэ, Вейерсдаль, Гри, Тольм, Хо, Харивайд и граничащее с начинающимися на юге равнинами вэнзов – Освиге. В пяти из них архипелагами разбросаны острова, самый большой из которых Ольмхольм – сердце страны и резиденция Хальмгардской династии.

Созданный пять столетий назад предком Ольмара Людо Великим Орден Чести – соглашение между Озерным краем, Свободным Харадом и княжеством Латфор – гарантировал каждому участнику поддержку как в случае нападения извне, так и в случае внутренних проблем. Позже на верность Ордену Чести присягнули северные рудники с Ррьёркского Кряжа, Княжград с его вассальной областью Потловом и свободный град Рыман, вотчина герцогов Арьезских.

У каждого для этого шага были свои причины, но цель в основе их лежала одна и та же – собственная безопасность.

Кряж – труднодоступная область, ее с остальным миром, как пуповины, соединяют две дороги через расположенные с запада и юга перевалы. Практически неразвитое земледелие объясняется естественной для высокогорья особенностью климата. В конце концов это привело к тому, что львиная доля провианта и зерна стала завозиться из Озерного края через доступный с конца весны по начало осени перевал Громобой или более долгим, но зато и менее опасным путем через Харад из Потлова. Перекроешь их – и для Кряжа возникает

реальная опасность задохнуться в блокаде. Стада элитных ррьеркских коров и овец многочисленны, но все же истощимы, и как бы ни были шахты богаты изумрудами и сапфирами, а прокормиться ими не получится.

Рыманский град и прилежащие к нему крестьянские надельные земли несколько столетий назад были одной из областей Княжграда. Они были переданы в свободное владение основателю дома герцогов Арьезских в качестве награды за весьма успешный военный поход против Латфора. Как показало время, решение это было крайне недальновидным. Но в то время потрепанный войной Княжград убил этим решением сразу двух зайцев: расплатился с не любившими шутить головорезами Арьезскими, как и было обещано, по-княжески, и избавился от их присутствия, отослав их подальше от столицы.

В тот момент это было более чем необходимо – после похода влияние герцога многократно возросло. Это вкупе с мощью вернувшейся из похода армии, вся верхушка которой повиновалась ему, являлось реальной угрозой престолу. Княжградский монарх попросту боялся герцога.

В официальной же версии никто в своих страхах признаваться не собирался, и причина, послужившая для выбора «пожаловать нашему венценосному брату Арьезскому» не какую-нибудь другую, а именно Рыманскую область, звучала как «дополнительное укрепление границ в Потловском направлении».

Разгоряченные недавним военным триумфом, Арьезские со свитой прибыли, в предвкушении новых побед, в приграничный Рыман. Там ими был обнаружен совершенно мирный и никому не угрожающий Потлов.

Это стало огромным разочарованием.

А так как жажда битв в крови приближенных к герцогу персон не угасла, то сначала на границе, а потом и в более отдаленных городках и селениях Потлова, то тут то там начали возникать стычки между вновь прибывшими и местными жителями. Что выливалось в ведение бесконечных то утихающих, то вновь разгорающихся войн с соседом.

Нельзя не признать, что именно руками нескольких поколений Арьезских герцогов шаг за шагом большая часть заречного Потлова постепенно была полностью прибрана под власть Княжграда. Одновременно с этим крепнувший Рыман совершал шаги для приобретения собственной независимости от сюзерена.

Относительно легкие победы на Потловском фронте в конце концов опьянили Арьезских до такой степени, что они выказали неповиновение своему сюзерену и пошли на открытый конфликт с Княжградом в вопросах проводимой по отношению к ним политики и, более того, – объявили ему войну. И вполне возможно, что при существующем на тот момент раскладе сил князьям с плоскогорья пришлось бы очень несладко. Рыман сумел бы не только отстоять свою независимость, но и оставить за собой все захваченные территории на правой стороне Большого Бура. И не видать бы тогда Княжграду львиной доли потловских прибылей как своих ушей.

Если бы только Княжград очень вовремя не вошел в состав Ордена Чести. И тогда оказалось, что очень несладко может прийти уже самой мятежной вотчине. К уже открытому фронту с Княжградом мог прибавиться второй – войско Озер стояло на пограничной реке Бережке, а харадские наемники заняли никем не контролируемую территорию Предгорья. Это предвещало для Рымана войну уже с Ольмхольмом и его союзником Харадом в случае отказа сложить оружие и вступить в переговоры.

И Арьезским пришлось открыть для себя новое поприще демонстрации проявлений

своей враждебности – дипломатическое.

Результатом многочисленных встреч стало отчуждение от Княжграда территорий града Рымана и близлежащих к нему поселений по левую сторону Бура, второй пограничной реки, в пользу герцогского дома, и отказ Арьезских от дальнейших претензий на остальные правобережные территории. Якобы в пользу многострадального Потлова.

Честно говоря, это решение никоим образом не устраивало ни одну, ни другую сторону, но именно оно стало компромиссом, к которому в конце концов пришли.

Многовековая практика княжградского дипломатического корпуса за считанные годы обеспечила возможность так накалить политическую обстановку вокруг Потлова, что тот вскоре сам попросился под покровительство Княжграда. Дабы тот оградил его от возможных агрессий со стороны получившего вольницу Рымана. И Княжград снова принялся снимать сливки с потловских степей, звонко щелкнув по носу герцога.

Вот так на несколько десятилетий град Рыман оказался в своеобразной блокаде – ни один, ни другой из граничащих с ним соседей не хотел иметь с ним никаких общих дел.

Что оставалось?

По мнению Княжграда – попроситься обратно под его протекторат. Великодушно намеревался он принять обратно Рыман с распростертыми объятиями, словно заблудшего сына в отчий дом. Умалчивая, что это поможет ему сделаться вторым по размеру территории государством после Озерного края. И вот тогда-то уже можно будет потягаться с самим основателем Ордена Чести и отхватить и от него кусок пожирнее... Произойдет это не так чтоб сразу, а когда придет время, конечно.

Но Арьезские разыграли свою карту иначе: они напрямую примкнули к Ордену Чести.

Орден – стальной цветок, выкованный в жерле вулканов огромного количества войн. Невероятно, сколько столетий людям приходится резать друг другу глотки, чтобы потом учиться мирно жить бок о бок. Казалось, Орден навечно спаян, един и может противостоять чему угодно. А вот нет – теперь он теряет по одному свои лепестки и вскоре будет смят лапой Удматории. И первый оторванный изумительный по красоте лепесток – родина Ольма, Озерный край.

– Озера моей страны скоро станут красными от крови, разольются, как при весеннем половодье и затопят вершины Харадских гор, – произнес принц. Ему чудилось, что не луч солнца скользит по камням карты, а огненный меч военного плана императора Удма.

Ольм знал – плененных не было. Со своих позиций хальмгардские солдаты видели, как удматорцы добивают на полях сражений собственных тяжелораненых. Мирное население бежало в ужасе вглубь страны, рассказывая о небывалой жестокости и зверствах при тотальных зачистках на оккупированных территориях. Сама империя Удма несла немалые потери не только в боях, в этом сомневаться не приходилось. Одно то, что воевать им пришлось на обширной чужой территории, уже было одной из причин. Местность, о которой нет точных данных, чуждая растительность, другая, нежели в родном крае, вода, климат намного холодней, чем в империи... Но и дезертировать из армии, которая уничтожает все, кроме себя, солдаты не будут. Из чувства собственного самосохранения. Так что лелеять надежду, что армия разложит себя изнутри за время длительной зимней осады и ее боевой дух падет, когда снега отрежут все пути сообщения с Удматорией, не приходилось.

«Но ведь так не должно быть! Все должно быть иначе!» – Принцу казалось, что он сходит с ума. Ольм отер испарину со лба. – Где она, где пресловутая поддержка при нападении извне? Потлов – самое неконфликтное государство, де-юре и не государство

даже – так, область в составе Княжграда. Вассал. Подданный. И вдруг оказывается организатором переговоров с империей! И как стремительно развиваются события – все происходит почти одновременно с нарушением удматорскими войсками границы Озерного края! Когда же они начали их вести? Под самым носом у Ольмхольма все происходило, и никто ничего не заподозрил. Слепы, как нежеланные котята, которых все хотят утопить...»

Мысли метались, как обезумевшие от боли плененные звери, в которых тычут баграми сквозь железные прутья клеток. Куда до их ярости и отчаяния сплетающимся в схватке грифонам на фибуле.

«Были отправлены четыре посольства – одно на Кряж, три других вместе прорвались через готовое вот-вот сомкнуться кольцо имперской армии в Потлов. И там разделились – те, что должны были отправиться в Харад и Княжград, отправились прямо туда, а мы должны были захватить в сам Потлов, к князю Всемиру, и только потом отправиться в Латфор... Как мило было обнаружить Потловский замок полным знати разных сортов – и княжградцы, и Арьезские! А еще милее узнать причину их собрания». – Вспомнив, с каким трудом им удалось перебраться через Бур, в сотый раз пришел к мысли, что остальные этого сделать не сумели.

Засада у переправы на Рыман все разъяснила. Для увлекшегося интригами Потлова Ольм со свитой появился на переговорах весьма некстати и сразу же получил статус персоны нон грата. Ему это ясно дали понять, как только скрылись из вида стяги княжградского посольства. В двухдневный срок им организовали стремительный отъезд, практически выдворение за границы Потлова.

Потом на самой границе, рыманской переправе, на посланников Озерного края напало собственное сопровождение. Охрану организовывал лично князь Всемир, якобы для обеспечения их безопасности.

Схватка была яростной и короткой, и ольмхольмцы вышли из нее почти без потерь. Потому что никто, пожалуй, кроме самого девятнадцатилетнего принца, не сомневался в том, что нападение непременно состоится, и все были готовы к нему. Сюрпризом стал лишь последующий обстрел из темноты. Там, прямо у переправы, несущихся в карьер послов ждала засада. Засада, не предполагавшая последующей погони. У ее организаторов не было сомнений в неотвратимости уготованной смерти.

Только из-за чужой самонадеянности и основанном на ней просчете им удалось скрыться.

Если бы не пугающие специфические штучки Шелеста, все бы, несомненно, погибли. Если бы не Годэлиск, под смехотворным предлогом поменявшийся с Ольмом плащом и отобравший у него лошадь, несомненно, погиб бы сам Ольм.

Стали ясны и уклончивые недомолвки послов Княжграда, и тупое мычание их потловских вассалов. Они сдались. Без единого боя. Не жертвуя сейчас ничем и не сознавая тяжесть последствий этой жертвы в будущем. И мимоходом успели продать по сходной цене Харад.

Явление принца полностью опровергало представление о том, что Озерный край надежно отрезан от всего остального мира и ему суждено неотвратимое удушение удматорской блокадой. Как это разочаровало всех, кто уже строил в своих мечтах новую жизнь с императором Удмом, сулившим столько благ...

«А как же клятва Ордену Чести? А как же «брат к брату станет плечом»? Сколько продержатся северные рудники? Армия Ррьерского Кряжа, должно быть, уже спускается к

озерам. Они-то и предположить не смогут, что их войско станет единственным союзническим... Выступили единым фронтом, нечего сказать... В скором времени большую часть военной мощи северных рудников зажмут в кольцо вместе с частями Ольмхольма. Насколько их хватит до того, как Удматория поднимет свой флаг над Озерным краем? На неделю? Две? Быть может – месяц? Через Кряж открывается путь в Харад – а тому ждать помощи неоткуда... Обещанная дружба Потлова – мыльный пузырь, пшик – и нету! Они еще и радостно кормить начнут со своих житниц и нив удматорскую нечисть. А Харад будет вынужден открыть два фронта. – Ольмар свернул в галерею, отделяющую гостевое крыло от покоев, обустроенных для приемов и балов. – И все же, даже учитывая это, Харад все равно станет драться. И не потому, что подобно всем остальным пару сотен лет назад присягнул на верность Ордену Чести и, похоже, после Кряжа – единственный, кто сдержит клятву...»

Ольм отодвинул портьеру и вошел в огромную, выстланную коврами залу. Банты и ламбрекены на окнах. Золотые вензеля тесьмы на парче. Резная мебель из заморского белого дерева с изящными гнутыми ножками и поручнями. Мозаика паркета, скрытая в центре огромным пушистым ковром с длинным ворсом. По стенам картины мастеров старой школы в золоченых рамах.

Принцу подумалось, что более неподходящий фон для находящейся в зале четверки подобрать трудно. Они здесь так же инородны, как неуместна боевая окровавленность кинжала на кружеве бального рюша. Все четверо повернули головы как по команде, когда он вошел. Посмотрели на него. Выжидающе.

«Да, Харад будет драться, – снова подумал Ольм. – Но даст ли это что-то блокадному к тому времени Озерному краю? Харад попытается окружить окруживших? Это бред военной стратегии... Или расчет Удматора на то, что Харад двинет свои войска с гор, через Потлов, а сам Потлов, уже заключивший договор с Империей, преградит им путь? – Тут князь не мог сдержать невеселую усмешку. – Потлов против Харада – это смешно всерьез рассматривать даже в такой патовой ситуации. Харад – кузнец в доспехах, знающий, как заставить петь сталь, Потлов – подпоясанный веревкой крестьянин, задумчиво скребущий в затылке и вытирающий рукавом нос».

Только оттуда, с гор, исправно поставлялось лучшее в мире оружие. Говорили, что харадскую сталь выплавляют глубоко в недрах земли, в жерлах потухших вулканов. Тайну создания стали не знал никто за пределами Харада. Как и то, каким образом в Хараде же воспитываются лучшие в мире воины. Если в дружине было несколько наемников родом оттуда, дружина считалась непобедимой.

«Лет с восьми, не иначе, каждый в этом горном крае обучается военному делу. И обучение длится всю жизнь. Целая страна вооруженных до зубов солдат. Мужчины, женщины, дети. Их единственным уязвимым местом станет, как ни странно, именно их неуязвимость. Ни один не будет рассматривать всерьез возможность собственного поражения. Чтобы одержать победу на их территории, придется вырезать абсолютно всех. Договариваться они в принципе не умеют. Потому на змеино-вкрадчивое приглашение Всемира прислать представителей в Потлов последовал решительный отказ. Единственным достигнутым договором с этим государством со странной структурой власти было то самое, достигнутое Людо Великим соглашение, именуемое пафосно «Орденом Чести». Да что там соглашение – цены на продаваемое ими оружие оставались неизменны чуть ли не с того же времени! Если такая негибкость проявляется в торговле, то обо всем остальном говорить не приходится».

А на пушистом ковре залы – стрелы, мечи, кинжалы. Полное обмундирование четырех человек. Глянцевая помпезность убранства комнаты, казалось, находилась в замешательстве.

Гыд сидел прямо на полу у горящего камина. Следуя своей горской привычке, он всегда, когда выпадала возможность, придвигался как можно ближе к огню.

Саммар – напротив, устроился с большим, чем обычно, комфортом. Роскошь дворцовых кресел для него заключалась в исключительных размерах, которые позволяли мощной фигуре в них утонуть. Изогнутые подлокотники, казалось, подвергаются серьезной опасности, принимая на себя вес его рук, и Ольмар каждый раз ждал, что вот-вот что-нибудь жалобно скрипнет и треснет от неосторожного резкого движения. Борода была причесана, разделена на две части и украшена симметричным переплетением аккуратных косичек. Крутые кудри густой иссиня-черной шевелюры были собраны на затылке в хвост, и Саммар походил больше на экстравагантного зажиточного помещика, чем на телохранителя. Кружевной воротник парадного платья телохранителя был сейчас наполовину отстегнут и сдвинут в сторону. Время от времени мужчина пинал носком сапога каминную кочергу, отчего та шаталась, рискуя вот-вот потерять равновесие и свалиться, нарушая грохотом официальную тишину дворца.

Фигура, с головой укрытая монашеской рясой, замерла на почтительном расстоянии от картин, которыми была увешана стена. Шелест был настолько недвижим, что, видимо, даже сквозняк обходил стороной его фигуру, не нарушая четких ниспадающих линий черной ткани.

В девушке, сидевшей на подоконнике, узнать Дарину было невозможно. Разве что едва выглядывающие из-под кисеи нижних юбок сапоги наездницы могли ее выдать. Высокая прическа и макияж, которые делала каждое утро приставленная к ней горничная, меняли внешность спутницы принца до неузнаваемости. Довершало перевоплощение невероятно женственное платье, светящееся нежными оттенками. Блестящий атлас цвета мяты переливался под падающими на него холодными лучами солнца, с трудом пробивавшимися сквозь облака. Грациозную шею обнимала эфемерная прозрачность шарфа.

А за плечами девушки облетали с ветвей платанов сухие листья.

Падали в чашу времени последние дни октября.

– Скукотища-то какая, – произнесла Дарина, делая перерыв между двумя посланными вниз плевками.

– Так и тянет начистить кому пятак? – Философская интонация в вопросе Саммара была несомненна. Ответ, который могла дать девушка на данный вопрос, он, конечно, знал. Мужчина потер под воротником иссеченное шрамами плечо. – Ноет, зараза... К дождю.

– Вчера одна из дочерей князя устраивала чаепитие для дам. Меня приглашали, – протянула девушка, свешиваясь из окна. Заинтересовавшись чем-то внизу, она не посчитала нужным закончить фразу.

– Надо было пойти, когда еще выдастся момент посетить «чаепитие для дам», – сказал Саммар.

– А что, дамы пьют чай как-то не так, как мы? – озадаченно спросил Гыд, оторвавшись от тщательно проводимого осмотра обмотки тетивы арбалета.

Саммар засмеялся этому замечанию, а Дарина продолжала:

– Видимо, они действительно это делают иначе.

Продолжая смеяться, их старший товарищ снова перебил девушку:

– Так я и говорю: надо было пойти – и знала бы наверняка.

– Я и пошла! Ты все время перебиваешь и не даешь договорить!

– И как? – Простодушный Гыд с интересом смотрел на Дарину, ожидая услышать объяснения на заинтересовавшую его тему – что ж такого отличного в этом чаепитии?

– И пока меня представлял сопровождавший на террасу лакей... А он знаешь как говорил: «Вашим княжеским светостям всеподданнейше докладываю, что приглашенная вами благородная дева-воительница, имеющая честь сопровождать высокородного принца Озерного края, его светлейшества Ольмара Роуи Весейжда Хальмгарда-третьего, младшего сына их светлейшества Доноварра IV, ныне здравствующего князя Хальмгардской династии, да продлятся дни его мудрого правления, соблаговолила принять приглашение вашей светлости и почтить своим присутствием собрание благородных дам, имевших честь пригласить ее к своей послеполуденной трапезе». Ну не ужас?

– Ужас, – согласился Гыд. Он был потрясен. – Как ты это запомнила?

– Не знаю. Видимо, впечатлилась сильно. Но дело в том, что пока все это тра-ля-ля «имело место быть» – это если говорить их языком, – сам чай остыл. – Девушка сделала выразительную паузу, которую заполнило тихое похихатывание бородача. – И опять же, если говорить их языком – «безвозвратно остыл» и превратился в безвкусную жидкость. И здесь так во всем.

– Чаепитие не несет в себе смысл трапезы, – произнес Шелест, слегка отступив от рассматриваемой им картины, чтобы иметь возможность лучше оценить ее перспективу. Если бы у них была возможность видеть лицо монаха, Дарина не сомневалась, что на нем читалось бы легкое презрение.

– Тогда к чему его так тогда называть, а, монах? – Дарина прицелилась, собирая за напряженными щеками слюну. Резко выдохнула. Очередной плевок из окна угодил в восседавшего на породистой, почти декоративной лошадке латфорца. Чуть левее блестящей серебром пряжки, крепившей к полям шляпы длинные перья.

– Почти не промахнулась, – сообщила она, повернувшись к сидящим в комнате. И, оправдывая свою нынешнюю неидеальную меткость, добавила: – Почти – потому что лошадь этого франта дернулась.

Оплеванный мужчина возмущенно вскрикнул и задрал голову, высматривая обидчика. Увидев в окне над собой обрамленное локонами личико, грациозную шею и глубоко декольтированный бюст, он зарделся, припомнив все только что сказанные сторяча слова, и принялся бормотать извинения. Он уважительно помахивал все той же оплеванной шляпой, а лошадь гарцевала, и, казалось, ее подковы постукивают с неменьшим уважением.

– Вот! – Дарина с досадой хлопнула по подоконнику ладонью. – Пожалуйста!

Гыд в сотый раз протирал все механизмы скорострельного арбалета от несуществующих пятен.

– Дыр еще не протер на своем исключительном стреляющем чуде?

Вместо ответа Гыд поднял одну бровь, аккуратно отложил арбалет и вытащил из ножен кинжал. Полировка продолжалась.

– Нет! Это невозможно! – Дарина связала узлом платочек и запустила им в Гыда.

– Тебе действительно нечего делать? – вздохнул Саммар.

– Да! Мне не только делать нечего. Мне даже поговорить не с кем и не о чем!

– Ты хочешь сказать, чаепитие прошло в полном безмолвии? – не преминул вставить замечание Шелест. Он чинно переместился к следующему живописному полотну. –

Воспользовалась бы ситуацией. Поболтала и развлеклась.

– Знаешь, Шелест, может, я тебя, конечно, удивлю, но слово «чаепитие» в латфорском понимании не подразумевает под собой ни «поболтала», ни уж тем более – «развлеклась».

– На самом деле – ужас, – повторно резюмировал Гыд.

– Мое плечо не сможет тебя никак развлечь? Некоторые считают его забавным. – Саммар шутливо подмигнул. – Вот только поговорить с ним не удастся – плечо как-никак болтать не умеет.

– Ха! – Дарина капризно передернула плечиками, имитируя подмеченное ею ранее привычное движение придворных фрейлин. Она снова выглянула за окно. Мужчина с изгаженной шляпой все еще переминался внизу, время от времени поглядывая в сторону ее окна. Чтобы не упустить момент и засвидетельствовать еще раз свое почтение. Плюнув еще раз на прощанье, но уже с досады, девушка спрыгнула с подоконника на пол. Одернула каскад многочисленных юбок. – Нет никакой жизни здесь!

– Латфор – интересный город. Старинный. Говорят, его улицы хранят дух времени создания первого, трехглавого ордена, – вновь раздался голос Шелеста, облюбовавшего по своему обыкновению наименее освещенный угол.

– Дух этот, по всему видать, давным-давно покрылся пылью и заплесневел. Что там, что тут. – Девушка указующе кивнула на окно. – Ее теперь изящно наманикюренный пальчик выразительно щелкнул по стоящему у окна комоду.

– Пыль можно смахнуть. Хотя бы от скуки. – Шелест отвернулся от окна и поправил сползающий капюшон. – С вещей. С событий. С себя. Иногда время это делает за нас.

– Когда в это ввязывается время, – поморщился Саммар, – у таких, как я, пыль смахивают с плеч вместе с мясом.

– Мне наплевать на всю пыль вместе взятую. Если что, вон к Гыду обратитесь – ему все одно, что протирать.

– Seriously, чем языком молоть без дела, лучше помощи добить плечо... Как никак разнообразие.

Девушка хмыкнула:

– Напоминание о боях минувших... Ну, где твое плечо? Давай сюда!

Саммар улыбнулся, запрокинув голову на резную спинку кресла.

– С удовольствием бы отдал его в твои руки. Хотя бы временно. Но не снимается оно, хоть ты тресни. – Мужчина страдальчески улыбнулся. – Ноет, зараза, сильно. То ли сырость здесь какая-то особенная, то ли действительно дождь будет неслабый. – Он растегнул рубашку, осторожно сдвигая ткань с больного места.

Дарина подошла к креслу, вывернув пару раз сцепленные в замок ладони. Внутрь – наружу. Она разминала пальцы и присматривалась к сильной спине Саммара. Бугры мышц, как холмистая потловская степь. Рубцы шрамов то здесь, то там делят ее, будто поле на делянки. Борозда, пересекавшая плечевой сустав, была в палец толщиной.

– Тут еще надо разобраться, как подступиться. Где болит? Здесь?

– Да. – Саммар прикрыл глаза. Поморщился, когда ее пальцы сжали сустав. – Там. Везде. – И мрачно в который раз добавил, ни к кому конкретно не обращаясь и не ожидая ответа: – К дождю, что ли?

Дарина взяла с подлокотника открытый пузырек с мазью. Растерла ее между ладонями и принялась за дело.

– Если буду слишком сильно жать – скажи.

– Угу... Только сильнее, чем там ноет, ты давить не сможешь.

– Посмотрим. – Дарина улыбалась, проникая сильными пальцами в самое средоточие боли. – Я их или они меня.

Гыд тем временем вернул кинжал в инкрустированную замшу ножен. Вздохнул и достал огромный, в две трети своего роста меч, принадлежащий Саммару. Лезвие сияло безукоризненной чистотой харадской стали. Придаться было не к чему, и он нахмурился, глядя в собственное отражение на клинке:

– Эх, домой бы сейчас...

– То-то и оно. – Ладони Дарины ломали сопротивление крутых мышц наемника. – Там нам самое место. Уже скоро там будет пекло. А если на перевале раньше удматорцев встать...

Гыд нахмурился еще больше:

– С нашей стороны, чтобы до перевала добраться, нужно как раз сейчас выходить. Потом завалит все. А с их стороны...

– С какой это «их» стороны? – Девушка прикусила губу. – Нет пока в горах никакой «их» стороны.

Гыд с Саммаром переглянулись. Саммар улыбнулся:

– Боевая. В голосе слышна боевая удадь стали. Сразу видно – наша девочка. Даром что родом с Нижнего Потлова.

– Да что во мне от Потлова? Только что я там родилась?

Гыд осклабился:

– А еще там родились твои мама и папа и те, кто был до них.

Дарина фыркнула:

– И что с того? Ты же не с ними имеешь дело, а со мной!

– Не слушай его, он тебя подначивает. – Саммар продолжал улыбаться их словесной перепалке, уже не обращая внимания на боль. – Кто-то харадец по рождению, а у кого-то Харад в сердце.

– Оттого и тянет туда, – подытожил Гыд. – Там мой народ. Я им нужен.

– Мы сейчас твой народ. Не забыл уставное право? – Шелест пересек залу, старательно обходя полукруг пляшущих отблесков горящего камина. – Ты нужен нам.

Гыд ничего не ответил. В пререкания с монахом, в отличие от Дарины, он предпочитал не ввязываться. Вместо этого он деловито отложил в сторону меч и вытряхнул на ковер арбалетные стрелы-болты из кивера Дарины. Они были гораздо короче лучных, чуть больше пяди, но ничуть не уступали им в весе. Что обеспечивало убойную пробивную силу. При этом харадские оружейники добивались идеальной балансировки – центр тяжести такой стрелы шел четко посередине.

Это обеспечивало снарядам требуемую точность попадания при значительно меньших затратах времени на само прицеливание. Что в открытом бою было весьма удобно. Да и летел болт быстрее стрелы – заостренная передняя часть и утолщенная задняя обеспечивали плавное распределение давящей на летящую стрелу силы разрезаемого ею воздуха, а отсутствие оперения снижало его сопротивление. Так что неудивительно, что это оружие было одним из самых любимых в списке молодого наемника.

– Харад – это, по большому счету, не место, – примирительно произнес Саммар. – И дух его там, где его дети.

Дарина наблюдала, как Гыд одну за другой перебирает стрелы. В какой-то момент она

не выдержала:

– Нет! Меня это достало! – Ее пальцы работали уже с ожесточением, отражая ее настроение, и изувеченное плечо Саммара вздрагивало, стараясь избежать болезненного давления. – Один целыми днями бродит по плитусам, пялится на мазню и тычет носом в уставное право... Другой полирует целыми днями... Слышь, Гыд, может, тебе столовое серебро принести, а? Вилки там всякие, ложки? А тут еще родословную мою, смотри-ка, на досуге выяснять решил – ну прямо помешанная на чистоте сплетница-служанка... Третий – с костями своими общается насчет погоды. «Будет дождь? Не будет дождь?» – Она смешно передразнивала каждого, о ком упоминала.

– Дарина! Полегче там!

– О! Какие мы нежные! Может, об тебя бюстом потереться и хватит? Чего я пальцы-то себе ломаю?

На какое-то время все замолчали, потом тишина была нарушена фразой монаха:

– Скоро все закончится. – Он перебирал четки. – Удали на всех хватит.

Костяшки разговаривали между собой – тук-тук, тук-тук...

– Шелест, говорил с Ольмом? – Саммар сделал Дарине знак прекратить экзекуцию и натянул, убаюкивая плечо в тепло рубашки, рукав.

Шелест отрицательно покачал головой.

– Не говорил, значит, – буркнула девушка. – Тогда откуда знаешь, что скоро отсюда выдвинемся? Тоже мне, пророк... Слушай, а какой это гадостью я тебя растирала? – спросила она уже у телохранителя, с подозрением поднося к носу пузырек с мазью. – Фу, вот ведь... Я руки-то теперь от этой дряни отмою, нет?! Знахарка, что ли, дала? Ну точно, ихним болотом воняет...

Ужин прошел в молчании. Приставленные к гостям лакеи и горничные церемонно прислуживали, пытались оказать максимальное уважение, чем вызывали в ответ только раздражение.

Когда служанка третий раз, как бы невзначай, подсунула Дарине именно ту самую, необходимую для данного блюда вилочку, всадница не выдержала. Сдержав подступающее к горлу рычание, она медленно, но очень твердо отложила предложенный прибор, стукнув им о зеркальную крышку стола. Чтобы сомнений в ее намерениях не оставалось, Дарина привстала и, орудуя собственным кинжалом, сама отрезала от запеченной тушки индейки приличный кусок. Шлепнула его на тарелку и принялась есть, разламывая мясо руками. А потом и вовсе, набрав на тарелку с общего блюда разнообразных фруктов, женщина удалилась с ними на облюбованный подоконник.

Саммар усмехался, наблюдая за ее столь явным протестным поведением. Ни он сам, ни Гыд от принятых в Латфоре традиций за столом не отходили.

Саммар почти за два десятка лет, проведенных при дворе Дановарра IV, впитал все великосветские выкрутасы. Харадцы славились невероятной способностью к выживанию, соответствие светскому этикету, вероятнее всего, воспринималось ими как своеобразное средство маскировки.

Камуфляж для городской мирной жизни.

Саммар как никто другой знал, что, если хочешь выжить в разных условиях, легче научиться вести себя адекватно им, чем проявлять неуместную принципиальность в приверженности к привычной линии поведения. Гыд, всегда смотревший на Саммара с

безграничным уважением, просто повторял за ним каждое движение. У харадцев обучение продолжается всю жизнь, а что может быть проще – учиться у старшего, просто копируя все новые для тебя движения?

Шелест сидел над тарелкой с неизменными четками. Перед ним стоял хрустальный бокал с водой, а на тарелке лежал нетронутый кусок рыбы. Монах наблюдал через стол за Ольмом. А тот, погруженный в свои мысли, не замечал ничего.

«Большая часть военачальников и здесь, в Латфоре, и в Княжграде, и в Потлове родом из Харада. Что произойдет, когда войска Удматора, сровняв с землей Озерный край, хлынут на просторы потловских степей и отправятся дальше, через перевал, маршевым шагом?»

Четки монаха еле слышно отстукивали вязкие, тянущиеся друг за другом секунды.

«Так стучит сердце, размеренно и спокойно. Сердце, не знающее о смерти. Сердце – оно знает только жизнь и верит только в нее». – Ольм моргнул, отгоняя призрак холодного небытия, и перевел взгляд на Дарину, непривычно разодетую и причесанную.

Презирая сделанный утром маникюр, Дарина грызла ноготь, нехорошо сощурился глаза и улыбаясь левой стороной рта. Она почувствовала взгляд Ольма, взглянула в глаза в ответ.

«Если они отринут уставное право... Отряды харадцев, «продажных наемников», как, брезгливо морщась, называют их очень многие, потянутся на защиту того, что они предавать не намерены были никогда. О чем их наниматели даже представления никогда не имели. Свободу гор.

Те их отряды, что пойдут через Потлов, нарвутся на бо-о-ольшой сюрприз. Но и там они прорвутся. С потерями. Потлов, как выяснилось, мастерски умеет, улыбаясь в лицо, бить при этом в спину. Да, с потерями, не без того, но и ожидаемо отплатив за них, вырезав половину того же Потлова.

Даже не из мести за предательство, а просто потому, что стоит на пути.

Элитный Княжград вообще не в счет... Да, сама столица обнесена тремя рядами крепостных стен, но нельзя не признать – его строили для демонстрации помпезности и изысканности вкуса местной знати, а не для длительных осад. Место крайне невыгодно расположено в привычном для любого военного смысле. Они никогда не вели войн на своей территории. И это не потому, что исторически так сложилось, а потому что Княжградцы не идиоты.

Плоскогорье, открытое как ладонь. Река, питающая водой город, имеет русло глубокое и узкое. Его легко перекрыть, построив выше по течению плотину. Так что, устроив городу осаду, захватить его ничего не стоит. Они-то рассчитывают отсидеться в тылу, в тишине и спокойствии, и встретить армию Удматора уже как союзническую, только этот расчет ошибочный. Княжград неоригинален – харадцев среди их военных чинуш предостаточно. Как только дойдут вести с фронтов, начнется смута, и потерявший почти всю военную верхушку Княжград взорвет изнутри гражданская война».

«Или... Или завербованные наемники не изменят уставному праву? Среагировав на ситуацию, постараются, приспособившись, выжить в новых условиях? И Харад – «ведь он не родина, а всего лишь место» – займет бесноватая нечисть Удматора? Войска подойдут с двух сторон, и он очень скоро разделит участь Озерного края. Так и перебьют всех – одного за другим, поодиночке».

«Или уставное право такое же зыбкое, как и понятие родины? И все наемники – по определению, они же наемники, как ни крути – просто перейдут на сторону сильнейшего?..»

«Так или иначе... Что остается?» – Принц пригубил вина из бокала, смял салфетку и

бросил ее в центр пустующей с самого начала ужина тарелки. Так и не произнеся ни слова, он прошествовал в свою спальню. За ним неслышно следовал приставленный лакей.

Пройдя через спальню, слуга зажег в ванной комнате свечи. Он проверил, достаточно ли тепла вода в подготовленной загодя глубокой овальной ванне, потом добавил туда смесь эфирных масел, и, несколько раз встряхнув, расправил пушистые банные простыни.

Плащ соскользнул с широких плеч, руки слуги поймали его, не дав упасть к ногам. Звякнула, ударившись о деревянный подголовник кресла, фибула. Одежда, стянутая двумя рывками, полетела в угол. Ее подняли и расправили, повесив в гардеробной.

Ольм сделал знак удалиться, и слуга, пожелав его светлости доброй ночи и охраны от высших сил, удалился, склонив облаченную в парик голову.

Ольм сел на край ванны. Принц был высок и строен. Правильные пропорции его фигуры в силу возраста еще не успели набрать всей отведенной для нее природой мужской мощи. Сильные руки были вполтину менее рельефны, чем у Саммара, его телохранителя, с которым он был одного роста. Аристократическая горделивая посадка головы мягко переходила в красивую линию плеч, не обрываясь нигде резким переходом перекачанной мышцы.

Ольм провел по воде рукой, создавая волны. Потом одним движением перекинул через край ноги и со вздохом погрузился в ванну целиком. Вода должна была успокоить, отмыть все тяжелые мысли, смыть отчаяние. Принц прикрыл глаза, облокотившись затылком о жесткий полукруглый бортик ванны.

В воздухе витал запах лаванды. У Ольма перед глазами возникла дорога, ведущая от перевала Громобой. Где-то на половине пути, за живописным очередным ущельем, начинались склоны, устланные, как ковром, сине-фиолетовыми цветами. Он увидел, как колышутся травы, когда по ним пробегают друг за другом волны утреннего ветра. Как изменяет тень от плывущего облака глубину и оттенки синего цвета.

Принц открыл глаза и загасил мокрыми пальцами шипящие язычки всех горящих свечей. Вода стекала по ребру ладони и падала обратно в рукотворный водоем. В темноте он встал, прошел в спальню. Капли ползли вниз, рисуя дорожки по его телу, оставляя мокрые следы ступней на полу.

Шелк простыней охлаждал горящую как в лихорадке кожу.

«Что остается? Заполненные трупами штольни рудников, разгромленные Княжград и Рыман. Потлов, который переедут вдоль и поперек сначала свои, потом чужие, обезглавленная армия Латфора... Ни одного из правителей не волнуют мертвецы, вмиг занявшие место живых. Города мертвых».

Он не знал, сколько времени лежал без сна, глядя в потолок сухими, немигающими глазами. Может быть, он лег только что, а может – уже недалек предрассветный час.

Бесшумно открылась дверь, в комнату скользящим кошачьим шагом прокралась Дарина. Она до половины зашторила огромные проемы дворцовых окон, за которыми в чернильной ночи маячили дыры звезд. Полушепотом поругиваясь, расшнуровала бесконечный ряд петель корсета. Перешагнула через легший волнами к ногам криолин. Выдернула из волос окаймленные морским янтарем гребни. Локоны мягкой волной упали на плечи, скрыв их белоснежную линию своим шелком.

Обнаженное женское тело – силуэт, нарисованный светлыми красками дня на фоне сумрака.

Все в этой картине было правильно: мягкие полутона, округлые линии и даже

свойственные одной лишь этой женщине изыяны фигуры. Они казались легкими акцентами, поставленными кистью мастера на общем фоне совершенства, для того чтобы дать возможность разглядеть ее индивидуальность в полной мере.

Один шаг – и уступчивое в женской ласке тело, только что казавшееся в звездных отблесках почти фантомом, прильнуло к принцу. Дарина прижалась к нему вся целиком; к рельефу его плеч гладкостью щеки, к жесткому боку – теплым животом, длинные ноги обвили его бедра и икры, так что он смог почувствовать прохладу ее замерзших на холодном полу босых ступней. Девушка прочертила носом узор, едва касаясь кожи его плеча, потом принялась тихонько и ласково целовать то же место, будто боясь тронуться дальше. Или словно стараясь его разбудить, прогнав поцелуями навязчивый мираж захвативших принца мыслей.

Ольм нащупал под своей ладонью кончики тонких женских пальцев, провел по ним своими и сплел крестообразно в любовном рукопожатии. Через эту руку к нему будто возвращалась жизнь. Соприкасаясь с ее пульсом, сердце принца словно вспоминало, как оно должно биться на самом деле. Какое биение правильное. Для молодости.

Ольмар повернул к Дарине свое лицо. Темнота скрывала прозрачный лазурит его глаз. Сейчас они казались темными провалами. Как будто тени, в последние дни залегшие под глазами, разрослись вполлица.

Девушка потянулась, чтобы погладить его скулы, своей нежностью смахнуть с такого красивого лица не идущую ему зловещую тень. Ольм опередил ее движение, подавшись вперед, вывернувшись из-под ладони так, что она коснулась лишь его волос.

Его рот жадно искал ее губы, тыкаясь в любовной горячке в шею, подбородок, скулы. Полуприкрытые глаза ловили ее зов, растворенный во влажности зрачков, еще более черных, чем мрак спальни. Этот особенный взгляд – он будоражил, доставал из глубин сущности зной безумства. Обнаженная откровенность желания.

Страсть в один миг придала крови в венах силу водопада, обрушивающегося с огромной высоты на скалы, сковавшие его мысли, разбившего их и смывшего осколки в хладное небытие.

И не осталось ничего, кроме неудержимого бега крови как невероятно яркого ощущения жизни.

Я – живу – сейчас! Как вспышка.

Ольмар сгреб в кулак каскад ее волос на затылке, обернул их вокруг широкой ладони, как повод лошади. Дернул к себе, лишая равновесия второй рукой, подведенной под позвоночник. И накрыл своим телом, беспомощную, потерявшую враз всю свою удаль и запальчивость. Сейчас, в этой латфорской темноте, Ольм не мог видеть выражение ее глаз, но знал, насколько оно мягкое, доверчивое, истинно женское. Насколько это выражение не похоже на обычный грубый и насмешливый взгляд.

Руки побежали по стану, не лаская, а сжимая тело. Он словно лепил ее, настойчивыми сильными движениями придавая ту форму, которая устраивала полностью его одного. Прогибая под себя.

Ольм не торопился, вбирая в себя ответный жар, плавя им замедлившийся ход времени поделенной ими на двоих ночи. Повторяющаяся размеренность движений. Снова и снова. Не надоедающее однообразие, с каждой секундой все больше сжимающее раскаленную добела пружину внутри его. Стоны Дарины разбивались об его губы, эхом отражаясь в каждой клетке тела. Снова и снова. В такт своему срывающемуся дыханию. В голове Дарины стрелой

пронеслась мысль, что, вот так размеренно двигаясь навстречу ей, этот мужчина может заставить стонать ее от наслаждения невыносимо долго. Пока переполнившаяся звенящая чаша чувственности не заставит ее сойти с ума.

Ольм обрекал ее на это безумие всей силой своей молодости.

Не отпуская ее весь день злости.

До гортанного крика. До кровавых полос царапин на своей спине.

Они отпустили друг друга, когда вихрь стих. Дарина гладила шершавыми от постоянных ласк тетивы и повода ладонями влажные волосы, плечи, спину любовника. Ее прикосновения как будто продлевали должное покинуть их мгновенье близости, протягивало его в каждую вновь наступающую секунду.

Ольмар поймал ее руку у бедра, снял с себя и опустил на простыню.

А ей показалось – отшвырнул. Ей показалось, он вмиг возвел невидимую границу, перечеркивая близость, отгораживая себя от нее. А может, граница была и раньше и она никуда не исчезала на самом деле, а женщина ее просто не заметила?

Бушующая буквально только что в душе знойная буря, поднимавшая лавину чувств, налетела на северный ветер. Ни бури, ни жара – всего лишь упавший на лед слой песка.

Дарина едва слышно прерывисто вздохнула. Робко. И больше не пыталась приблизиться, чтобы отогреть свое вновь обретенное одиночество.

– Ольм... – Голос сбился и запутался среди тайн его глаз. – Они... То есть мы все... Тут ничего не меняется, ты и сам это видишь. Мы сопроводили тебя сюда, и дальнейших приказов не поступает. То есть как бы присягу свою мы ничем не нарушим, если постараемся вернуться обратно, поближе к Доноварру. А ты остаешься продолжать дипломатическую миссию, Латфор же берется обеспечить твою безопасность? Понимаешь ли, Ольм, мы решили больше не ждать. Завтра мы уезжаем. Обратно. То есть не обратно в Ольмхольм, а пока что в Харад. А может, даже не сразу в Харад, Годэ ведь на болотах остался. А уже оттуда думаем пробиваться...

Принц молча рассматривал лепнину на потолке латфорского замка на протяжении всего ее сбивчивого монолога. Потом улыбнулся одними уголками губ и, медленно перекатившись на бок, повернулся к Дарине. Потянулся, заползая под простыню, и резко снова вынырнул обратно. Его рука легла на ее щеку, большой палец нежно гладил скулу на осунувшемся худом лице. Он смотрел достаточно долго, чтобы Дарина успела забыть о важности сказанного, и самым важным для нее стали его лучистые, невероятно красивые глаза.

И она умудрилась в сотый раз вновь поймать себя на мысли, что любит его. И в сотый же раз проклясть себя за столь странные мысли. Не соответствующие ни времени, ни их положению.

Потом Ольмар вдруг резко подался вперед и поцеловал девушку куда-то под глаз.

Легко-легко.

– Я еду с вами.

Латфорское утро имеет несколько особенностей. Рассказывать о них ни латфорцы, ни гости города не любят. Горожане – потому что для них это привычное дело, а приезжие боятся, что, если начнут распространяться на эту тему, им все равно никто не поверит или, что значительно хуже, поднимут на смех.

Каждый путешественник, просыпавшийся в Латфоре хотя бы два раза подряд, безусловно замечал, что на рассвете начинается истошное кудахтанье кур и залиvistый лай

дворовых собак. Создавалось впечатление, будто все имевшие счастье жить в Латфоре куры разом, как одна, в течение получаса бесперебойно несли яйца, а псы оповещали об этом своих хозяев.

На второе утро разбуженный человек задавался естественным вопросом: откуда в древнем городе с чистыми мощеными улочками, изящными фасадами двух- и трехэтажных каменных домов могут вообще взяться куры, да еще в таком количестве, чтобы произвести столько шума? Потом страдалец начинал вспоминать, видел ли он хотя бы одну несущку на улице. И мучимый поисками ответов на эти вопросы, он ворочался с боку на бок, отгоняя последний сон. Вновь заснуть, признав источником шума невидимых птиц, мог далеко не каждый. А так как разгуливающих по Латфору кур никто собственными глазами никогда не видел, то и признаться в том, что они были услышаны, тоже никто не решался.

Ну кому понравится выглядеть идиотом в таком претенциозном городе?

На третье утро каждый нормальный человек, предчувствуя сквозь сон скорое наступление хаоса, загодя прятал голову под подушку. И избавлялся тем самым и от шума, и от ненужных мыслей.

Осторожный стук в дверь долго не мог прорваться сквозь пух перины.

Ольм заворчал и прижал подушку к ушам обеими руками. Однако это не помогло. Стучавший был настойчив настолько же, насколько уважителен. Стук не прекращался.

Рядом жалобно застонала Дарина, прячась от навязчивых звуков как можно глубже в слои покрывал.

Ольм сел. Попытался стряхнуть недосып резким взмахом головы. Непослушным голосом произнес обычно повелительное:

– Войдите...

На пороге возник, белея напыщенной важностью парика, лакей. Голос его был тоже каким-то странным. Возможно, и для него утро тоже было необычно ранним, а возможно, он просто простыл, стоя на страже у дверей полных сквозняков дворцовых коридоров. Так или иначе, но лакей проскрипел:

– Шестнадцатидневный траур окончен. – Он поперхнулся. Сделал паузу, изо всех сил сдерживая подступающий кашель. Пауза, на его взгляд, видимо, пришлась к месту. Поэтому он выдержал ее еще немного, уже после того как приступ кашля был подавлен. Для пущей важности. И уже нараспев продолжал: – Его величество князь Иорет IX, владетель Латфора, прямой потомок их величества Иорета I, прозванного Мудрым, к несчастью, оставившего нас восемьсот лет назад и почившего в Бозе, ожидает вас в своих покоях.

Слуга ждал, застыв в проеме дверей, пока Ольмар оденется. На ничего не выражавшей маске лица подвижны были только глаза. Развернувшись вполоборота, он изо всех сил пытался не уронить взгляд на лежащее на полу женское платье, старательно делая вид, что его вообще не существует. Меньше всего на свете слуге хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что ему доподлинно известно, кто является владелицей атласного одеяния цвета перчаточной мяты.

– Прошу следовать за мной. – Лакей услужливо распахнул обе створки двери перед светлейшей особой.

Мельком обернувшись через плечо, принц заметил, что в просвет между простынями на него смотрит Дарина. Ему показалось, что ее глаза улыбаются.

Ольм следовал за лакеем, указывающим дорогу, хотя прекрасно мог пройти по ней сам даже с закрытыми глазами. Он выучил наизусть все галереи и повороты замка за дни,

потраченные на безуспешные попытки добиться встречи с Йоретом.

Сейчас принц был спокоен и холоден как никогда. Его уже не удивило бы присутствие здесь официальных представителей Удматории. Более того, его не удивило бы даже присутствие здесь самого императора Удма. Он перестал этого бояться.

Ольмар заранее принял для себя возможность предательства Ордена Чести всеми, и Латфором в том числе, и был готов увидеть сейчас, когда перед ним наконец распахнется аудиенц-зал, что по правую сторону от трона седовласого князя маячит фигура в плаще с удматорской символикой.

Лакей еще уважительней, хотя это казалось уже невозможным, склонил голову, перед тем как открыть последнюю пару дверей. Отступая в сторону, чтобы открыть принцу путь, он объявил:

– Его светлость принц Ольмар Роуи Весейжд Хальмгард-третий, принц Озерного края, сын Доноварра IV.

Солнце медленно выкатывалось из-за горизонта, разливая позолоту по краям облака, откуда она блестящей росой стекала на темно-синюю полосу леса. Солнце будто потягивалось, недоуменно разглядывая невесть почему не погасшие еще звезды. Ему было некуда спешить, и можно было, приостановившись, поразмыслить над этим.

Группа всадников выехала из рощицы на берегу. Уже далеко позади за их спинами остались серые, впивающиеся стрелами в небо башни Латфорского замка с реющими на шпильях стягами.

Ветер гнал по поверхности озера рябь, сминая отражение его берегов, как неудачный эскиз.

– Значит, так, – думала вслух Дарина, глядя на отлетающую от копыт гнедой гальку, – получается, нет ниоткуда нам ни помощи, ни защиты. Принцы с князьями рыбку в мутной воде ловят, а нам, простолюдинам неграмотным, что делать? Вот что делать...

Девушка по очереди воззрилась на всех участников группы, но ей никто не ответил.

– Никто и не сказал, – подытожила она. – Выходит, что бы мы ни сделали, все едино?

Порыв ветра всколыхнул вокруг ее головы выбившиеся из гладкого высокого хвоста кудри. Дарина подняла капюшон плаща.

– Солнце еще ласковое, а ветер уже такой колючий...

– Сейчас тепло для осени. Здесь обычно холоднее в это время года. – Лошадь монаха поравнялась с ее собственной.

Дарина удивленно подняла бровь:

– Ты так говоришь, как будто жил здесь всю жизнь.

– Не всю. – Шелест старался ехать рядом с ней шагом. – В детстве.

– Ну то в детстве... – протянула Дарина.

– Ты думаешь, тогда осени были иные? – В голосе Шелеста появилась теплая улыбчивая интонация.

– Тогда все было иное, – серьезно ответила девушка. – Даже пару лет назад все было не таким.

– Ветер тянет тучи. – Гыд указал рукояткой хлыста на юго-запад. – Видите? Непогода собирается, ветер дует к нам, выходит, в ненастье едем.

Саммар поправил ворот плаща.

«В ненастье едем. Не зря плечо ныло. Ненастье. Истинно так. Усмехается судьба или

знак такой явный дает? – Он покосился на спутников. – Все едино, сказала Дарина. Тогда не все ли равно, что впереди – ненастье или ясный день? И сколько лет уже для нас так – *все едино*. Перекати-поле. Наемники. Без дома, без долга, под чужую волю... Как же так получилось, что из-за какого-то клочка земли высоко в горах, который не видел уже лет двадцать, если не больше, так скребет на сердце? Почему он так важен? Покинутый очень давно дом разве может быть настолько дорог, чтобы хотелось видеть его свободным, пусть даже ценой собственной жизни? Дом – короб из сколоченных досок, набитых хламом...

Или нет?

Харад – это то место, которое каждый бережно хранит в глубинах сердца, – но не как светлое прошлое, а как жарко желаемое будущее. Он – уверенность, что на земле есть уголок, куда ты всегда можешь вернуться и где никогда не будешь чужим. Иначе зачем сейчас возвращаться в Харад?»

– Безопасней было отсидеться в Латфоре, – соглашаясь с его мыслями, произнес монах. – По крайней мере, пока не станет ясно, кто в этой сваре за кого встанет. Все сейчас смутно, а мы вроде бы ни с кем – а значит, против всех.

– И значит, все – против нас. – Дарина усмехнулась. – Не привыкать и к такому.

– Действительно, тебе, может, и не привыкать, – подтвердил Шелест. – Но это противостояние не в таких масштабах, к которым ты привыкла.

– Да что ты говоришь?! – В тоне женщины появилась явственная злорадная издевка. – А тебе, нужно думать, придется что-то резко в жизни менять, да? Вас, монахов, все ведь безумно любят!

– Не об этом речь, – спокойно ответил на ее выпад Шелест.

– Если ты хотел остаться в Латфоре, остался бы с Ольмом, зачем поехал с нами? Я вообще вас всех не пойму – то сломя голову рветесь защищать границы Харада, то обратно повернуть мечтаете, чтоб понадежней сховаться.

– С чего ты взяла, что я хотел там остаться? Я совершенно этого не хотел, – возразил ее собеседник.

– Зачем тогда говорить?

– Я считал, что там безопасней.

«Конечно, там безопасней. – Мысли Саммара перекликались с общим разговором, хотя сам он не произносил ни слова. – И прибыльней. Сидишь себе во дворце, во-первых – в тылу, во-вторых – телохранителям очень неплохо платят. Еще вчера было все предельно ясно. Теперь, когда мы тронулись в путь, меня мучает вопрос: зачем я еду в Харад? Поздновато для таких мыслей, если уж принял решение. И все же – зачем? Ради сопливых воспоминаний Гыда? Нет, не то... Да и есть ли они, эти воспоминания? В десять лет он, конечно, еще пас в горах овец, но в тринадцать-то уже бегал в моей сотне по Озерному краю. – Наемник легко тронул носком сапога лошадиный бок, понуждая животное ускорить шаг. – В Ольмхольме каждый из нас прожил намного дольше, чем в Хараде. Тогда что это за неуместная сентиментальность? Возвращаться сейчас в Харад через территорию Княжграда и Потлова – верная смерть».

– Я всегда думал, что Харад – это на самом деле не место. Харад – это идея, – тихо произнес Шелест.

Саммар посмотрел в сторону ссутулившей плечи фигуры в рясе. Вздохнул – то, что слова монаха могли эхом сопровождать мысли, его ничуть не удивляло. Удивляло его, что в большинстве случаев тот оказывался прав. И правота его была Саммару ближе, нежели его

собственная.

– Идея свободы, – уточнил Шелест.

Гыд с Дариной переглянулись.

– Не знаю насчет идеи, – после некоторого замешательства вставил Гыд. – Я-то домой еду. У меня там семья. Мама. Отец.

– И я домой... – Дарина перехватила поудобней повод. На ее лицо набежала секундная грустная тень, которую оставляют воспоминания. – Ты никогда не говорил, что скучаешь по ним.

– Я скучаю? Нет, конечно. – Гыд удивленно глянул на спутницу. – Нет. Скучать – значит болеть. А я не болею. Я о них думаю!

– А я скучаю. Очень скучаю.

– Ну, у тебя все по-другому, – протянул младший харадец. – У тебя там не только родители.

– Да, – согласился с ним Саммар, – у нее на самом деле все по-другому.

Поворот, который приняла беседа, коснувшись Дарины, и заставила ее задуматься и замолчать.

– Кто-то тебя там сильно ждет? – нарушил молчание монах.

Дарина повернулась вполоборота и почти без обычного страха взглянула в обращенную к ней из-под капюшона темноту.

– Увидишь. Когда приедем. – Она помедлила, а потом произнесла: – Если приедем.

Саммар снова погрузился в свои противоречивые рассуждения.

Липкий опыт наемника нашептывал ему о единственно возможном выходе: найти способ перейти на сторону сильнейшего. В данном случае – на сторону имперской армии.

Ведь было уже так с ним в одной междоусобице, давно, правда, еще до того, как судьба занесла его на берега Вейерсдаля и сродственных ему озер. Сначала он сражался за одних, потом перешел линию фронта и стал воевать за других. Все объяснялось просто, никаких морально-этических заморочек, – на другой стороне платили больше.

«Но сейчас все не так...» Как ни старался чернобровый харадец, он не мог представить себя в рядах удматорских гвардейцев, подминающих в кровавом марше под себя Озерный край, Кряж, Потлов...

«Эх, старею... – решил бородач. – Старею, значит? А зачем тогда жалеть себя или что-то выгадывать? Смерть, она придет, как ни выворачивай, так что от нее петлять-то? Хотя бы раз сделать так, как хочется – как лежит на сердце. В Харад так в Харад. И мы бойне будем рады, и она нам... Гыда только жалко – не понял он ничего еще в жизни. Кроме блеска стали ничего и не видел. Чем для него жизнь измеряется? Мастерством в битве да теплым ночлегом после перехода. Вот и все счастье...»

Что есть путь?

Дорога, уходящая за горизонт, манящая неведомыми далями?

Почему она, собственно говоря, манит?

Разве не разумно предположение, что за твоей деревней возникнет еще одна деревня? Будет она больше или меньше, чуть-чуть иной или идентичной твоей, какая, в сущности, разница – все равно это будет еще одна деревня, так что же тут заманчивого?

Или глазу приятен калейдоскоп пейзажей, сменяющий друг друга с каждым истекающим часом путешествия? Леса – степи – пустыни – горы – береговая полоса?

А может быть, дорога – это возможность встречи с людьми, которых никогда не встретишь, сидя дома?

Или это шанс, дающийся судьбой мыслям? Чтобы они смогли найти родственные, близкие себе в вырванном из обыденной чехарды суеты вакууме восприятия?

«Вот там – да, там люди *живут*, а у нас что? Так, мутотень одна, – сетует на завалинке очередной дед Лапоть, скручивая самокрутку. – Там счастье, где нас нет. Значит, верно, что тутова его нетути...»

Наслушается его откровений любопытная деревенская детвора, и сбежит из-за этих слов с котомкой за плечами особо отчаянный малец, счастья искать.

Запомнявав, что тот же дед Лапоть не менее часто изрекает и другую явную для себя истину: «Басурмане вокруг, а чё ты так глядишь? Испужался? Так правильно – их бояться и надо. Где басурмане? Где-где... хе... да я ж говорю – везде! Вот на прошлую ярмарку приезжали к нам из-за Бобровского обрыва хуторяне, видел ты их? Ну? Ты слышал, как они курей называют?» – Тут дед делает многозначительную и, по его мнению, все объясняющую паузу. Для пущей важности он картинно выкатывает глаза, изо всех сил пытаюсь сымитировать говор приезжих. – «Пяа-аструшка! Это куру, слышь? Пяа-аструшка! А как цигарки сворачивают – вообще смотреть тошно... И что, скажешь, не басурмане они? Все у них не по-людски. Спят, верно, вместе с собаками... Одним словом – ниче хорошего, окромя плохого, там быть не может. Срамота одна – не то, что у нас. У нас-то все чин чином. По-чело-ве-чес-ки!»

И чистят потом другие отчаянные мальцы пришлым парням пятаки, сцепившись под предлогом какой-нибудь ерунды. Чтоб басурманам впредь неповадно было в их расчудесный край соваться.

Два этих противоположных суждения об окружающем мире мирно уживаются в голове деревенского философа. Веселый дедов прищур всем слушателям дает право выбора. Ведь может быть так, а может быть и эдак – как на самом деле, Лапоть не знает. Сам-то он за пределы деревни за всю свою долгую жизнь никогда не выезжал. И мысли такой не было. Вот поговорить, это да, это другое дело. Это завсегда с большой радостью.

Путь начинается с одного шага. Иногда это решение, принятое из-за чьей-то высказанной бредовой мысли, зародившей в душе мечту. Шаг, сделанный внутри, зачастую важнее. Мысль может унести намного дальше, чем это в силах будут сделать ноги. И начинается путь, определяющий судьбу.

При рождении девочку нарекли Ильдаринай-Дагар Иссия Лей. Это была дань еще не изжившей себя традиции, память о той земле, откуда родом были ее предки. Она появилась в семье переселенцев с запада за несколько лет до того, как семья осела в предгорной части Потлова.

На новой родине длинных имен не любили. Местные жители во всем предпочитали определенность, и такое многословное именование одного и того же человека ставило их в тупик. Поэтому очень быстро ее имя само собой сократилось до трех слогов – Дарина. А дети еще больше упростили задачу, называя ее между собой исключительно Риной.

Самой пожилой представительнице семейства, доводившейся Рине двоюродной прабабкой, это не имевшее ничего общего с традиционным уменьшительным именем сокращение категорически пришлось не по вкусу. В нем она видела предзнаменование всевозможных бед, которые свалятся на голову человека, разъединенного со своим истинным именем.

– Почему они не называют тебя Ильда? Или Лей? – шамкала поредевшими рядами зубов прабабка, пытаясь узловатыми неловкими пальцами собрать в косу шелковистые, ускользающие от нее светло-русые пряди волос. – Что за Дарина? Выдрали кусок посреди имени. Будто лишили его сердца. Так они тебе накаркают этим «Рина-Рина», и у судьбы твоей сердцевина окажется без начала и конца. Тело без головы и ног!

Отец, который сидел у окна и бесконечно тачал ряды разновеликой обуви, каждый раз, слыша это, поднимал от работы голову. Слова старухи казались ему пророческими не относительно ребенка, они словно касались всех членов семьи. «Тело без головы и ног» – он и сам уже давно так окрестил свою судьбу.

Сорвавшись с обжитого места, ушел искать лучшей доли еще его дед. Пропав без вести на несколько лет, за что его едва не объявили умершим, он внезапно снова появился в родных местах – у озер, богатых рыбой и янтарем, с дивными рассказами про сказочный край Потлов, где молоко течет вместо воды, а хлебные нивы родят по три раза в год.

Убедив родичей, что перебраться туда – это именно то, что нужно их разросшейся семье, с трудом кормившейся с родового надела, он быстро организовал переезд. Так больше века назад предки Рины оказались в одной из деревень, обильно разбросанных между двумя великими потловскими реками Буром и Бережкой. Старая прабабка вспоминала те времена как самую светлую полосу своей жизни. И не раз с гордостью рассказывала, как ловко тогда устроил все с переездом ее старший брат.

Край, называвшийся Межбрежным Потловом, был и вправду богат и красив. Сами потловчане – рассудительные, немногословные и все как один охочие до работы, пришились по душе таким же работающим переселенцам. Да и зимы на новом месте выдавались не в пример мягче озерных. И все было бы прекрасно, если бы не совпал переезд по времени с возвращением этих земель, долгое время живших под властью дома Арьезских, обратно под протекторат официального Потлова.

Уходя, Арьезские забирали все, что считали своим, да и чужое прихватывать не чурались. А что не могли забрать – жгли. Горели новостройки герцогских усадеб, горели бревна вековых деревьев, которые не успели сплавить по реке, горели неубранные хлеба.

Народ разделился на обозленных и плачущих. Злые сбивались в банды и куролесили в округе, от безысходности да безвластия больше, нежели от голода. Плачущие прятались в лесах или уходили, побросав все нажитое, с одной тощей котомкой за плечами в спокойные места, ближе к Харадским горам.

По сути своей, и те и другие были обездолены, лишены крова. И тех и других сиротила потеря близких.

В какой-то момент деревня, в которой пытались обосноваться предки Рины, тоже оказалась на непонятно чьей земле. Сменяя друг друга, словно в дурной чехарде, приходили отряды то под герцогскими флагами, то под княжескими. Сначала им требовались вполне разумные вещи: деньги, еда и кров. Привыкшие платить дань не этим, так другим жители деревни потуже затянули пояса. Да так лихо, что он, этот пояс, чуть в конце концов не перерезал их надвое. Люди роптали, но стойко переносили голод. Пока дело не дошло до требований, выдвинутых главами обеих дружин, – выдать с каждого двора по человеку в новобранцы.

И выходило так, что если и дальше слушаться и тех и других, то каждая семья должна вооружить двоих своих детей, поставить затем супротив и смотреть, как они друг друга убивают.

Семья Дарины перебралась в этот край не для того, чтобы кого-то терять в междоусобной войне чужих князей. А их соседи селяне искренне недоумевали, какая может быть война, когда на носу покос. Они не встали ни на чью сторону. А когда ты ни с кем, все против тебя.

После того как выгорела вся деревня, в которой так неплохо поначалу жилось, им снова пришлось отправиться в путь. В сторону, где, говорили, живет спокойно и свободно. Это место находилось где-то в горах. И название у него было чудное – Харад.

Перебираться с места на место без гроша за душой – это ничем не напоминало первый переезд. Батрачить за еду и ночлег, – так низко планка семьи Рины не опускалась никогда. Но им надо было выжить, сохранить себя, для того чтобы пустить корни и прижиться на новом месте.

Приходилось подолгу останавливаться в попадавшихся на пути деревнях. Когда, чтобы заработать, когда – чтобы переждать в непогоду распутицу дорог, растягивающихся на осень, зиму и весну, когда – чтобы дать покой занедужившим.

Кто-то пути не вынес, и линия дороги от Межбрежного Потлова до Харадских гор в нескольких местах прерывалась пунктиром, оставленным могилами с длинными чужестранными именами на надгробьях. В одной из них упокоился затеявший всю эту авантюру патриарх семейства, которому так и не довелось обрести надежный кров над головой.

Его дорога привела семью к сей юдоли.

Некогда самая младшая сестричка постепенно стала старше всех. Тонкие губы на иссохшем от ветра времени лице скорбно поджаты. Сквозь сетку морщин иной раз прорывается: «Где ж тот Харад? Есть ли земля эта, раз за столько лет не сумели прийти к ней? Мы стали вэнзами, степными кочевниками, перекати-полем, для которых дорога – дом, а не путь, ведущий к дому...»

Сыновья переселенцев росли, мужали и брали в жены дочерей других народов. Их же девы уходили в чужие племена, навсегда отлетая от семьи, потерянные ею без вести. Как мало осталось от семьи на рубеже века скитаний!

«Тело без головы и ног – куда мы можем прийти?» – бормотал себе под нос отец. Его сильные пальцы снова и снова пробивали дубленую кожу, прошивая ее, стягивая детали будущей обуви шпагатом из жил.

Лет до пяти Дарина не замечала никаких отличий между собой и детьми коренных жителей. Среди тех тоже попадались не все сплошь черноволосые и кареглазые. Потом она заметила отчуждение. «Эта девочка не такая, как все. Потому что у нее родители не такие, как все».

«Не такие, как все» значило «не такие, как мы». И чем взрослее становились друзья ее детских игр, тем сильнее чувствовала Рина, как ее все дальше и дальше выталкивало из себя разделенное на кланы и сплоченное ими же в монолит строгой иерархии общество предгорий.

Однако Дарина не так сильно нуждалась в общении, чтобы тяготиться этим фактом. Не умом, нет – она на уровне собственной крови знала, что в мире есть куда более занимательные вещи, на которые стоит тратить силы и время. Которые больше этого достойны, чем заранее обреченные на провал попытки вписаться в кем-то выстроенные здания местных каст.

Проявляемого внешне дружелюбия было с нее довольно, она не пыталась кому-то что-то

доказать, ведь по рассказам прабабки выходило, что они здесь ненадолго.

«Еще совсем немного, и...» – Старуха переводила дух, перед тем как высказать мысль, от которой начинали совсем по-юношески светиться ее серо-голубые глаза, в обычное время будто подернутые туманом дурных воспоминаний. – ...И они смогут перебраться в Харад».

Старуха уже давно говорила об этом событии в третьем лице. Сказать «вы сможете перебраться в Харад» или тем более «мы сможем перебраться» ей уже не хватало смелости.

Время шло. Отец все так же шил у окна обувь, старуха, сидя на ступеньках небольшого дома, рассказывала то ли быль, то ли сказки, мать, которая сама была родом из соседнего селения, сетовала, что дом неплохо бы расширить, коров прикупить, сад досадить... Ведь деньги-то есть, – недоумевала мама. Она не понимала нежелание своего совсем нескупого мужа расширять хозяйство.

Отец слушал ее, соглашался, а потом снова принимался шить. И все посмеивался в светло-русую бороду да подмигивал Ильдаринай пронзительным синим глазом.

«У нас нечего есть?» – спрашивал он и сам же отвечал: «Есть, и с избытком. Тебе нечего надеть? И этого достаточно».

С такими доводами и жили несколько связанных кровными узами человек.

На землю Харادا семья Рины ступила, когда ее первый сын уже мог самостоятельно держаться в седле, а второй ходил, цепляясь за все трогательными пухлыми ручками с маленькими пальчиками.

Глаза прабабки к тому времени почти полностью покрыла белесая пелена старости. Ясный ее ум, бывало, проваливался куда-то за такую же непрозрачную для лучей действительности завесу. Она заговаривалась, называя «Ильдаринай» другую маленькую девочку, которую звали совсем иначе.

«Когда мы приедем в Харад?» – начинала по-детски капризничать бабушка, и никому не удавалось ее в такие моменты переубедить в том, что Харад – вот он, уже везде вокруг и сейчас.

А ведь судьба Ильдаринай вполне могла сложиться так, что до Харادا бы она так и не добралась.

Она отлюбила свою первую страсть, будучи еще пятнадцатилетней босоногой Дариной из Предгорья. Совсем еще девчонкой она сошлась с харадским наемником, возвращавшимся через Предгорье домой.

Возможно, ее к нему толкнуло то, что парню было все равно, чем она отличается от местных девушек, и что нет места на земле, которое она по праву могла бы назвать родиной. А может, ее покорило то, что он всегда говорил: «Я – Эзхан из Харادا!», и название этого края действовало на нее как магическое заклинание.

Родня девушки гордо называла этот союз браком, в деревне посмеивались, радуясь пересудам и строя предположения насчет его длительности.

Среди семейных радостей, скандалов и похожих один на другой будней она вдруг поняла каждую из тех дочерей, безвозвратно исчезнувших из истории семьи, будто отвалившихся от ствола мертвых веток. Они уходили, чтобы прорасти где-то своими стволами, написать свою историю – и их Харад был ими уже найден намного ранее всех остальных.

И для самой Дарины перестало быть необходимым стремиться куда-то, и все больше раздражало преследующее шамканье прабабушкиных рассказов. Она почти решила осесть тогда в Предгорье, оставив семью, как многие до нее. Но этого не произошло.

В призме будней Дарина разглядела своего наемника как под очень сильным

оптическим стеклом, которое использовали длиннородные ученые мужи, беспечно разглядывающие небо сутки напролет. Мощный красивый мужчина при этом увеличении оказался маленьким, как кусок гальки на ее ладошке. И его пока еще жена поняла, что Эзхан никогда не станет ее Харадом. Слепляющая страсть сменилась прозрением разочарования.

Но пока она не могла ничего с собой поделывать – ее тянуло к нему. Дарине нравилось, когда, приезжая на краткие побывки из Потлова, Эзхан учил ее стрелять из лука и владеть плоским широким палашом, считавшимся у харадцев исключительно женским оружием. А еще ей нравился его смех. В нем было столько солнца.

Потом ее муж пропал. Некоторые говорили, что его отряд попал в засаду, устроенную одной из банд на границе с Рыманом, другие – что его сманили в далекий край вербовщики с озер, третьи – что просто бросил ее, когда узнал, что девушка забеременела.

Так или иначе, потянулись одна за другой длинные тоскливые зимы. За спиной Рины уже не шушукались, над ней открыто смеялись. Сидя у окна, глядя на возвышающиеся синей кромкой горы, Дарина думала о том, как глупо было совсем недавно хотеть остаться в Предгорье, огрызаться на бедную старенькую бабушку и думать, что она, Рина, умнее и счастливее всех.

Вторым мужем Рины, прозванной соломенной вдовой, стал деревенский кузнец Ясвиль. Его местные за своего не признавали еще более, чем приехавших на обозах неизвестно откуда людей со странными длинными именами.

Кузнец обладал невероятной силой и крайней неуклюжестью в подпитии. На его счету была вереница возникших пожаров и покалеченных за несговорчивый характер лошадей. К тому же Ясвиль был хром из-за размозжившего кости ступни упущенного молота и крив на один глаз, куда срикошетили металлические опилки. Девушки от него шарахались, еще издали пугаясь внешности, а непьющие мужчины сторонились, не желая, чтобы на них перекинулась его невезучесть.

Оба, и Дарина и Ясвиль, были слишком молоды, чтобы долгое время смиренно принимать холод вынужденного одиночества. И если бы причины, вызвавшие его, имели одну природу, возможно, их брак бы не распался в конце концов. Взаимная несхожесть с остальными спланировала бы мужчину и женщину, заставляя защищаться от всего мира, сплотила бы в семью.

Если бы оба они были пришлыми или оба имели физические недостатки – возможно, они бы поняли боль друг друга. Но несхожесть не была тождественна, на фоне собственных изъянов чужие казались еще более уродливыми и преступными.

Приняв на грудь, кузнец, наваливаясь на стол, высказывал молодой жене претензии по поводу ее подозрительной родословной и неблагоприятного первого супруга, выводил припадками ревности. На что Дарина, подбоченясь, с безопасного расстояния отвечала тирадой о его, Ясвиля, косоруких руках, которые растут не из того места, и тотальной невезучести в делах. Кузнец рычал, прицеливаясь косым глазом, пытался нетвердой рукой швырнуть первое, что под нее попало, в языкастую супругу. Под руку попадало разное, но в цель – ничего. И, поглядев на неуклюжие попытки мужа, плюнув с досады, совсем еще молодая девушка хлопала дверью и, прихватив с собой сына, уезжала подальше в лес, чтобы пострелять и успокоить нервы.

А так как скандалы были нередки, то стрельба ее очень скоро приобрела почти профессиональную меткость.

Когда на семейном совете было принято решение в очередной раз отправиться в путь,

Рина совершенно не удивилась. Ясвиль от предложенной перспективы переезда пришел в ярость.

«Жена должна быть при муже! Слышишь – жена! Там, где муж, там ее место!» Видя ее неспешные, но и непрекращающиеся сборы, кузнец то уходил в многодневные запои, в результате которых громил все вокруг и бросался на людей, всех и каждому обещая порешить себя, их и пущенную в дом приبلуду, то ползал перед Дариной среди черепков побитой посуды, хватая за колени и причитая: «Ну куда ж ты собралась ехать – живот вон какой большой, где рожать собираешься, под телегой?»

В день отъезда семьи соседи видели, как Ясвиль, заперев жену дома, заколачивает двери и окна со словами: «Там же мой ребенок, мой! Рожай его, а потом уезжай, куда хочешь! Хоть к убийцам в Харад, хоть к гулящим бабам в Потлов!»

«Сам же отпирать будешь, скотина! А меня ничем здесь не удержишь!» – слышался из дома звонкий голос Дарины.

«Да кому ты нужна, зараза!» – зверел кузнец, и единственный живой глаз его наливался кровью, не предвещая ничего хорошего.

«Ребенок тебе для чего, ты ж и его пропьешь, когда больше пропить нечего будет!» – не унималась из-за закрытых дверей Дарина и смеялась недобрым, издевательским смехом. – Вот подожди, я выберусь отсюда – пристрелю тебя, как бешеного пса!»

«А-а-а!» – орал Ясвиль и лупил по толстым доскам двери молотком, не разбирая места.

Конечно же к вечеру он напился вдрызг и сам же ночью, страшно матерясь, повыдергивал из двери забитые поутру костыли, чтобы попасть внутрь. Напрочь забыв в пьяном угаре, для чего они были вбиты. Шатаясь, глядя на все стеклянными глазами, едва узнавая свой дом, Ясвиль прошел мимо сидящей у камина жены и с грохотом упал на кровать в соседней комнате. Дарина же спокойно, как будто именно так все и было запланировано, подошла, укрыла его одеялом, а потом вышла из дому, держа в правой руке узел с вещами, а в левой – ладошку сына.

По двору бродила брошенная Ясвилем лошадь, Дарина впрягла ее в стоящую в сарае телегу. Сложила на нее собранные загодя в кладовке мешки и жбаны с продуктами. Поставила клетку, в которую сунула пяток несущек и черного петуха. Посадила на узлы ребенка. И, последний раз взглянув на дом, отправилась догонять уехавшую без нее поутру семью.

Прячась за прикрытыми ставнями, соседи смотрели, как сбегает от кузнеца его сумасшедшая беременная жена.

«Гляди, гляди – и кур прихватила, и жбан с медом сперла! А сыру-то, сыру сколько! Она ж из бродяжек, прихватит все, что плохо лежит. Не усиделось-таки на месте! Обобрала бедного парня небось до нитки, он же кузнец – а у них всегда копейка к копейке копится...»

Как-то забылось сразу у них, что каждую полученную копейку Ясвиль старался спустить в шинке, стоящем на дороге, ведущей из Потлова в Харад. Деньги ему словно жгли руки, он стремился избавиться от них как можно скорее.

Сплетни сделали сбежавшую жену самым что ни на есть истинным корнем зла, от присутствия которого происходили все несчастья, вплоть до того, что во всей деревне зимой плохо неслись куры и не уродились каждый второй год яблоки. Ее исчезновению злорадно радовались, а кузнецу попервой сочувствовали и даже пытались подыскать ему новую зазнобу из вдовых деревенских баб.

Впрочем, сочувствие длилось ровно до момента появления очередных всполохов,

выпрыгнувших из кузни на соседствующие с ней дворы, напомнивших, что пил и куролесил всю жизнь Ясвиль совершенно не в связи с Дариной.

В Харад семья прибыла почти через год пути.

И теперь отец, повторявший раньше как приставшую поговорку про тело без ног и головы, заимел привычку бормотать себе под нос: «Лучше позже, чем никогда, но почему же не раньше?»

Глава 4

Сначала он увидел потолок – деревянную поверхность из плотно пригнанных друг к другу досок. Потемневшие от времени полосы необработанного дерева сохранили на себе естественные узоры замкнутых волнообразных линий как память о том, что некогда из ствола тянулись струны веток.

В углу, перебирая лапками, плел паутину крошечный паучок. Он трогал почти незримые нити, скользя по их направлениям, и паутина получала новый спиральный виток переплетений.

Все время смотреть вверх было больно, и взгляд сам по себе медленно съехал вниз.

Он видел открытое на одну створку окно. В стекле рамы качалось отражение ветвей, покрытых глянцевой зеленью листвы. Когда саму раму трогал ветер, от стекла отскакивали зайчики. Они уносились вверх, в чистое небо, раскинувшееся где-то над устроенным ветром переполохом глянцевых листьев.

Он медленно прикрыл глаза.

Как только полоса света между смыкающимися веками исчезла, комнату перечеркнуло видение холодной ночной пустыни и нарастающий в ней шепот.

Это было страшно – ночь была пронизывающе холодна и до горизонта пустынна. Шепот полз по ней, припадая к земле. Нарастающий, зловещий.

Эта ночь была реальнее, чем только что увиденное окно и деревья за ним. Он видел ее настолько ясно, что не было ощущения того, что это происходит за сомкнутыми ресницами.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Из древнего предсказания. – *Здесь и далее примеч. авт.*

Из песни менестрелей.